

MODERN ORIENTAL STUDIES

СОВРЕМЕННЫЕ
ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

VOL. 7, №2
TOM 7, №2

2025

16+

Востоковедение

Publisher of the magazine: ANO "Association of Chinese Language Teachers of the Volga Federal District". Issues of the journal are placed in the RSCI databases (www.elibrary.ru) on the basis of a license agreement with the Scientific Electronic Library, RSL, TASS, Cyberleninka.

Based on the order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated July 20, 2022 No. 314-r, the journal is included in the List of the Higher Attestation Commission for 5 scientific specialties and relevant branches of science:

- 5.6.2. General history (historical sciences);
- 5.6.7. History of international relations and foreign policy (historical sciences);
- 5.7.2. History of philosophy (philosophical sciences);
- 5.9.6. Languages of peoples of foreign countries (Chinese and Turkish) (philological sciences);
- 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences).

Frequency of the journal's publication: 4 issues per year.

The mission of the journal is to integrate and consolidate the scientific potential of orientologists from Russia and abroad.

The main goal of the journal is to highlight the main scientific achievements in the field of oriental philology, history, culture and philosophy of the East.

The objectives of the journal:

- Coordination and popularization of oriental studies.
- Ensuring a wide exchange of ideas, experience, and results of oriental studies.
- Carrying out joint scientific research with leading scientists of foreign centers of oriental studies.
- Organization of joint scientific events (forums, conferences, seminars) with leading domestic and foreign associations and research centers of oriental studies.
- Studying the experience of leading foreign centers of oriental studies.

The journal accepts articles in 8 languages: Russian, English, Chinese, Turkish, Arabic, Japanese, Korean, Vietnamese.

Издатель журнала: АНО «Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа». Выпуски журнала размещаются в базах РИНЦ (www.elibrary.ru) на основании лицензионного договора с Научной электронной библиотекой, РГБ, ТАСС, Cyberleninka.

На основании распоряжения Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 20 июля 2022 г. №314-р журнал включен в Перечень ВАК по 5 научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки);
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки);
- 5.7.2. История философии (философские науки);
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (китайский и турецкий языки) (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Периодичность выхода журнала: 4 номера в год.

Миссия журнала — интеграция и консолидация научного потенциала востоковедов России и зарубежья.

Цель журнала — освещения основных научных достижений в области восточной филологии, истории, культуры и философии Востока.

Задачи журнала:

- Координация и популяризация востоковедческих исследований;
- Обеспечение широкого обмена идеями, опытом, результатами востоковедческих исследований;
- Проведение совместных научных исследований с ведущими учеными зарубежных центров востоковедения;
- Организация совместных научных мероприятий (форумов, конференций, семинаров) с ведущими отечественными и зарубежными ассоциациями и научно-исследовательскими центрами востоковедения;
- Изучение опыта ведущих зарубежных центров востоковедения.

В журнал принимаются статьи на 8 языках: русском, английском, китайском, турецком, арабском, японском, корейском, вьетнамском.

Founder: ANO Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District (ACTV)

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media

Registration certificate: ПИ No. ФС 77 - 76298 dated 26.07.2019

Year of foundation: 2019

Frequency: 4 issues per year

The journal is distributed by subscription. Subscription index — BH018379. Free price.

Distribution territory: Russian Federation, foreign countries

Publisher: ANO Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District (ACTV)

Publisher's address: Prospekt Pobedy 226a, Kazan, Rep. Tatarstan, Russia, 420088

The postal address of the editorial office: 420008, RT, Kazan, st. Martyna Mezhlauka, 3, office. 117, tel +7 (843) 22 133 21

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

The journal is placed and indexed in abstract and full-text databases: Russian Science Citation Index (RSCI), Higher Attestation Commission (HAC)

Release date: 00.00.2025. Offset paper. Digital printing. Format A4. The total circulation is 500 copies. Order No. /2025. Printed from finished layout at the «Fen» Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan

Layout and prepress: Dionis Publishing

Printing house address: Bauman st., 20, Kazan, Russia, 420111

Tel.: +7 (843) 292-49-14

EDITORIAL AND PUBLISHING GROUP:

Editor-in-Chief: Dmitry Martynov, Doctor of History, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Scientific editor: Ramil Valeev, Doctor of History, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Chief Editor: Alfiya Alikberova, Candidate of History, Associate Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Managing Editor: Rustem Mukhametzyanov, Candidate of History, Associate Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Secretary:

Dmitry Balakin, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Chairman of the Editorial Board: Elmira Khabibullina, Candidate of Philology, Associate Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

EDITORIAL TEAM:

Irina Popova, Doctor of History, Professor, Corresponding Member, Director of the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Aleksandr Storozhuk, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Chinese Philology, Faculty of Oriental Studies, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Artyom Kobzev, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of the Far East, Leading Researcher at the Institute of Philosophy, Head of the China Department of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr Semyonov, Candidate of History, Associate Professor, Professor of the Department of Oriental Languages, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Mariya Repenkova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Turkic Philology, Institute of the History of Asian and African Countries, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yakov Grishin, Doctor of History, Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Valery Letyaev, Doctor of Law, Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Bulat Akhmetkarimov, Ph.D (philosophy), Associate Professor of the Institute International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Apollinaria Avrutina, Doctor of Philology, Associate Professor, Director of the Center for Research on Contemporary Turkey and Russian-Turkish relations, St. Petersburg State University

Aleksandr Lychagin, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Oriental Languages and Cultural Linguistics of the Institute of international relations and world history, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

Alfiya Yusupova, Doctor of Philology, Professor Institute of Philology and Intercultural Communication, Director of the Institute Kayuma Nasyri, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Emiliya Taisina, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia

Ko Young Cheol, Ph.D (Pedagogics), Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Norihiro Naganawa, Ph.D (Regional Studies), Professor at the Center for Slavic and Eurasian Studies, Hokkaido University, Sapporo, Japan

Chun Hyunju, Ph.D (Translation Studies), Associate Professor, Shinhan University, Seoul, Republic of Korea

Kim Jin Young, Ph.D (Sociology), Professor, Jeju University, Jeju, Republic of Korea

Tashansu Turker, Doctor of History, Professor, Ankara University, Ankara, Turkey

Ekrem Kalan, Doctor of History, Professor, Rector of the University of Alanya Alaaddin Keykubat, Alanya, Turkey

Phan Cuog Anh, Ph.D (Cultural Studies), Professor, Ho Chi Minh University of Culture, Ho Chi Minh City, Vietnam

Yang Ke, Ph.D (Russian), Professor, Director of the Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Languages and International Trade, Guangzhou, China

Kang Cheng, Ph.D (Comparative Literature), Professor, South China Normal University, Guangzhou, PRC

Учредитель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77 – 76298 от 26.07.2019

Год основания журнала: 2019 г.

Периодичность: 4 выпуска в год

Журнал распространяется по подписке. Подписной индекс — ВН018379. Цена свободная.

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Издатель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Адрес издателя: Проспект Победы 226а, г. Казань, Респ. Татарстан, Россия, 420088

Почтовый адрес редакции: 420008, РТ, г. Казань, ул. Мартына Межлаука, д. 3, каб. 117, тел +7(843) 22 133 21

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

Журнал размещается и индексируется в реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), перечень Высшей аттестационной комиссии (ВАК)

Дата выхода выпуска в свет: 00.00.2025. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат А4. Общий тираж 500 экз. Заказ № /2025. Отпечатано с готового оригинал-макета в Издательстве «Фэн» Академии наук РТ

Верстка и дорепечатная обработка: Dionis Publishing

Адрес типографии: ул. Баумана, 20, г. Казань, Россия, 420111

Тел.: +7(843)292-49-14

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА:

Главный редактор: Мартынов Дмитрий Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Научный редактор: Валеев Рамиль Миргасимович, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Шеф-редактор: Аликберова Альфия Рафисовна, кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Выпускающий редактор: Мухаметзянов Рустем Равилович, кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Ответственные секретари:

Балакин Дмитрий Александрович, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет г. Казань, Россия

Председатель редакционной коллегии: Хабибуллина Эльмира Камилевна, кандидат филологических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Попова Ирина Федоровна, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент, директор Института восточных рукописей, Российская академия наук, г. Санкт-Петербург, Россия

Сторожук Александр Георгиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой китайской филологии Восточного факультета, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Кобзев Артём Игоревич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока, ведущий научный сотрудник Института философии, руководитель Отдела Китая Института востоковедения, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Семенов Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры восточных языков, Дипломатическая Академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Россия

Репенкова Мария Михайловна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой тюркской филологии Института истории стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Гришин Яков Яковлевич, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Летяев Валерий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Ахметкаримов Булат Гумарбаевич, Ph.D (философия), доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Аврутина Аполлинария Сергеевна, доктор филологических наук, доцент, директор Центра исследований современной Турции и российско-турецких отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Лычагин Александр Иванович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой восточных языков и лингвокультурологии Института международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Юсупова Альфия Шавкетовна, доктор филологических наук, профессор Института филологии и межкультурной коммуникации, директор Института Каюма Насыри, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Тайсина Эмилия Анваровна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии Казанского государственного энергетического университета, г. Казань, Россия

Ко Ен Чоль, Ph.D (педагогика), профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Норихиро Наганава, Ph.D (регионоведение), профессор Центра славянских и евразийских исследований, университет Хоккайдо, г. Саппоро, Япония

Чон Хенджу, Ph.D (переводоведение), доцент, университет Шинхан, г. Сеул, Республика Корея

Ким Джин Енг, Ph.D (социология), профессор, университет Чеджу, г. Чеджу, Республика Корея

Ташансу Тюркер, доктор исторических наук, профессор, университет Анкары, г. Анкара, Турция

Экрем Калан, доктор исторических наук, профессор, ректор университета Аланьи Алааддина Кейкубата, г. Аланья, Турция

Фан Куог Ань, Ph.D (культурология), профессор, Хошиминский университет культуры, г. Хошимин, Вьетнам

Ян Кэ, Ph.D (русский язык), профессор, директор Института европейских языков и культур, Гуаньдунский университет иностранных языков и международной торговли, г. Гуаньчжоу, КНР

Кан Чэн, Ph.D (сравнительное литературоведение), профессор, Южно-Китайский педагогический университет, г. Гуаньчжоу, КНР

SECTIONS

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Mavlyautdinov I.S., Shafigullina L.Sh., Bronislavskaya T.V.</i> Semantic and cultural challenges in the process of translating religious texts from the Turkish language	10
<i>Letuchaya Y.A.</i> Syntactic roles of sentence members in a simple sentence in Chinese	22
<i>Ho T.T. H.</i> Difficulties of vietnamese learners in studying russian nouns	34
<i>Al-Bearmany Sarmad M.O., Palashevskaya I.V.</i> Methods for translating the metaphors in the Qur'an into English and Russian	42
<i>Paskova N.A., Hu Kexin.</i> Comparative analysis of adjectives with the meaning "tasty" in Russian and Chinese	56

PHILOSOPHICAL SCIENCES

<i>Nguyen H. P.</i> From the experience of some asian countries in protecting intangible cultural heritage to the protection of the Cai Luong Theater in Ho Chi Minh city	66
---	----

HISTORICAL SCIENCES & INTERNATIONAL RELATIONS

<i>Verchenko A. L.</i> The Road to Victory. The Past and Present of the "Eastern Maginot Line" in Soviet/Russian-Chinese relations	78
<i>Lychagin A.I., Merkulova D.G., Variukhin E.P.</i> The rivalry between China and the United States in the Latin American region	94
<i>Khrenov V.V., Orlova A.S.</i> The Problem of Social Inequality in the Republic of Korea in 20th-21st centuries	104
<i>Lychagin A.I.</i> The rivalry between China and the United States in the Latin American region	120
<i>Shupletsova K.V.</i> Japan's policy towards South Korea under the Abe Shinzo administration	128
<i>Safin N.R., Nafikov I.Z.</i> Historical aspects of the functioning of the idea of the «Turkic world» in the foreign policy of the Turkish Republic	147
<i>Shabir Ahmad Khan.</i> Pakistan-Russia Relations: Shared Regional Interests and Connectivity	164

Information for authors

Information for authors	182
Article formatting sample	187

РАЗДЕЛЫ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Мавляутдинов И.С., Шафигуллина Л.Ш., Брониславская Т.В.</i> Семантические и культурные вызовы в процессе перевода религиозных текстов с турецкого языка	10
<i>Летучая Е.А.</i> Синтаксические роли членов предложения в простом предложении	22
<i>Хо Т.Т.Х.</i> Трудности, возникающие при изучении имен существительных в русском языке у вьетнамских учащихся	34
<i>Сармад М.О. Аль-Бирмани, Палашевская И.В.</i> Методы перевода метафоры в Коране на английский и русский языки	42
<i>Паскова Н.А., Ху Кэсинь.</i> Сравнительный анализ прилагательных со значением «вкусный» в русском и китайском языках	56

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Нгуен Хо Фонг.</i> Из опыта некоторых азиатских стран в охране нематериального культурного наследия до охраны театра Цай Лыонг в Хошимине	66
--	----

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ & МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Верченко А.Л.</i> Прошлое и настоящее Восточной линии Мажино в советско/российско-китайских отношениях	78
<i>Лычагин А.И., Меркулова Д.Г., Варюхин Е.П.</i> Соперничество КНР и США в Латиноамериканском регионе	94
<i>Хренов В.В., Орлова А.С.</i> Проблема социального неравенства в Республике Корея в XX-XXI вв.	104
<i>Лычагин А.И.</i> Традиционные духовно-нравственные ценности как фактор взаимопонимания между председателем КНР Си Цзиньпином и президентом США Дональдом Трампом	120
<i>Шуплецова К.В.</i> Политика Японии в отношении Южной Кореи в период премьерства Синдзо Абэ.	128
<i>Сафин Н.Р., Нафиков И.З.</i> Исторические аспекты функционирования идеи «тюркского мира» во внешнеполитическом курсе Турецкой Республики	147
<i>Шабир Ахмад Хан.</i> Пакистано-российские отношения: общие региональные интересы и взаимосвязанность	164

Информация для авторов

Информация для авторов	182
Образец оформления статьи	187

ОТ РЕДАКЦИИ

К 80-летию Великой Победы:

малоизвестные моменты великого прошлого

9 мая 2025 г. в Москве торжественно отпраздновано 80-летие победы в Великой Отечественной войне советского народа против немецко-фашистских захватчиков. Параллельно шла грандиозная антияпонская война китайского народа, длившаяся 14 лет (1931–1945 гг.). 3 сентября настанет день окончания Второй мировой войны (1945 год) — день воинской славы Российской Федерации, отмечаемый с 2023 г. В Китайской Народной Республике 3 сентября празднуется День победы над милитаристской Японией. Всё это звенья одной цепи; память об этих событиях не может быть ни потеряна, ни пересмотрена. Не случайно, что многие китайские историки, а вслед за ними и российские, подчеркивают, что Вторая мировая война, фактически, началась и закончилась в Китае¹. С приходом к власти Генерального секретаря ЦК КПК и Председателя КНР Си Цзиньпина в китайских исторических трудах все чаще используется понятие Мировой антифашистской войны.

Уже после японского захвата Северо-Восточного Китая небывалый размах приобрело партизанское движение в этих провинциях: по японским оценкам 1930-х годов, в него было вовлечено чуть ли не 1% всего населения трёх провинций. Немалую роль сыграла и большая корейская диаспора, составляемая из беженцев из превращенной японцами в колонию страны. В добровольческом антияпонском движении были представлены все слои общества, включая профессиональных военных из армий гоминьдановского правительства и милитаристов, тайные общества, представители национальной и мелкой буржуазии. Партизанские силы неизменно пользовались помощью Советского Союза, прежде всего – возможностью укрыться на советской территории. Именно так начался славный путь основателя Корейской Народно-Демократической Республики Ким Ир Сена (1912–1994). Поддержка партизан со стороны СССР могла навлечь на нашу страну самые тяжелые последствия и противоречила политике правительства Чан Кайши, которое

¹ Японские историки, позицию которых разделяет и часть российских исследователей (напр., В.Э. Молодяков), отмечают, что по-настоящему мировой война стала 7 декабря 1941 г. после нападения японского императорского флота на Перл-Харбор и вступления в войну США сразу на двух фронтах – североафриканско-южноевропейском и тихоокеанском. В 1943 г. к операциям на Средиземноморье присоединилась и Бразилия — единственная из латиноамериканских стран.

давало прямые указания не оказывать сопротивления японским войскам. СССР был единственной страной, который на уровне Лиги Наций — предшественницы современной ООН — выступал за признание действий Японии агрессивными, защищая суверенные права всего Китая. Возможность оказывать помощь китайской стороне появилась после начала широкомасштабной Восьмилетней войны в 1937 г. Советский Союз — первая и единственная страна, которая предоставила своих людей и ресурсы сражающемуся Китаю и единственная сторона, которая откликнулась на международный призыв Чан Кайши. Объединенный Запад, как обычно, безмолвствовал.

В августе 1937 г. СССР подписал с Китайской Республикой договор о ненападении, прервавший международную изоляцию Китая. В марте 1938 г. было оформлено первое кредитное соглашение, дополненное двумя другими, по которым до 1939 г. Советский Союз предоставил 250 миллионов долларов на поставки вооружений, которые начались ещё до официального оформления. Поставлялись: артиллерия, авиация, бронетанковая техника. Поставки шли двумя маршрутами. Во-первых, через вьетнамский порт Хайфон (тогда — Французский Индокитай), откуда грузы шли железной дорогой до Гуанчжоу. Этот путь был прерван уже в 1938 г., когда японские силы оккупировали все прибрежные провинции Китая и начали морскую блокаду.

В 1938 г. в Китай прибыла первая группа советских военных советников. Военную помощь осуществляли будущие маршалы СССР П.Ф. Батицкий и В.И. Чуйков, маршалы: бронетанковых войск П.С. Рыбалко, артиллерии К.П. Казаков, авиации П.Ф. Жигарев; генерал армии П.И. Батов, генералы А.И. Черепанов, А.Я. Калягин, А.Н. Боголюбов, А.Г. Рыжов, М.И. Дратвин, К.М. Качанов, Г.И. Тхор и др. Многие получили звание Героя Советского Союза. Советские летчики-добровольцы прикрывали с воздуха гоминьдановскую армию, более 200 из них погибли, 14 стали Героями Советского Союза, свыше 400 награждены орденами и медалями².

После утраты морских путей и японской агрессии в Индокитае единственной коммуникационной линией, связывающей Китай с внешним миром, стала старая трасса Великого шелкового пути. Китайское руководство в 1937 г. обратилось в Москву с просьбой о создании транспортного коридора через Синьцзян, которая и сделалась главным маршрутом переброски военных поставок. Оперативный штаб его располагался в Алма-Ате (тогдашняя Казахская ССР). Путь шёл по старому Кульджинскому тракту до пограничного Хоргоса и далее через Урумчи до Ганьсу по старым караванным тропам и горным серпантинам, получив название «Трасса Z». Суммарная ее протяженность до Ланьчжоу составляла 2925 км. В Кульдже была развернута советская авиабаза, на которой обучались и китайские летчики, аналогичная база существовала

² Верченко А.Л. Советско-китайское взаимодействие в годы японо-китайской войны (1931–1945 гг.) и сохранение исторической памяти // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2020. Т. 25, № 25. С. 382–399.

в Шихэцзы; за Манасом построили «Завод сельхозмашин», который на самом деле являлся авиасборочным предприятием. В Хами располагалась автобаза и несколько советских воинских частей. В консульстве в Урумчи в 1939–1940 гг. работал выдающийся китаевед-историк С.Л. Тихвинский, будущий академик, с 1943 г. в консульство был командирован выдающийся китаевед-философ А.А. Петров, занимавший в 1945–1948 гг. должность Чрезвычайного и полномочного посла СССР в Китае³.

Переброска грузов по «Трассе Z» началась 17 октября 1937 г. и сама трасса была освоена к ноябрю. Эксплуатация трассы потребовала расчистки и расширению горных перевалов, ремонта мостов, на которых оказались заняты несколько тысяч советских специалистов. По запросу китайской стороны трассу в 1938 г. продлили до Сяньяна (всего 3750 км), а далее грузы поступали в Чэнду и оттуда во временную столицу Китайской Республики Чунцин. С июля 1940 г. после захвата японцами Бирмы (современная Мьянма) все поставки вооружений и боеприпасов в Китай осуществлялись по «трассе Z». Несмотря на политические перипетии, связанные с антикоммунистическим поворотом в деятельности синьцзянского губернатора Шэн Шицая (盛世才, 1895–1970) в 1942 г., трасса работала до конца 1944 г. в секретном режиме. Организацией доставки занималась войсковая часть № 4279, подчинявшаяся Отделу спецзаданий Генштаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Воинская часть № 4280 охра-

няла авиазавод в Манасе. В распоряжении воинской части 4279 находилось 750 грузовых автомобилей, а всего за 1937–1944 гг. в перевозках участвовало около двух тысяч автомашин разных марок. Собственно перевозки осуществляла «Экспедиция» (воинская часть №8285), которая формировала 15 рот-караванов номинальной численностью по 61 машине, а также соединения по их обслуживанию. Полный проход каравана требовал организации 20 пунктов ночевки, питания экипажей и заправки машин, из которых 19 находились на территории Китая. Авиа- и автотрассы не совпадали. В среднем доставка трех тонн груза требовала трёх тонн бензина (завозимого из СССР), полный оборот одного каравана занимал около двух месяцев. На грузовике ЗИС-5 можно было уместить две или три авиабомбы (в зависимости от калибра), или разобранный истребитель И-16. Только за 1937–1938 гг. было доставлено 985 самолетов, 82 танка, более 1300 артиллерийских орудий, не считая боеприпасов и военного имущества. В декабре 1940 г. в Хами пришел караван из 300 автомашин, доставлявших самолеты и артиллерию. В 1941 г. было поставлено 1235 самолетов, 16 000 орудий, 1850 автомобилей и тракторов, 180 миллионов патронов, 2 миллиона снарядов и 31 600 авиабомб. Пробег автопарка составил 32 000 000 км. В 1942 г. британская помощь Китаю также завозилась через эту трассу без информирования союзников о действительном маршруте. Даже премьер-министр У. Черчилль

³ Батулин Ю.М. «Военно-ученые» экспедиции в Синьцзян, секретная «трасса Z» в 1937–1943 гг. и неизвестный эпизод дипломатического противоборства на китайском направлении // Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (к 150-летию П.К. Козлова). СПб.: Политехника-сервис, 2014. С. 319–337.

настаивал на необходимости сохранить в руках союзников континентальные пути между Индией, Китаем и Советским Союзом, ибо в противном случае режим Чан Кайши будет парализован. При этом Советский Союз в тяжелейшие для нашей страны начальные годы Великой Отечественной войны не переставал оказывать помощь сражающемуся Китаю⁴.

Во время официального визита Си Цзиньпина в Москву на торжества по случаю 80-летия Победы, «Российской газетой» было опубликовано послание Си Цзиньпина мировой общественности об отстаивании исторической правды о Второй мировой войне⁵.

Годы Великой Отечественной войны и Антияпонской войны сопротивления кровью, пролитой на полях сражений, крепили боевую дружбу народов Советской России и Китая. Нам предстоит не уронить знамя, пронесённое прадедами, дедами и отцами.

⁴ Батурин Ю.М. История спецоперации по поставке советского оружия в Китай (1937–1943 гг.) М.: РАН, 2017. 42 с.

⁵ Си Цзиньпин призвал отстаивать итоги победы во Второй мировой войне // Российская газета. 8 мая 2025. URL: <https://rg.ru/2025/05/08/si-czinpin-prizval-otstaivat-itogi-pobedy-vo-vtoroj-mirovoj-vojne.html>

Semantic and cultural challenges in the process of translating religious texts from the Turkish language

Семантические и культурные вызовы в процессе перевода религиозных текстов с турецкого языка

¹*Мавляутдинов Ильдар Сафиуллович,*

²*Шафигуллина Лилия Шамиловна,*

³*Брониславская Татьяна Викторовна*

*Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия*

Автор, ответственный за переписку:

bronislavskayat@gmail.com

¹<https://orcid.org/0000-0001-7859-6973>

²<https://orcid.org/0000-0002-2187-7229>

³<https://orcid.org/0009-0006-8956-8533>

¹*Ildar S. Mavlyautdinov,*

²*Liliya Sh. Shafigullina,*

³*Tatyana V. Bronislavskaya*

*Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia*

Corresponding author:

bronislavskayat@gmail.com

¹<https://orcid.org/0000-0001-7859-6973>

²<https://orcid.org/0000-0002-2187-7229>

³<https://orcid.org/0009-0006-8956-8533>

УДК 06.53.56 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-2-2025-10-21](https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-10-21)

АННОТАЦИЯ

Религиозные тексты являются объектом изучения для многих областей знания, таких как теология, история, философия и лингвистика. Данный вид литературы часто содержит в себе глубокие философские и этические наставления, которые важно сохранить и передать следующим поколениям. Перевод религиозной литературы с турецкого языка занимает важную роль в теологии по нескольким причинам. Официально перевод религиозной литературы с турецкого языка берет свое начало с периода существования Османской империи, хотя также были и более ранние случаи. В данной статье описаны вызовы, с которыми столкнется

ABSTRACT

This type of literature is the object of study for many fields of knowledge, such as theology, history, philosophy and linguistics. Religious texts often contain profound philosophical and ethical precepts that are important to preserve and pass on to the next generations. The translation of religious literature from Turkish occupies an important role in theology for several reasons. Officially, the translation of religious literature from Turkish dates back to the period of the Ottoman Empire, although there have also been earlier instances. This paper describes the challenges that a translator will face in the process of translating religious literature from Turkish. The aim and objective of translating

переводчик в процессе перевода религиозной литературы с турецкого языка. Также конкретизируется цель и задача перевода религиозного текста. Перечислены основные причины, придающие важность перевода религиозных текстов с турецкого языка. Определены исторические этапы переводов. Анализируются как общие, так и специфические особенности перевода религиозных текстов. Отмечены сложности, возникающие при переводе религиозной литературы с турецкого языка связанные, в частности, со структурой языка, полисемантикой, семантической трансформацией и т.д.

Ключевые слова. Турецкий язык, теория перевода, особенности перевода, религиозные тексты, Османская империя

Для цитирования: Мавляутдинов И.С., Шафигуллина Л.Ш., Брониславская Т.В. Семантические и культурные вызовы в процессе перевода религиозных текстов с турецкого языка. *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (2). С. 10–21 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-10-21>

Введение. Перевод религиозных текстов представляет собой сложный и многогранный процесс, требующий глубокого понимания как языка оригинала, так и языка перевода (Виноградов 2001, 182). Турецкий язык, обладающий уникальными лингвистическими и культурными особенностями, накладывает дополнительные сложности на перевод религиозной литературы.

Согласно данным международной организации SIL International, в настоящее время в мире насчитывается более 7 тыс. языков (Türker 2003, 140). Известно, что самым распространенным языком является китайский. Ту-

a religious text is also specified. The main reasons that give importance to the translation of religious texts from Turkish are listed. The historical stages of translations are identified. Both general and specific features of translating religious texts are analysed. Difficulties arising in the translation of religious literature from Turkish related, in particular, to language structure, polysemantics, semantic transformation, etc.

Keywords. Turkish language, translation theory, translation features, religious texts, Ottoman Empire

For citation: Mavlyautdinov I.S., Shafigullina L.Sh., Bronislavskaya T.V. Semantic and cultural challenges in the process of translating religious texts from the Turkish language. *Modern Oriental Studies*. 2025; Volume 7 (№2). P.10-21 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-10-21>

рецкий язык, в зависимости от критериев, занимает от пятого до восьмого места среди наиболее распространенных языков, что связано с различием в оценке числа носителей языка. Так изучение турецкого языка, как одного из примеров тюркской группы, сложно сравнивать с какими-либо другими языковыми группами из-за его уникальных особенностей (Гарипов, Мавляутдинов 2022).

Структура турецких предложений и его грамматика таковы, что сказуемое, обычно глагол, размещается в конце предложения. Поэтому при переводе необходимо помнить полное содержание и синтаксис речи. Особенно трудно

выполнять синхронный перевод, так как без окончания предложения трудно понять, чем завершится мысль говорящего, который, к тому же, редко выдерживает паузы (Мавляутдинов 2024, 266). Экспрессивности языку добавляет тот факт, что турки сами по себе имеют достаточно горячий темперамент.

Также возникают трудности при дословном переводе турецкого языка, так как повседневные высказывания иногда выражаются другими словами и в ином контексте. Перевод усложняется наличием идиом, жаргонных и устоявшихся выражений, которые часто не имеют аналогичных конструкций, что делает их перевод особенно сложным.

В турецком языке имеет место быть гармония гласных и согласных. Наличие восьми гласных звуков придает ему одну особенность — эвфоническую. Кроме того, турецкий язык отличается высокой фонетичностью: практически каждый звук соответствует одному символу, что делает письменность очень близкой к звучанию (Мавляутдинов, Шафигуллина 2021).

Однако для человека, не имевшего опыта работы с турецким языковым окружением, эта мелодичность может представлять сложность как при восприятии на слух, так и при передаче смысла на другой язык (Мавляутдинов 2024, 266).

Еще одной важной особенностью, которая часто сбивает с толку начинающих изучать язык и затрудняет его освоение, является грамматика. Как агглютинативный язык, турецкий использует аффиксы для словообразования, что иногда существенно изменяет вид исходно-

го слова и усложняет его распознавание.

Стоит отметить, что турецкий язык представляет определенные трудности для машинного перевода, например при переводе при помощи онлайн переводчиков, что связано с особенностями структуры предложений. Естественно, что адаптация машинных алгоритмов к специфике турецкого языка представляется непростой задачей (Меметов 2010, 210). Тем не менее, учитывая скорость развития технологий, широкое распространение цифровизации и внедрение нейросетей можно предположить, что со временем эта проблема станет менее актуальной.

Перечисленные особенности турецкого языка неизбежно влияют на процесс перевода, создавая общие проблемы для переводчиков, занимающихся как письменным, так и устным переводом. Несмотря на это, на сегодняшний день переводчики это специалисты по межкультурной коммуникации, медиаторы, устанавливающие связь между представителями различных языков и культур (Мавляутдинов 2024, 267). Они также являются терминологами, лексикографами, прикладными лингвистами, техническими редакторами, специалистами по международной торговле, консультантами по связям с общественностью, специалистами по компьютерному дизайну и производству, редакторами иностранной литературы и специалистами по издательскому делу (Мавляутдинов 2024, 267). Эти профессионалы готовят различные виды текстов, такие как резюме, развернутые ответы, отчеты, ревизии, подготовку текстов для машинного перевода и его редактирование. Таким образом, их труд,

а именно перевод, можно определить как способ преодоления языковых и культурных барьеров, ключ к взаимопониманию и взаимодействию (Меметов 2010, 211).

Изучение турецкого языка трудно сравнить с другими языковыми группами из-за его уникальных особенностей, так как этот язык сочетает в себе как сложные, так и простые аспекты, что делает его уникальным. Относительная простота турецкого языка, вероятно, объясняется тем, что его современная грамматика была создана около ста лет назад, что относительно недавно по сравнению с другими языками. Этот факт повлиял на развитие турецкого языкознания, а также на логику, последовательность и закономерности языка, что привело к универсальности правил и минимальному количеству исключений. В результате исследований было выявлено, что мозг человека, который владеет турецким как вторым иностранным языком, вынужден произвести больше мыслительных процессов и быть более напряженным (Мавляутдинов, Шафигуллина 2021).

Тем не менее, около 220 миллионов человек говорят на турецком языке по всему миру, что подчеркивает его глобальное значение и, следовательно, важность перевода для развития и укрепления партнерских отношений с соседними государствами.

Исторически сложилось так, что сегодня ислам является доминирующей религией Турции. На протяжении многих веков традиция перевода тесно связана с религиозными институтами, и некоторые мыслители связывают становление и развитие перевода как профес-

сии с попытками приобщения к религиозным учениям народов других языков посредством перевода основных религиозных текстов — священных писаний, преданий, религиозных сочинений, апокрифов, житий, проповедей и теологических трудов (Мавляутдинов 2024, 267).

Коран, являясь священным писанием мусульман всего мира, вероятно, в настоящий момент является одной из наиболее переводимых книг наряду с Библией. Однако в исламской традиции перевода выработалась своя терминология. Перевод Корана часто заменяется термином «меаль», что обозначает «перевод смыслов», а не буквальный перевод (Мавляутдинов 2024, 267). Сторонники этого подхода аргументируют свою позицию тем, что Священный Коран является «откровением» — Словом Аллаха. Он был ниспослан на арабском языке и обладает трансцендентным и отличным от обычной речи стилем и содержанием, передающим волю Аллаха. Поэтому, чтобы его можно было понять на уровне человеческого восприятия, даже на арабском языке, Коран нуждается в толковании, называемом «тафсир».

История перевода религиозных текстов с турецкого языка насчитывает несколько веков. С момента появления Османской империи и до современного периода происходили значительные культурные и языковые изменения: образование Османской империи, нового языка и затем спустя V веков упразднение султаната и халифата, создание нового турецкого языка. Все эти события нашли свое отражение в религиозной литературе. Ислам, доминирующая религия в Турции со второй половины VI века,

оказал значительное влияние на формирование турецкого языка и культуры.

Перевод религиозной литературы с турецкого языка имеет глубокие исторические корни. Исторически, перевод религиозных текстов с турецкого языка на другие языки начался в основном в период Османской империи, хотя были и более ранние примеры.

Ранние переводы (XVI-XVII века)

Перевод религиозных текстов с турецкого языка на другие языки начался в период Османской империи, когда усилилась торговля и культурные обмены между Османской империей и европейскими странами. Некоторые из первых переводов включали дипломатическую и религиозную корреспонденцию, а также труды исламских теологов и философов (Türker 2003, 141).

Османская империя (XVIII-XX века)

В XVIII и XIX веках интерес к османской религиозной литературе среди европейских ученых и миссионеров значительно возрос. Многие из них стремились изучать ислам и другие религиозные традиции Османской империи (Türker 2003, 141). В этот период начались переводы классических исламских текстов, включая комментарии к Корану (тафсиры), хадисы и труды суфийских авторов.

Османская империя была богата на религиозных мыслителей, чьи труды продолжают переводить по сей день. Мехмед Эбуссууд Эфенди (Mehmed Ebussuud Efendi) или Ходжа Челеби (Hoca Çelebi) был выдающимся османским муф-

тием и богословом, который занимал пост шейх уль-ислама при Сулеймане I и Селиме II. Его юридические решения (фетвы) и комментарии к исламскому праву (фикх) повлияли на законодательную систему Османской империи (Düzdağ M. 1972). Али аль-Кушчи (Ali Kuşçi) был астрономом, математиком и теологом. Являлся учеником Улугбека, правителя тюркской державы Тимуридов, который был известен как выдающийся математик, астроном и просветитель (Муминов 1966, 47). Он родился в Самарканде, позже переехал по службе в Османскую империю, где продолжил свою научную и религиозную деятельность и внес свой вклад в развитие османской науки и образования. Им были написаны трактаты о науке арифметике, астрономии. Хаджи Байрам Вели (Hacı Bayram Veli) был османским поэтом, суфием, основателем ордена одного из суфийских орденов байрамиев. Его учения и духовные практики оказали большое влияние на религиозную жизнь империи (Demirdağ 2017, 223). Его последователи продолжали его работу и расширяли влияние ордена. Его именем названа мечеть в Анкаре. Мевлана Джалаладдин Руми (Mevlana Celaleddin Rumi) является одним из самых известных поэтов-суфиев. Несмотря на то, что он жил до основания Османской империи (1207-1273), его последователи сыграли значительную роль в религиозной жизни Османской империи. Суфийские ордены оказывали большое влияние на духовную и культурную жизнь империи (İbrahimoğlu 2011, 120). Шейх Бедреддин Махмуд (Şeyh Bedreddin Mahmud) был суфийским богословом и реформатором. Его идеи о социальном равенстве и справедливости вызвали

противоречия, и он стал лидером одного из крупных восстаний против османского правительства (Arıkan 2016, 194). Впоследствии его труды использовали марксисты Турции в XX веке, а коммунистический поэт Назым Хикмет написал о нем поэму Şeyh Bedrettin Destanı (Hikmet 1977).

Разумеется, на этом список известных османских деятелей не заканчивается. Османская империя была домом для множества выдающихся религиозных деятелей, которые оставили после себя много интересных трудов в областях науки, культуры и религии.

Миссионерская деятельность

Прибывшие в Османскую империю европейские миссионеры также интересовались религиозными текстами. В первую очередь, они переводили христианскую литературу на турецкий язык. Вместе с этим, они параллельно изучали исламскую литературу, чтобы впоследствии использовать ее для проповедования другим тюркским народам (Абидулин, Валеев 2016, 67). Несмотря на распад султаната и халифата, и основания Турецкой Республики, процесс перевода религиозной литературы продолжился. На фоне модернизационных реформ и культурных изменений интерес к переводу религиозной литературы с турецкого языка на европейские языки не потерял своей актуальности (Türker 2003, 141).

На сегодняшний день тенденция к переводу религиозной литературы с турецкого языка продолжается и активно развивается. Переводы этих трудов важны для академических

исследований, межкультурного диалога и религиозного образования. В современной Турции и за её пределами переводят работы таких авторов, как Ильбер Ортайлы, Ахмет Давутоглу, Шериф Мардин и других современных мыслителей.

Одним из самых популярных на данных момент авторов книг и спикеров на темы, касающихся османского наследия и его влияния на культуру является историк и профессор Ильбер Ортайлы (İlber Ortaylı). Он известен благодаря своим исследованиям по истории Османской империи и исламской культуры (Ortaylı 2005). Ахмет Давутоглу (Ahmet Davutoğlu) в настоящее время занимается написанием трудов в области политики и исламской философии. Его самая известная книга «Стратегическая глубина. Международное положение Турции», в которой размышлял о курсе внешней политики Турции была опубликована в 2001 году. В своих работах уделяет внимание роли ислама в международных отношениях. (Davutoğlu 2008).

Важность перевода религиозной литературы с турецкого языка нельзя недооценивать по некоторому ряду причин. Подобные религиозные труды передавались из поколения в поколение, так как они часто содержат в себе глубокие философские и этические наставления. Благодаря переводу религиозных текстов эти знания **сохраняются и наследуются** широкой аудиторией. Данные труды богаты как философскими и этическими, так и историческими, политическими, экономическими и, конечно, лингвистическими знаниями. Одно и то же

произведение можно рассмотреть и проанализировать с разных аспектов, **представляя больше новых академических исследований.**

Перевод религиозных текстов — процесс сложный и многогранный процесс, требующий глубоких знаний как исходного, так и целевого языка (Мавляутдинов, Шафигуллина 2021). Специфические языковые и культурные различия турецкого и русского языков создают дополнительные трудности и вызовы при переводе, особенно религиозной литературы. В историческом плане история перевода религиозных текстов насчитывает несколько столетий. С момента возникновения Османской империи и до наших дней произошли значительные культурные и языковые изменения, повлиявшие на литературу. Ислам оказал значительное влияние на формирование турецкого языка и культуры, что нашло отражение в религиозных текстах (Мавляутдинов 2024, 265). Одной из насущных проблем является полисемия. В турецком языке слова бывают многозначными настолько, что смысл может меняться в зависимости от контекста. Количество значений некоторых слов может достигать до 20-30. К примеру, по данным толкового турецкого онлайн словаря TDK Sözlük глагол *virmak* имеет 29 значений, а слово *şekmek* — 42. Перевод религиозных текстов требует тонкого понимания и выбора наиболее подходящего значения для переводимого текста, что в свою очередь требует от переводчика глубоких знаний и чуткости к нюансам языка. Не стоит забывать и про религиозную терминологию. Турецкий язык содержит много терминов, имеющих конкретное религиозное значение. Перевод этих терминов требу-

ет знания языка и понимания религиозного контекста и концепций. Неправильный перевод может исказить смысл текста и привести к недоразумениям. Стоит также отметить, что с точки зрения семантики, некоторые термины и выражения имеют культурно обусловленные значения, которые непросто перевести на другой язык, сохранив смысл. Перед переводчиком стоит задача передать буквальное значение и культурные коннотации, и подтексты, что требует креативного подхода. Кроме вышеперечисленного, также важен культурный подтекст. Подобные тексты часто делают отсылки к культурным реалиям, традициям, обычаям, историческим событиям, которые вероятнее всего будут понятны только автору и носителям. В таком случае требуется адаптация текста или добавление пояснений, чтобы сохранить их смысл и сделать текст доступнее для заинтересованной аудитории. Кроме того, перевод должен сохранять точность и актуальность теологических концепций и учений. Переводчик должен был компетентен в вопросах теологии и религиозных традиций во избежание искажений, поскольку он несет ответственность за сохранение духовного и культурного наследия (Виноградов 2001).

В качестве примера можно взять Коран, в ходе его перевода с арабского языка на турецкий, а впоследствии и на другие языки обнаруживаются многочисленные семантические и культурные трудности. Взять слово *takva* — богобоязненность. Данное слово имеет глубокие религиозные коннотации, которые трудно передать на другие языки без утраты части смыслов (Мавляутдинов 2024, 267).

Поэтому перевод религиозных текстов с турецкого языка требует глубоких уровень знаний и чувствительности к культурным и семантическим аспектам. Для успешного перевода, который в последствии может стать базой для других исследований, необходимо сохранить точность богословских концепций, а также передать культурные нюансы.

Имеет место быть также явление, при котором значение слова изменяется с течением времени, в отношении которого чаще всего употребляются термины: семантическая эрозия, семантическая эволюция или семантический сдвиг. Процесс, при котором слова приобретают новые значения, утрачивают старые или изменяют смысловые оттенки в зависимости от культурных, социальных и исторических изменений в языке.

Из самых популярных можно привести в пример слова *asker* и *hanım*. Первоначально слово *asker* в Османской империи имело более широкое значение, а именно обозначало человека, служащего государству. Им мог быть не обязательно военный человек, а также, например, член совещательного органа при султанах – дивана. Однако, с течением времени, особенно после реформ Ататюрка в 1920-30-х гг., значение слова сузилось до своего современного понимания – солдат или военнослужащий. Вместе с тем, слово *hanım*, ранее употреблявшееся для обозначения титулованных женщин, дам из высшего общества. На сегодняшний день слово чаще употребляется как вежливая форма обращения к женщине, аналогично «госпожа» или «мадам».

Из этого следует, что в сфере перевода религиозной литературы переводчики должны обладать профессиональными навыками переводчика, а также глубокими знаниями в области религии. Специализация в данной сфере требует от переводчика понимания религиозной культуры и тематики, что делает невозможным обойти специфические особенности, связанные с религиозным контекстом.

Как было отмечено нами ранее, для продуктивного выполнения перевода специалисту необходимо быть компетентным в сфере перевода и в сфере, с которой связана его деятельность. Соответственно, переводчик, который переводит религиозную литературу, должен быть компетентным в религиозной литературе, обладать глубокими знаниями в области религии в целом, иметь социально-историческую и культурно-философскую подготовку, а также быть знакомым с религиозным мировоззрением. Кроме того, он должен знать также и другие религии, понимать сияр (житие Пророка), тефсир (толкование Корана), хадис (изречения Пророка), келам (исламскую теологию) и теологию (Мавляутдинов 2024, 268). Знание арабского языка также является не мало важным фактором.

Важно, чтобы у специалиста также был развит творческий потенциал. Это связано с тем, что некоторые слова не имеют прямой эквивалент в другом языке. Донесение смысла является важной частью перевода, поскольку это влияет на конечный результат, а также вносит субъективное мнение автора.

В статье Д.В. Пивоварова «Особенности языка религии» исследуются ключевые аспекты религиозного языка как специфической формы коммуникации (Пивоваров, 2006, 263). Автор акцентирует внимание на том, что язык религии имеет особую семантику, символизм и метафоричность, которые отличают его от повседневного или научного языка.

Пивоваров подчеркивает, что религиозный язык функционирует как средство выражения трансцендентных истин и духовного опыта, что затрудняет его непосредственный перевод или адекватное понимание вне религиозного контекста. Особую роль играют такие элементы, как сакральные тексты, догматическая терминология и ритуальные формулы, которые требуют глубокого культурно-исторического погружения для их понимания и толкования (Пивоваров, 2006, 263).

Автор также рассматривает взаимоотношение между религиозным языком и мышлением, указывая, что религиозные выражения имеют значительное влияние на формирование мировоззрения и убеждений верующих (Пивоваров, 2006, 263).

Итак, перевод религиозных текстов с турецкого языка представляют собой значительные семантические и культурные вызовы. Для точного перевода религиозных текстов на турецком языке переводчик должен учитывать вышеупомянутые особенности. Неправильная трактовка грамматических форм несет за собой последствия в виде искаженного смысла текста (Хабибуллина 2014, 347). В процессе перевода необходимо учитывать следующие факторы:

семантику, лексику, грамматику и специфику перевода (Гарипов, Мавляутдинов 2022).

В конечном итоге, несмотря на все тонкости перевода, современные переводчики играют ключевую роль в процессе перевода, не уступая места машинному переводу. Онлайн переводчики, искусственный интеллект также имеют место быть, но на данный момент ни один из данных инструментов не сравнятся с переводчиком-профессионалом, особенно в условиях расширяющихся культурных, экономических и политических связей, что увеличивает спрос на профессионалов.

Список литературы

1. Мавляутдинов, И.С. «Некоторые особенности перевода религиозной литературы с турецкого языка» *Тюркский мир в современных реалиях: проблемы языка, литературы, истории и культуры: материалы XII международная тюркологическая конференции*, Елабуга, 2024 - С. 265-269.
2. Мавляутдинов И.С., Шафигуллина Л.Ш. «Рациональность религиозной веры как потенциальный источник интеллектуальной добродетели: опыт философской интерпретации мусульманского вероучения» *Вестник ВятГУ*. 2021. №4. <https://cyberleninka.ru/article/n/ratsionalnost-religioznoy-very-kak-potentsialnyy-istochnik-intellektualnoy-dobrodeteli-opyt-filosofskoy-interpretatsii> (дата обращения: 15.07.2024).
3. Пивоваров Д. В. «Особенности языка религии» *Научные труды профессоров*

- Уральского института экономики, управления и права, Екатеринбург, 2006. — Вып. 3. — С. 229-263.
4. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) - М.: Изд-во Института общего среднего образования РАО, 2001. 224с.
 5. Меметов И. А. «Некоторые особенности перевода с турецкого языка» *Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского Серия «Филология. Социальные коммуникации»*. Том 23 (62). № 3. 2010 г. С. 208-214.
 6. Гарипов Я.З., Мавляутдинов И.С. «Состояние и перспективы родного языка в самосознании татарского народа» *Ислам в России: история, культура, экономика*. Материалы XI Международной тюркологической конференции. Казань, 2022. С. 26-31.
 7. Хабибуллина Э.К. «Лексические особенности перевода деловых бумаг с турецкого языка» *Современная тюркология: язык, литература, история и культура тюркских народов: материалы VII Международной тюркологической конференции*, Елабуга, 2014. С. 346-348.
 8. Муминов И.М. «Выдающиеся мыслители Средней Азии» / И. М. Муминов. – Москва: Знание, 1966. – 47 с.: ил. – (Новое в жизни, науке, технике. Серия II. Философия)
 9. Абидулин А. М., Валеев Р. М. Формирование периодической печати в Османской империи (XVIII-XIX вв.) // Вестник КазГУКИ. 2016. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-periodicheskoy-pechati-v-osmanskoy-imperii-xviii-xix-vv> (дата обращения: 18.06.2025).
 10. Davutoğlu A. Ahmet Davutoğlu ile Türkiye Ve Ortadoğu Politikası Üzerine Söyleşi. Eskiye 9. Haziran 2008; 28-35. (на тур.яз)
 11. Ortaylı İ. İlber Ortaylı ile Osmanlı'dan Günümüze Gelenek Üzerine. Muhafazakar Düşünce Dergisi, 2005;1(3); 119-122. (на тур.яз)
 12. Türker Ö. Anlam ve Yorum: Dinî Metinlerin Anlaşılması ve Yorumlanması. İslam Araştırmaları Dergisi(9). - Marmara Üniversitesi, 2003, p. 140-143.
 13. Düzdağ M. Şeyhülislâm Ebussuud Efendi fetvaları ışığında 16. asır Türk hayatı. İstanbul: Enderun Kitabevi, 1972. (на тур.яз)
 14. Demirdağ Ö. II. Uluslararası Hacı Bayram-ı Velî Sempozyumu 3-4 Mayıs 2017, Ankara. AKADEMİAR. Aralık 2017;3(3):223-233. (на тур.яз)
 15. İbrahimoglu D. Mevlana Celaleddin Rumi'nin Derin Ruhsal Değişimi. DA. Haziran 2011; (8):119-124. (на тур.яз)
 16. Arıkan Z. Börklüce Mustafa ve Şeyh Bedreddin Ayaklanmaları Sırasında Osmanlı Devleti'nin Durumu: Uluslararası Börklüce Mustafa Sempozyum Bildiriler Kitapçığı (2-5 Haziran 2016) içinde. — İzmir, 2016. — S. 193—204. (на тур.яз)

17. Hikmet N. Şeyh Bedrettin Destanı. Birinci Baskı, 1977. (на тур.яз)

References

1. Mavlyautdinov, I.S. Some peculiarities of translating religious literature from the Turkish language. *Tyurkskij mir v sovremennyh realiyah: problemy yazyka, literatury, istorii i kultury: materialy XII mezhdunarodnaya tyurkologicheskaya konferencii*. Elabuga, 2024, pp. – 265-269. (In Russ.)
2. Mavlyautdinov I.S., Shafigullina L.Sh. Rationality of Religious Faith as a Potential Source of Intellectual Virtue. Experience of Philosophical Interpretation of Muslim Beliefs, *Vestnik VyatGU*, №4, 2021. (In Russ.)
3. Pivovarov, D. V. Peculiarities of the language of religion. *Nauchnye trudy professorov Uralskogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava*, Vyp. 3. Ekaterinburg, 2006, pp. – 229-263. (In Russ.)
4. Vinogradov, V.S. Introduction to translation studies (general and lexical issues). Moscow, 2001. (In Russ.)
5. Memetov, I. A. Some peculiarities of translation from Turkish. *Tom 23 (62). № 3., Uchenye zapiski Tavricheskogo nacionalnogo universiteta im. V. I. Vernadskogo Seriya «Filologiya. Socialnye kommunikacii»*, 2010. (In Russ.)
6. Garipov Ya.Z., Mavlyautdinov I.S. State and prospects of the native language in the self-consciousness of the Tatar people. Materialy XI Mezhdunarodnoj tyurkologicheskoy konferencii. Kazan, 2022, pp. – 26-31. (In Russ.)
7. Habibullina, E.K. Lexical peculiarities of translating business papers from Turkish. *Sovremennaya tyurkologiya: yazyk, literatura, istoriya i kultura tyurkskih narodov: materialy VII Mezhdunarodnoj tyurkologicheskoy konferencii*, Elabuga, 2014. (In Russ.)
8. Muminov I.M. «Outstanding thinkers of Central Asia» / I.M. Muminov. – Moscow: Zdaniye, 1966. – 47 p.: il. – (New in life, science, technology. Series II. Philosophy)
9. Abidulin A. M., Valeev R. M. THE FORMATION OF PERIODICALS PRESS IN THE OTTOMAN EMPIRE (XVIII - XIX CENTURY) // *Vestnik KazGUKI*. 2016. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-periodicheskoy-pechati-v-osmanskoy-imperii-xviii-xix-vv>
10. Davutoğlu, A. Ahmet Davutoğlu ile Türkiye Ve Ortadoğu Politikası Üzerine Söyleşi. *Eski-yeni* 9.2008, pp. - 28-35. (In Turk.)
11. Ortaylı, İ. İlber Ortaylı ile Osmanlı'dan Günümüze Gelenek Üzerine. *Muhafazakar Düşünce Dergisi*, 2005;1(3); pp. - 119-122. (In Turk.)
12. Türker Ö. Anlam ve Yorum: Dinî Metinlerin Anlaşılması ve Yorumlanması. *İslam Araştırmaları Dergisi*(9). - Marmara Üniversitesi, 2003, pp. 140-143. (In Turk.)
13. Düzdağ M. Şeyhülislâm Ebussuud Efendi fetvaları ışığında 16. asır Türk hayatı. İstanbul: Enderun Kitabevi, 1972. (In Turk.)

14. Demirdaş Ö. II. Uluslararası Hacı Bayram-ı Velî Sempozyumu 3-4 Mayıs 2017, Ankara. AKADEMİAR. Aralık 2017;3(3):223-233. (In Turk.)
15. İbrahimoglu D. Mevlana Celaleddin Rumi'nin Derin Ruhsal Değişimi. DA. Haziran 2011; (8):119-124. (In Turk.)
16. Arıkan Z. Börklüce Mustafa ve Şeyh Bedred-din Ayaklanmaları Sırasında Osmanlı Devleti'nin Durumu : Uluslararası Börklüce Mustafa Sempozyum Bildiriler Kitapçığı(2-5 Haziran 2016) içinde. — İzmir, 2016. — S. 193—204. (In Turk.)
17. Hikmet N. Şeyh Bedrettin Destanı. Birinci Baskı, 1977. (In Turk.)

Сведения об авторах

Мавляутдинов Ильдар Сафиуллович,
к.с.н, доцент, Казанский (Приволжский)
федеральный университет, Пушкина 1\55
e-mail: ildarmav@yandex.ru

Шафигуллина Лилия Шамиловна
к.п.н, доцент, Казанский (Приволжский)
федеральный университет, Пушкина 1\55
e-mail: liliyashamilovna@mail.ru

Брониславская Татьяна Викторовна,
Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Пушкина 1\55
bronislavskayat@gmail.com

Information about the Authors

Ildar S. Mavlyautdinov,
PhD in Sociology, Associate Professor,
Kazan (Volga Region) Federal University,
Pushkina 1\55
e-mail: ildarmav@yandex.ru;

Liliya Sh. Shafigullina,
PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Kazan (Volga Region) Federal University,
Pushkina 1\55
e-mail: liliyashamilovna@mail.ru;

Tatiana V. Bronislavskaya,
Kazan (Volga Region) Federal University,
Pushkina 1\55
e-mail: bronislavskayat@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.03.2025.
Одобрена после рецензирования: 02.04.2025.
Принята к публикации: 10.04.2025.

Information about the article

The article was submitted 25.03.2025
Approved after reviewing 02.04.2025
Accepted for publication 10.04.2025

Syntactic roles of sentence members in a simple sentence in Chinese

Синтаксические роли членов предложения в простом предложении в китайском языке

Летучая Елизавета Александровна

Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Автор, ответственный за переписку:
estpisma@mail.ru

Elizaveta A. Letuchaya

St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia
Corresponding author:
estpisma@mail.ru

УДК 81.13 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-2-2025-22-33](https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-22-33)

АННОТАЦИЯ

В статье проводится синтаксический анализ простых предложений китайского языка в терминах членов предложения. Целью настоящей статьи является объяснение системной организации предложений в китайском языке, с последующим определением синтаксических функций членов предложения и установлению связей между ними. В связи с тем, что традиционные системы членов предложения являются не вполне подходящими применительно к фактам китайского языка, автором была предложена идея синтаксического анализа предложений китайского языка через концепцию членов предложения в русском языкознании. Для проверки предложенной гипотезы о сходстве структуры предложений за основу был взят лингвистический корпус китайского языка.

ABSTRACT

The article provides a syntactic analysis of simple Chinese sentences in terms of sentence members. The purpose of this article is to explain the systematic organization of sentences in the Chinese language, followed by defining the syntactic functions of sentence members and establishing connections between them. Due to the fact that traditional systems of sentence members are not entirely suitable when applied to the facts of the Chinese language, the author proposed the idea of syntactic analysis of Chinese sentences through the concept of sentence members in Russian linguistics. To test the proposed hypothesis about the similarity of sentence structure, the linguistic corpus of the Chinese language was taken as a basis. Analysis of the material shows the possibility of applying the theories put forward by Russian

Анализ материала показывает возможность применения выдвинутых теорий российскими учеными по вопросу иерархии членов предложений к предложениям китайского языка, что наглядно подтверждают примеры китайской разговорной речи, представленные в данной статье.

Ключевые слова. Синтаксис, предложение, члены предложения, подлежащее, сказуемое, дополнение, субъект, объект, предикат, постпозиция, препозиция, части речи

Для цитирования: Летучая Е.А. Синтаксические роли членов предложения в простом предложении. *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (2). С. 22–33 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-22-33>

На сегодняшний день все больше возрастает интерес к изучению иностранных языков как средства общения. Язык — это орудие для выражения мысли. С развитием языка одновременно развивается и сама мысль, становится более емкой, вместительной, глубокой и отчетливой. Синтаксическая взаимосвязь составных частей сочетания или предложения не только и не просто отражает взаимоотношение частей и свойств окружающего нас мира. Она становится всеобщей и очень гибкой моделью, образцом умственного действия для всех, кто говорит на этом языке.

Предложение состоит не из слов, а из групп слов, которые соединены друг с другом

scientists on the issue of the hierarchy of sentence members to sentences in the Chinese language, which is clearly confirmed by the examples of Chinese colloquial speech presented in this article.

Keywords. Syntax, sentence, sentence members, subject, predicate, object, subject, object, predicate, postposition, preposition, parts of speech funding / financial support/ acknowledgements:

For citation: Letuchaya Y.A. Syntactic roles of sentence members in a simple sentence in Chinese. *Modern Oriental Studies*. 2025; Volume 7 (№2). P.22-33 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-22-33>

грамматической связью. Из таких групп - словосочетаний состоят все предложения любого языка. Грамматические же связи, склеивающие слова в словосочетания — это согласование, управление и примыкание.

В отличие от русского языка, где сохранение единства словосочетания обеспечивается преобладанием типов сильной синтаксической связи слов, в китайском языке согласование и управление отсутствуют, а примыкание является преобладающим и наиболее продуктивным видом связи слов. То есть, слова в словосочетаниях располагаются рядом друг с другом в определенной последовательности и занимают определенное место: либо препозицию,

либо постпозицию относительно сказуемого (главного слова) в предложении. При перестановке слов местами меняется смысл высказывания. Членение предложений согласно частеречной принадлежности в китайском языке также не представляется в полной мере возможным, учитывая неоднозначную принадлежность слов к определенным частям речи в языке.

Об этом свидетельствуют примеры перестановки членов предложения из одной позиции в другую, неоднозначное употребление показателей членов предложения, многозначность слов и оттенков значения членов предложения (Солнцева / Солнцев 1972, 79). Все это в значительной степени затрудняет анализ предложений, именно поэтому изучение данной темы крайне актуально и требует более детального и подробного изучения.

Наука о китайском синтаксисе развивалась в китаеведении в направлении коррекции традиционной системы членов предложения применительно к фактам китайского языка, что привело в какой-то степени к отрицанию принципиальных оснований этой системы, но не имело, однако, своим итогом позитивного решения проблемы на каких-либо эксплицитно сформулированных основаниях (Шутова 1991).

В связи с этим автором данного исследования предлагается провести синтаксический анализ предложений китайского языка через концепцию членов предложения в русском языкознании XX века. И дать объяснение системной организации предложений в китайском языке с последующим определением синтаксической роли членов предложения в простом предложении.

В современном языкознании синтаксический анализ предложения осуществлялся в терминах членов предложения. При анализе синтаксической структуры предложения в терминах членов предложения в принципе возможны два типа классификаций членов предложения. Классификации первого типа опираются на абсолютные признаки, или свойства, членов предложения. Классификации второго типа опираются на относительные признаки. Примером классификации, основанной на типах формальной связи между словами, может служить классификация, в соответствии с которой управляемый член предложения является дополнением, примыкающий — обстоятельством, а согласуемый — определением.

В рамках классификации, основанной на отношении словопорядка, возможны следующие типы определений: подлежащее — это слово, которое предшествует глагольному сказуемому, а дополнение — это слово, которое следует за сказуемым, или же слово, которое предшествует глагольному сказуемому, это дополнение, а слово, предшествующее дополнению, это подлежащее. Практически все конкретные классификации членов предложения, известные в русском и советском языкознании, являются либо классификациями первого типа, либо классификациями второго типа, либо часто смешанными (Храковский 1985, 127-128).

За основу для проведения синтаксического анализа предложений китайского языка предлагается взять некоторые учения о членах предложения в русском языкознании второй половины XX века. В частности, наибольший интерес представляет ряд новаторских идей

относительно синтаксического строения предложения А. А. Дмитриевского. А. А. Дмитриевский, выделяя традиционные пять членов предложения подчеркивал, что сущность разбора предложения не в названии тех или других слов дополнением, определение и пр., а в указании взаимного сочетания частей или слов, входящих в состав предложения (Дмитриевский 1878).

Другими словами, он обращал внимание на то, что в ходе синтаксического анализа предложения важно установить как элементы предложения, так и их связи, то есть, структуру предложения. Принципы строения предложений в китайском языке при отсутствии четкой частеречной принадлежности, а также стремление к соблюдению строго порядка слов в предложении, определенно подходят под теорию А. А. Дмитриевского, который полагал, что нельзя сводить члены предложения к частям речи и их формам, и считал, что за основу выделения членов предложения следует принимать их синтаксическое употребление.

Кроме того, рассматривая проблему иерархии членов предложения, А. А. Дмитриевский утверждал, что в предложении не два главных члена: сказуемое и подлежащее, а только один — сказуемое. Что касается подлежащего, то оно, по сути, является одним из дополнений (Храковский 1985, 158-159).

В западной лингвистике по такому типологическому параметру, как базовый порядок слов в предложении, современный китайский язык описывается как язык типа SVO, когда именной группе перед глаголом в роли сказуе-

мого приписывается синтаксический статус подлежащего, а постпозитивной относительно сказуемого группе — статус прямого дополнения. Для дополнения допускается препозиция относительно сказуемого, часто с оговоркой об обязательности контекста противопоставления или выделения соответствующего элемента в предложении, определенной референции соответствующих именных групп. Высказывалась также идея движения китайского языка в сторону SOV порядка слов, но, вне зависимости от позиции лингвистов, структура предложения преимущественно представлялась через понятия subject и object (Емельченкова 2023).

На примере одной из представленных классификаций предложений китайского языка рассмотрим типы простого предложения с разными видами сказуемых (predicat), обращая внимание на наличие субъекта (subject) и объекта (object) в предложении, их функции, позиции, занимаемые ими в предложении, а также на частеречную принадлежность этих членов, принимая во внимание их синтаксическое употребление (Qiu Jun 2018/2019).

Предложения с глагольной связкой (“是” 字句 “shì” zìjù).

Типовая схема предложения: S P O

我不是中国人。Wǒ bú shì Zhōngguó rén
‘Я не китаец’,

где 我 wǒ ‘я’ – S (subject) – подлежащее, выраженное личным местоимением, 是 shì – P (predicat) – сказуемое, выраженное глаголом связкой с отрицанием 不 bù ‘не, нет’, 中国人 Zhōngguó rén ‘китаец’ – O (object) – дополнение,

выраженное именем существительным.

Предложения с глаголом обладания или наличия (“有” 字句 “yǒu” zìjù).

Типовая схема предложения: S (NP) P O

房间里有一张桌子。Fángjiān li yǒu yì zhāng zhuōzi ‘В комнате стоит стол’, где 房间里 fángjiān li ‘в комнате’ – NP (subject) – подлежащее, выраженное словосочетанием, обозначающим местоположение (方位短语 fāngwèi duǎnyǔ), 有 yǒu ‘иметь, обладать’ – P (predicat) – сказуемое, выраженное глаголом наличия, 桌子 zhuōzi ‘стол’ – O (object) – дополнение, выраженное именем существительным.

Предложения с составным глагольным сказуемым (连动句 liándòng jù).

Типовая схема предложения: S P1 O1 P2 O2

妈妈去超市买东西。Māmā qù chāoshì mǎi dōngxī ‘Мама идет в супермаркет за покупками’,

где 妈妈 māmā ‘мама, мать’ – S (subject) – подлежащее, выраженное именем существительным, 去 qù ‘уходить, отправляться (в)’ – P1 (predicat) – сказуемое 1, выраженное глаголом, 超市 chāoshì ‘супермаркет’ – O1 (object) – дополнение 1, выраженное именем существительным со значением места, 买 mǎi ‘купить, покупать’ – P2 (predicat) – сказуемое 2, выраженное глаголом, 东西 dōngxī ‘предмет, вещь’ – O2 (object) – дополнение 2, выраженное именем существительным.

Последовательно-связанные предложения (兼语句 jiānyǔ jù).

Типовая схема предложения: S P1 O1 P2 O2

小明叫林月等他。Xiǎomíng jiào Lín Yuè děng tā ‘Сяо Мин попросил Линь Юэ подождать его’,

где 小明 Xiǎomíng ‘Сяо Мин (китайское имя)’ – S (subject) подлежащее, выраженное именем собственным, 叫 jiào ‘заставлять’ – P1 (predicat) – сказуемое 1, выраженное побудительным глаголом, 林月 Lín Yuè ‘Лин Юэ (китайское имя)’ – O1 (object) – дополнение 1, выраженное именем собственным, 等 děng ‘ждать’ – P2 (predicat) – сказуемое 2, выраженное глаголом, 他 tā ‘он’ – O2 (object) – дополнение 2, выраженное личным местоимением.

Предложения с глагольной связкой, предложения с глаголом обладания и наличия, предложения с составным глагольным сказуемым, а также последовательно-связанные предложения, имеют схему S P O, где подлежащее предшествует сказуемому, прямое дополнение занимает позицию после сказуемого, а косвенное дополнение занимает позицию перед сказуемым, выступая обстоятельством в предложении. Субъект (подлежащее) представлено прежде всего существительным имени, а, кроме того, местоимением личным и словосочетаниями, обозначающими местоположение. Сказуемое может быть простым либо составным, представлено глаголом-связкой, глаголом наличия, прилагательным, глаголом. Объект (дополнения) выражены именами существительными.

В тех случаях, когда в предложении, построенном по схеме S P O, необходимо выделить по смыслу сказуемое, применяется инверсия дополнения.

Предложения с предлогом 把, “把”字句

Типовая схема S P (把 + O1 + V + 在/到 + O2)

他把包放在自行车后面了。Tā bǎ bāo fàng zài zìxíngchē hòumiàn le ‘Он положил сумку позади велосипеда’, где 他 tā ‘он’ – S (subject) – подлежащее, выраженное личным местоимением, – P (predicat) – сложное сказуемое, включающее: 把 bǎ – служебное слово, 包 bāo ‘сумка’ – O1 (object) – дополнение 1, 放 fàng ‘класть’ – глагол (V), 在 zài – предлог, принимающий объект места, 自行车后面 zìxíngchē hòumiàn ‘позади велосипеда’ – O1 (object) – дополнение 2, 了 le – модальная частица.

Дополнение при инверсии этого типа, как правило, употребляется со служебным словом 把 bǎ. Сказуемое в таких случаях часто бывает выражено глагольной формой, образуемой суффиксом 了 le (Горелов 1982, 93).

В предложениях пассивного строя, так называемых “被”字句 (“Bèi” zìjù), подлежащее обозначает реальный объект действия, а дополнение — реальный субъект действия (Горелов 1982, 104).

Предложения с предлогом (“被”字句 “Bèi” zìjù).

Типовая схема S (receiver) 被 O (doer) P (other elements)

我的钱包没被小偷偷走。Wǒ de qiánbāo méi bèi xiǎotōu tōu zǒu ‘Мой кошелек не украли воры’,

где 钱包 qiánbāo ‘кошелек’ – S (receiver) – объект действия, выраженный именем существительным, 小偷 xiǎotōu ‘вор’ – O (doer) –

субъект действия, выраженный именем существительным, 偷走 tōu zǒu ‘украсть и унести’ – P (predicat) – сказуемое, выраженное оформленным глаголом.

Особый интерес представляют предложения с адъективным сказуемым, предложения с субъектно-предикативным словосочетанием в роли сказуемого, а также предложения сравнения, где сказуемое выражено прилагательным и дополнение отсутствует, в то время как во всех других случаях, где оно выражено глаголом-связкой, глаголом наличия и другими глагольными формами, прямое дополнение есть.

Предложение с адъективным сказуемым (形容词谓语句 xíngróngcí wèi yǔjù).

Типовая схема предложения: S P

汉语不难。Hànyǔ bù nán ‘Китайский не сложный’, где 汉语 hànyǔ ‘китайский язык’ – S (subject) – подлежащее, выраженное именем существительным, 难 nán ‘трудный, сложный’ – P (predicat) – сказуемое, выраженное прилагательным с отрицанием – 不 bù ‘не, нет’, а O (object) – дополнение отсутствует в данном примере.

Предложения с субъектно-предикативным словосочетанием в роли сказуемого (主谓谓语句 zhǔ wèi wèi yǔjù).

Типовая схема S1 P1 (S2 + P2)

我嗓子疼。Wǒ sǎngzi téng ‘У меня болит горло’,

где 我 wǒ ‘я’ – S1 (subject) – подлежащее 1, выраженное личным местоимением, 嗓子疼 sǎngzi téng – P1 (predicat) – сказуемое 1,

выраженное субъектно-предикативным словосочетанием, которое состоит из 嗓子 sāngzi ‘горло’ – S2 (subject) – подлежащее 2, выраженное существительным имени, 疼 téng ‘болезненный; болит’ – P2 (predicat) – сказуемое 2, а O (object) – дополнение отсутствует в данном примере.

Сравнительные предложения (比较句 bǐjiào jù).

Типовая схема A (S1) 比 B (S2) P

今天比昨天冷。Jīntiān bǐ zuótiān lěng ‘Сегодня холоднее, чем вчера’,

где 今天 jīntiān ‘сегодня’ – A S1 (subject) – подлежащее 1, выраженное именем существительным, 比 bǐ – предлог сравнения, 昨天 zuótiān ‘вчера’ – B S2 (subject) – подлежащее 2, выраженное именем существительным, 冷 lěng ‘холодный’ – P (predicat) – сказуемое, выраженное прилагательным, а O (object) – дополнение отсутствует в данном примере.

Следует отметить, что в предложениях с глагольной основой в качестве сказуемого может быть либо двухсложный полнозначный глагол, либо глагольно-объектная форма глагола, так называемый переходный глагол, либо другая глагольная форма, оформленная частицами, суффиксами или компонентом китайского языка. Поэтому в предложениях такого типа всегда есть объект.

Так, в примере предложения (3) с составным сказуемым глагол 买 mǎi ‘покупать’ не может быть употреблен без дополнения 东西 dōngxi ‘предмет, вещь’, но может быть заменен

синонимичным ему по значению глаголом, включающим в себя объект 购物 gòuwù ‘покупать вещи’:

妈妈去超市购物。Māmā qù chāoshì gòuwù ‘Мама идет за покупками в супермаркет’.

А в примере последовательно-связанного предложения (4) глагол 等 děng ‘ждать’ также не может быть употреблен без прямого дополнения, и в данном случае дополнение 他 tā ‘он’ можно заменить на 一下, которая используется после глагола, чтобы указать на однократность или кратковременность действия:

小明叫林月等一下。Xiǎomíng jiào Lín Yuè děng yíxià ‘Сяо Мин попросил Линь Юэ подождать’.

В предложениях с адъективным сказуемым, в предложениях с субъектно-предикативным словосочетанием в роли сказуемого, а также в предложениях сравнения, объект, согласно типовым схемам, представленным в данной классификации, отсутствует в предложении. Вместе с тем анализ примеров китайской разговорной речи показал, что прямое дополнение может быть и в такого рода предложениях. Ниже представлены примеры предложений, где прилагательное выступает в роли сказуемого и принимает после себя прямое дополнение.

(12) 他也从来不用饿肚子。Tā yě cónglái bú yòng è dùzi ‘Ему никогда не придется голодать’,

где 他 tā ‘он’ – S (subject) – подлежащее, выраженное существительным имени, 从来 cónglái ‘всегда, никогда (перед отрицанием)’, 不用 bú yòng ‘не надо’ – P1 (predicat) – сказуемое 1,

выраженное модальным глаголом, 饿 è ‘голодный, голодающий’ – P2 (predicat) – сказуемое 2, выраженное прилагательным, 肚子 dùzi ‘живот’ – O (object) – дополнение, выраженное существительным имени.

В данном случае очевидно, что 饿 è ‘голодный, голодающий’ как прилагательное перешло в глагол и приняло после себя прямое дополнение 肚子 dùzi ‘живот’ — 饿肚子 è dùzi ‘голодать’. Об этом свидетельствует его позиция в предложении — после модального глагола 不用 bú yòng ‘не надо’. По виду сказуемого данное предложение можно отнести к типу предложений с составным сказуемым.

(13) 你爸爸妈妈下个月要饿肚子了吧。Nǐ bàba māmā xià gè yuè yào è dùzi le ba ‘Твои родители будут голодать в следующем месяце’,

где 你爸爸妈妈 bàba māmā ‘папа и мама’ — S (subject) — подлежащее, выраженное фразой со значением имени существительного, 下个月 xià gè yuè ‘следующая неделя’ — обстоятельство, 要……了 yào ... le ‘конструкция, используемая для обозначения того, что действие должно произойти в ближайшее время’, 饿肚子 è dùzi – P (predicat) сказуемое, выраженное глагольно-объектным сочетанием, 吧 — частица.

В данном случае очевидно, что прилагательное 饿 è ‘голодный, голодающий’ перешло в глагол и с существительным 肚子 dùzi ‘живот’ образовало глагольно-объектное словосочетание 饿肚子 è dùzi ‘голодать’. Об этом свидетельствует его позиция в предложении внутри конструкции 要……了, где, согласно правилам китайского языка, данная конструкция принима-

ет только либо глагольно-объектные словосочетания, либо прилагательные (Qiu Jun 2019, 162).

(14) 史密斯先生整天都在学校忙工作。Shǐmìsī xiānshēng zhěngtiān dōu zài xuéxiào máng gōngzuò ‘Мистер Смит весь день был занят работой в школе’,

где 史密斯先生 Shǐmìsī xiānshēng ‘мистер Смит’ — S (subject) — подлежащее, выраженное именем собственным, 整天都 zhěngtiān ‘весь день’ — обстоятельство времени, выраженное временным существительным, 在学校 zài xuéxiào ‘в школе’ — обстоятельство места, 忙 máng ‘занятый’ — P (predicat) сказуемое, выраженное прилагательным, 工作 gōngzuò ‘работа’ — O (object) — дополнение, выраженное существительным имени.

В данном случае очевидно, что прилагательное 忙 máng ‘занятый’ перешло в глагол и приняло после себя дополнение 工作 gōngzuò ‘работа’, согласно представленной классификации выше в предложении такого типа сказуемым может быть только глагол, выражающий действие, и не может быть прилагательное.

(15) 我可以在电视前放松一下，还可以忙工作。Wǒ kěyǐ zài diànshì qián fāngsōng yíxià, hái kěyǐ máng gōngzuò ‘Я могу расслабиться перед телевизором, или же могу поработать’, где 还 hái ‘еще, в добавок’, 可以 kěyǐ ‘мочь, можно’ – P1 (predicat) сказуемое, выраженное модальным глаголом, 忙 máng ‘занятый’ – P2 (predicat) – сказуемое, выраженное прилагательным, 工作 gōngzuò ‘работа’ – O (object) дополнение, выраженное существительным имени (БКРС 2017).

В данном примере очевидно, что прилагательное 忙 máng ‘занятый’ перешло в глагол и приняло после себя дополнение 工作 gōngzuò ‘работа’, образовав глагольно-объектное словосочетание 忙工作 máng gōngzuò ‘заниматься работой’. Об этом свидетельствует его позиция в предложении после модального глагола 可以 kěyǐ ‘мочь, можно’. По виду сказуемого данное предложение можно отнести к типу предложений с составным сказуемым.

Анализ приведенных примеров предложений с адъективным сказуемым показал, что в предложениях такого типа также может быть объект, а, значит, можно предположить и то, что его можно выделить и в предложениях с субъектно-предикативной основой в роли сказуемого, и в предложениях сравнения. Типовая схема которых указывает на наличие двух субъектов (подлежащее), предиката (сказуемое) и на отсутствие объекта (дополнения), но если применить к ним теорию А. А. Дмитриевского, о которой речь шла выше, а именно: его подход к проблеме иерархии членов предложения, в котором он утверждал, что в предложении не два главных члена предложения, а только один – сказуемое. И что подлежащее является одним из дополнений. То второе подлежащее в предложении вполне можно принять за дополнение (object), которое было вынесено вперед.

Вернемся к примеру предложения с субъектно-предикативной основой (6) 我嗓子疼。Wǒ sǎngzi téng ‘У меня болит горло’, где 我 wǒ ‘я’ – S1 (subject) – подлежащее, выраженное личным местоимением, 嗓子疼 sǎngzi téng – P1

(predicat) – сказуемое 1, выраженное субъектно-предикативным словосочетанием, где 嗓子 sǎngzi ‘горло’ – S2 (subject) – подлежащее 2, выраженное существительным имени, 疼 téng ‘болезненный; болит’ – P2 (predicat) – сказуемое 2, выраженное прилагательным, O (object) – дополнение отсутствует в данном предложении.

Если предположить, что 嗓子 sǎngzi ‘горло’ – S2 (subject) – второе подлежащее — это объект, который был вынесен вперед, то по схеме SPO предложение выглядело бы так:

(16) 我在疼嗓子呢。Wǒ zài téng sǎngzi ne ‘У меня болит горло’, где 我 wǒ ‘я’ – S1 (subject) – подлежащее, выраженное личным местоимением, 疼 téng ‘болезненный; болит’ – P (predicat) – сказуемое, выраженное глаголом, 嗓子 – O (object) – дополнение, выраженное существительным имени.

Изменив позицию второго подлежащего на место после сказуемого, сказуемое, выраженное прилагательным, переходит в глагол, а второе подлежащее в предложении при этом будет выполнять роль дополнения. Если сказуемое выражено прилагательным, то объект занимает препозицию относительно сказуемого и в данном случае может выполнять роль подлежащего, как в исходном примере (6). Предложения сравнения также подходят под эту теорию, и второй субъект, занимающий место после предлога для сравнения 比 bǐ ‘по сравнению с, чем’ в предложении, вполне можно расценивать как подлежащее, так и как косвенное дополнение, занимающее позицию перед сказуемым.

Таким образом, в предложениях с адъективным сказуемым, с субъектно-предикатив-

ным словосочетанием, а также в предложениях сравнения, в которых сказуемое выражено прилагательным, может быть объект. Вместе с тем объект может занимать препозицию относительно сказуемого и выполнять роль подлежащего или косвенного дополнения, в случае постпозиции относительно главного слова — в роли прямого дополнения. Если объект занимает место после сказуемого, выраженного прилагательным, то прилагательное трансформируется в глагол.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что в ходе синтаксического анализа важно установить как элементы предложения, так и их связи, определить роли. Очевидно, что синтаксическая структура предложения представляет собой значительно более сложный объект, нежели членение предложения согласно частеречной принадлежности слов, входящих в его состав. В основе системной организации предложений является строгий порядок слов, основанный на взаимном сочетании слов и конструкций согласно установленным грамматическим правилам употребления в китайском языке.

Для проблемы иерархии членов предложения, несомненно, характерно сочетание традиционных и новых идей, ввиду стремительного развития китайского языка и большую вариативность употребления, которая допускается в разговорной речи. Проведенный анализ показал, что теории членов предложения, выдвинутые А. А. Дмитриевским применительно к русскому языку, подходят и для предложений китайского языка. Как следствие, структура пред-

ложения, которая представлялась через понятия subject и object, а сказуемое — главный член предложения, не изменилась. Новая же идея заключается в том, что подлежащее — такой же второстепенный член предложения, как и дополнение, поэтому субъект и объект в предложении могут выступать и подлежащим, и дополнением, в зависимости от вида сказуемого в предложении, могут занимать соответствующую позицию относительно сказуемого.

Подобный подход к системной организации и определению синтаксических ролей, с одной стороны, может показаться сложным, не имеющим четкого соотношения членов предложения с их семантической принадлежностью, с другой стороны, наличие только одного главного члена предложения в виде сказуемого — как единоличного властелина предложения — упрощает анализ, а строгий порядок в предложении позволяет однозначно интерпретировать смысл высказывания, что, опираясь на факты китайского языка, является немаловажным обстоятельством.

Список литературы

1. Солнцева Н.В., Солнцев В.М. Члены предложения в языках различных типов: ("Мещаниновские чтения") Вопросы теории языкознания / Взаимодействие частей речи и членов предложения (на материале изолирующих языков). — Л.: Наука, 1972. С. 78—87.
2. Шутова Е.И. Синтаксис современного китайского языка. — М.: Наука. Главная

редакция восточной литературы, 1991.

3. Храковский В. С. Концепция членов предложения в русском языкознании XIX века. Грамматические концепции в языкознании XIX века. Л.: Наука, 1985. С. 124—180.
4. Дмитриевский А. А. Практические заметки о русском синтаксисе. Филологические записки. 1877; Вып. I. С. 55—56.
5. Емельченкова Е.Н. Китайская концепция двух подлежащих в предложении: к постановке проблемы. Современные востоковедческие исследования. 2023; Том 5 (1). <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2023-6-23>
6. Цю Цзюнь (邱军) – Путь к успеху. Начальный курс китайской грамматики (1) (成功之路:起步篇1). Пекин: Издательство: Пекинский университет языка и культуры, 2018. (на кит. яз)
7. Цю Цзюнь (邱军) – Путь к успеху. Начальный курс китайской грамматики (2) (成功之路:起步篇2). Пекин: Издательство: Пекинский университет языка и культуры, 2019. (на кит. яз)
8. Горелов В.И. Грамматика китайского языка для 8—10 классов средней школы с преподаванием ряда предметов на китайском языке. Издание 2-е, дополненное и переработанное. – М.: Просвещение, 1982.
9. Цю Цзюнь (邱军) – Путь к успеху. Начальный курс китайской грамматики (2) (成功之路:顺利篇2). Пекин: Издательство: Пе-

кинский университет языка и культуры, 2018. (на кит. яз)

10. Большой китайско-русский словарь. [Электронный ресурс] // БКРС онлайн словарь. – 2017. – URL: <http://bkrs.info>. (Дата обращения: 18.08.24)

References

1. Solntseva N.V., Solntsev V.M. Members of a sentence in languages of various types: ("Meshchaninov's readings") Questions of the theory of linguistics / Interaction of parts of speech and members of a sentence (based on the material of isolating languages). – L.: Nauka, 1972. pp. 78-87. (In Russ.)
2. Shutova E.I. Syntax of modern Chinese. – M.: Nauka. Main Editorial Board of Oriental Literature, 1991. (In Russ.)
3. Khrakovsky V. S. The concept of sentence members in Russian linguistics of the 19th century. Grammatical concepts in linguistics of the 19th century. L.: Nauka, 1985. pp. 124-180. (In Russ.)
4. Dmitrievsky A. A. Practical notes on Russian syntax. Philological notes. 1877; Vol. I. pp. 55-56.
5. Emelchenkova E.N. Preliminary notes on a study of two subjects in a Chinese sentence. Modern Oriental Studies. 2023; Volume 5 (1). (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2023-6-23> (Date of access: 02/08/24)

6. Qiu Jun (邱军) – Road to success. Lower Elementary vol. I. (成功之路: 起步篇1). Beijing: Beijing Language and Culture University, 2018. (in Chin)
7. Qiu Jun (邱军) – Road to success. Lower Elementary vol. II. (成功之路: 起步篇2). Beijing: Beijing Language and Culture University, 2019. (in Chin)
8. Gorelov V.I. Chinese grammar for grades 8-10 of secondary school with the teaching of a number of subjects in Chinese. 2nd edition, expanded and revised. – М.: Prosveshchenie, 1982. (In Russ.)
9. Qiu Jun (邱军) – Road to success. Elementary vol. II. (成功之路:起步篇2). Beijing: Beijing Language and Culture University, 2018. (in Chin)
10. Big Chinese-Russian dictionary. BCRS online dictionary. 2017. <http://bkrs.info>. (Date of access: 08/08/24)

Сведения об авторе

Летучая Елизавета Александровна

Санкт-Петербургский государственный
экономический университет, Санкт-
Петербург, Россия

estpisma@mail.ru

Information about the author

Elizaveta A. Letuchaya

St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia

estpisma@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.03.2025.

Одобрена после рецензирования: 02.04.2025.

Принята к публикации: 10.04.2025.

Information about the article

The article was submitted 25.03.2025

Approved after reviewing 02.04.2025

Accepted for publication 10.04.2025

Difficulties of Vietnamese learners in studying Russian nouns

Трудности, возникающие при изучении имен существительных в русском языке у вьетнамских учащихся

Хо Тху Тху Ханг

*Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия*

Автор, ответственный за переписку:

Thuyhang2207ulis@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-7254-2218>

Ho Thi Thu Hang

*Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia*

Corresponding author:

Thuyhang2207ulis@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-7254-2218>

УДК 5.9.8 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-2-2025-34-41](https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-34-41)

АННОТАЦИЯ

В период интеграции и инноваций изучение иностранных языков, можно сказать, является необходимым делом. Широкое знание популярного иностранного языка не только открывает лучшие возможности для трудоустройства, но и позволяет нам открывать для себя что-то новое, о котором трудно найти много информации на родном языке. Однако, если мы хотим овладеть иностранным языком, в дополнение к настойчивости нам необходимо иметь подходящий и эффективный метод обучения. В этой статье были проведены сравнения концепций и характеристик имен существительных в русском и вьетнамском языках. Затем были сделаны выводы о самых больших трудностях, с которыми часто сталкиваются

ABSTRACT

In the period of integration and innovation, learning a foreign language can be said to be very necessary. A wide knowledge of a popular foreign language not only brings better job opportunities, but it also allows us to discover new things that are difficult to find much information about in our mother tongue. However, if we want to master a foreign language, in addition to perseverance, we need to have a suitable and effective learning method. This article has made comparisons of the concepts and characteristics of noun classes in Russian and Vietnamese. Then, it has drawn conclusions about the biggest difficulties that Vietnamese learners often encounter in the learning and research process. From there, learners can create for themselves a suitable learning path and

вьетнамские учащиеся в процессе изучения. Исходя из этого, учащиеся могут создать для себя подходящий путь обучения и повысить эффективность. В этой статье используются следующие методы: анализ и синтез, статистика, сравнение и описание.

Ключевые слова: русский язык, вьетнамский язык, имена существительные, грамматическая категория, мужской род, женский род, средний род, категория числа, категория падежа

Для цитирования: Хо Т.Т.Х.. Трудности, возникающие при изучении имен существительных в русском языке у вьетнамских учащихся. *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (2). С. 34–41 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-34-41>

bring higher efficiency. The following methods are used in this paper: analysis and synthesis, statistics, comparison and description.

Keywords: Russian language, Vietnamese language, nouns, grammatical category, masculine, feminine, neuter, number category, case category.

For citation: Ho T.T. H. Difficulties of vietnamese learners in studying russian nouns. *Modern Oriental Studies*. 2025; Volume 7 (№2). P.34-41 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-34-41>

Những khó khăn của sinh viên việt nam trong việc nghiên cứu danh từ trong tiếng nga

Tóm tắt. Trong thời kỳ hội nhập và đổi mới như hiện nay, việc học ngoại ngữ có thể nói là một điều rất cần thiết. Việc am hiểu một ngoại ngữ phổ biến không chỉ mang lại những cơ hội việc làm tốt hơn, mà nó còn cho phép chúng ta tìm hiểu những điều mới mẻ mà thông qua ngôn ngữ mẹ đẻ khó có thể tìm được nhiều thông tin. Tuy nhiên, để học tốt được một ngoại ngữ thì ngoài sự kiên trì chúng ta cần phải có một phương pháp học tập thích hợp, hiệu quả. Bài báo này đã đưa ra những khái niệm và đặc điểm chính của từ loại danh từ trong tiếng Nga và tiếng Việt, so sánh và đưa ra kết luận những

khó khăn lớn nhất mà sinh viên Việt Nam thường gặp phải trong quá trình học tập và nghiên cứu. Từ đó, người học có thể tạo cho mình được một lộ trình học tiếng Nga phù hợp và mang lại hiệu quả cao hơn. Trong bài báo có sử dụng phương pháp phân tích và tổng hợp, thống kê, so sánh và mô tả.

Từ khóa: tiếng Nga, tiếng Việt, danh từ, phạm trù ngữ pháp, giống đực, giống cái, giống trung, phạm trù số lượng, phạm trù cách

Hiện nay, giới trẻ Việt Nam đang tích cực học tập và nghiên cứu những ngôn ngữ mới. Có thể liệt

kê một số ngôn ngữ được giới trẻ ưa chuộng như: tiếng Anh, tiếng Trung, tiếng Hàn, tiếng Nhật và tiếng Nga... Tuy nhiên, trong quá trình học bất cứ ngôn ngữ mới nào cũng đều gặp những khó khăn nhất định, và tiếng Nga cũng vậy. Điều này được lý giải bởi tiếng Nga thuộc nhóm ngôn ngữ tương đối phức tạp, những đặc điểm của nó khác xa với tiếng Việt. Ngoài ra, nếu không có những phương pháp giảng dạy và nghiên cứu phù hợp thì kết quả học tập cũng sẽ không được như mong muốn.

Theo nhà ngôn ngữ học người Nga Shansky “Danh từ biểu thị tính khách quan và thể hiện ý nghĩa này dưới dạng giống, số và cách, thường đóng vai trò là chủ ngữ hoặc bổ ngữ, cũng có khả năng thực hiện vai trò định ngữ và trạng ngữ, và được sử dụng trong phần vị ngữ” (Shansky 1987, 93).

Theo tác giả Gabdulhakov, có ba nhóm danh từ trong tiếng Nga:

nhóm danh từ chung và danh từ riêng,

nhóm danh từ cụ thể, và đối ngược với nó là nhóm danh từ trừu tượng, tập hợp và vật chất,

nhóm danh từ động vật và bất động vật (Gabdulhakov 2008, 120).

Còn về tiếng Việt, theo tác giả Nguyễn Thị Thanh Xuân, danh từ là những từ dùng để chỉ người, sự vật, hiện tượng, khái niệm hoặc đơn vị trong tiếng Việt. Đây là một trong những loại từ quan trọng nhất trong câu, thường làm chủ ngữ hoặc bổ ngữ. Trong tiếng Việt có các loại danh từ sau:

(1) Danh từ chỉ sự vật: gồm những từ chỉ người, đồ vật, con vật, cây cối, địa điểm...

(2) Danh từ chỉ hiện tượng: chỉ những hiện tượng tự nhiên hoặc xã hội.

(3) Danh từ chỉ khái niệm: dùng để chỉ những khái niệm trừu tượng.

(4) Danh từ chỉ đơn vị: dùng để chỉ số lượng hoặc đơn vị đo lường (Nguyễn T.T.X, 1).

Việc xác định một danh từ thuộc nhóm ngôn ngữ nào nhìn chung không gây khó khăn nhiều cho người học. Tuy nhiên, việc danh từ trong tiếng Nga có các phạm trù ngữ pháp về giống, số lượng và cách đã khiến cho việc nghiên cứu ngôn ngữ này trở nên phức tạp hơn (Shabuldaeva 2019, 9).

Tất cả các danh từ trong tiếng Nga đều thuộc một trong ba giống: giống đực, giống cái và giống trung. Giống của một danh từ sẽ được xác định bởi đuôi từ của nó. Thường sẽ có quy tắc để nhận biết, ví dụ: một từ kết thúc bằng đuôi “a” sẽ là giống cái, hoặc kết thúc bằng đuôi “o” sẽ là giống trung. Tuy nhiên, nếu một từ kết thúc bằng dấu mềm “ь” thì việc xác định sẽ trở nên khó khăn hơn bởi vì nó có thể là dấu hiệu nhận biết của danh từ giống đực hoặc giống cái. Chẳng hạn: cả hai từ «дождь» (mưa) và «соль» (muối) đều có kết thúc từ là dấu mềm “ь”, nhưng từ «дождь» (mưa) thuộc về giống đực, còn «соль» (muối) – giống cái. Trong trường hợp này, người học có thể dùng từ điển để tra cứu hoặc dựa vào ngữ pháp trong câu để xác định giống của danh từ này. Hơn nữa, cũng có những ngoại lệ trong việc xác định giống của một danh từ. Ví dụ, từ «имя (tên), дедушка (ông)...» có đuôi từ là “я” và “а” – đuôi từ của giống cái, nhưng từ имя lại là danh từ giống trung, còn дедушка thuộc về giống đực. Do đó, người học cần phải ghi nhớ các ngoại lệ để tránh mắc những lỗi sai trong khi sử dụng tiếng Nga.

Trong tiếng Việt các danh từ không chia theo giống, vì vậy khi mới bắt đầu học tiếng Nga, sinh viên Việt Nam có thể cảm thấy hơi khó khăn trong việc tiếp thu khái niệm mới này.

Phạm trừ số lượng trong tiếng Nga

“Phạm trừ số lượng tạo thành một sự đối lập: số ít – số nhiều” (Shabuldaeva 2019, 24). Phương tiện chính để biểu thị số lượng là kết thúc của một danh từ. Người học cần ghi nhớ quy tắc thay đổi số lượng của một danh từ. Ví dụ: đuôi «а» sẽ biến đổi thành «ы» hoặc «и» [машина – машины (một cái ô tô – những cái ô tô), книга – книги (một quyển sách – những quyển sách)...], đuôi «о» sẽ biến đổi thành «а» [окно – окна (một cái cửa sổ – những cái cửa sổ)]... Cũng có những danh từ biến đổi từ số ít sang số nhiều mà không theo quy tắc: дом – дома (một ngôi nhà – những ngôi nhà), паспорт – паспортов (một cuốn hộ chiếu – những cuốn hộ chiếu), яблоко – яблоки (một quả táo – những quả táo), цветок – цветы (một bông hoa – những bông hoa)...

Còn về tiếng Việt, tiếng Việt thuộc loại hình ngôn ngữ đơn lập, vì vậy từ sẽ không biến đổi hình thái của nó. (5)

Khi muốn tạo hình thức số nhiều cho một danh từ, chỉ cần đặt trước danh từ đó những từ chỉ số nhiều như “những, các, nhiều, vô số...” mà không biến đổi hình thái của chính danh từ đó. Ví dụ: *bông hoa (цветок) – những bông hoa (цветы)*; trong tiếng Việt *bông hoa (цветок)* là danh từ số ít, và nếu muốn cấu tạo dạng số nhiều của danh từ này thì chỉ cần thêm chữ **những** vào trước danh từ đó, bản thân từ **bông hoa** không bị biến đổi. Ngược lại, trong tiếng Nga cần phải biến đổi đuôi danh từ

để cấu tạo thành dạng số nhiều. Đây là một trong những khác biệt lớn khiến sinh viên Việt Nam cảm thấy khó khăn hơn khi chinh phục tiếng Nga, vì cần phải nhớ rõ các quy tắc chuyển từ số ít sang số nhiều. Đồng thời, hàng loạt các danh từ với cách biến đổi bất quy tắc cũng đòi hỏi sự thực hành liên tục để nắm vững.

Phạm trừ cách trong tiếng Nga

Danh từ thay đổi theo các cách. “Có sáu cách trong ngữ pháp tiếng Nga hiện đại:

1. Cách 1: nguyên cách (Именительный Падеж)
2. Cách 2: sở hữu cách (Родительный Падеж)
3. Cách 3: tặng cách (Дательный Падеж)
4. Cách 4: đối cách (Винительный Падеж)
5. Cách 5: phương tiện cách (Творительный Падеж)
6. Cách 6: giới từ cách (Предложный Падеж)” (Shabuldaeva 2019, 27).

Cách 1 (nguyên cách) trái ngược với tất cả các cách còn lại. Nó diễn đạt vị trí độc lập về mặt ngữ pháp của danh từ trong lời nói, tức là danh từ không bị biến đổi trong câu, và được gọi là cách “trực tiếp”. Các cách còn lại được gọi là cách “gián tiếp”. Chúng biểu thị vị trí ngữ pháp phụ thuộc của một danh từ và thể hiện nhiều mối quan hệ cú pháp khác nhau với các từ khác. Cách 1 (nguyên cách) chủ yếu được dùng với vai trò chủ ngữ, còn các dạng cách gián tiếp biểu thị ý nghĩa tân ngữ, trạng

ngữ và định ngữ” (Shabuldaeva 2019, 28). Hậu tố và giới từ là phương tiện biểu thị cách của danh từ trong tiếng Nga. Trong đó, hậu tố được xem là phương tiện chính.

Danh từ trong tiếng Việt không thay đổi theo cách. Vì vậy, sinh viên Việt Nam gặp khá nhiều khó khăn trong việc học tập và nghiên cứu hệ thống các cách trong tiếng Nga, bởi ngoài việc có sáu cách và mỗi cách thể hiện những ý nghĩa khác nhau, thì còn phải xem xét đến yếu tố trong mỗi cách lại có các cách chia riêng cho số ít và số nhiều. Lấy ví dụ: từ danh từ “quyển sách” «книга» (cách 1, số ít), chúng ta có thể tạo nên các dạng khác nhau của các cách: книги, книг, книге, книгам, книгу, книгой, книгами, книгах. Người học cần phải ghi nhớ cách biến đổi danh từ ở mỗi cách và phải biết xác định cần dùng cách nào trong câu để tạo nên một câu đúng ngữ pháp.

Ngoài ra, có thể chỉ ra thêm một số yếu tố khiến phạm trù cách trở nên khó khăn hơn đối với người học, chẳng hạn như:

- cùng một ý nghĩa nhưng có thể được thể hiện bằng những cách khác nhau (ví dụ: ý nghĩa về thời gian: во вторник – thứ ba (cách 4), 22-ое число (ngày 22 – cách 1), в январе – tháng giêng (cách 6)...))

- trong một cách nhưng có những quy tắc biến đổi khác nhau (ví dụ: một danh từ giống đực số ít khi sang cách 2 có thể có những đuôi từ sau: «а, я»; danh từ giống cái số ít: «ы, и» ; danh từ giống trung số ít: «а,я»...)

- những cách khác nhau nhưng lại có đuôi từ giống nhau: (на шкафу – trên tủ, купить собаку – mua một con chó / в машине – trong xe ô tô, подарить девочке – tặng cho cô bé...). Trong cặp ví dụ

đầu tiên, cả hai danh từ đều có đuôi từ «у», nhưng từ đầu tiên là dạng của cách 6, còn từ thứ 2 là dạng của cách 4. Còn trong cặp ví dụ sau, lần lượt là đuôi từ của cách 6 và cách 3).

- có khá nhiều giới từ trong tiếng Nga, và người học cần nắm rõ sau một giới từ cần cách gì. Tuy nhiên, một giới từ có thể dùng cho những cách khác nhau (пойти в университет – đi đến trường đại học, учиться в университете - học ở trường đại học) ... Có thể thấy, giới từ «в» có thể dùng cả trong cách 6 lẫn cách 4.

Khi dịch ý nghĩa của các cách trong câu từ tiếng Nga sang tiếng Việt, chúng ta có thể thêm những giới từ phù hợp về mặt ngữ nghĩa cho danh từ. Chẳng hạn:

- Đây là quyển sách của em trai tôi (Это учебник моего брата).

Đây là câu ví dụ cho cách 2 (sở hữu cách). Trong tiếng Việt, giới từ của đứng trước danh từ và thể hiện ý nghĩa sở hữu.

- Bố tôi mua cho mẹ một ngôi nhà lớn (Мой папа купил маме большой дом).

Đây là câu ví dụ cho cách 3 (tặng cách). Từ cho đứng trước đối tượng mà hành động hướng tới.

Họ ăn cơm bằng thìa (Они едят рис ложками).

Đây là ví dụ cho cách 5 (phương tiện cách). Từ bằng находится đứng trước danh từ để thể hiện ý nghĩa của đối tượng mà nhờ nó hành động được thực hiện.

- Anh ấy thường nghĩ về những kỷ ức buồn đã qua (Он часто думает о грустных воспоминаниях прошлого).

– *Họ hàng của chị ấy đang sống ở trong một ngôi nhà nhỏ nhưng ấm cúng (Ее родственники живут в маленьком, но уютном доме).*

Đây là những ví dụ về cách 6 (giới từ cách). Từ về thường đi sau các động từ chỉ suy nghĩ hoặc lời nói, còn giới từ ở được dùng với các danh từ chỉ địa điểm.

Cách 1 và cách 4 thường được dịch sang tiếng Việt mà không cần giới từ. Chẳng hạn:

Ее сестра кушает (Chị cô ấy đang ăn cơm),

Она недавно купила новую сумку (Cô ấy mới mua một chiếc túi mới).

Như vậy, có thể nói khó khăn đối với người nước ngoài khi học tiếng Nga là cách sử dụng đúng các cách trong ngữ cảnh nhất định. Người học đến từ các quốc gia không nói tiếng Nga như tiếng mẹ đẻ, trong đó có sinh viên Việt Nam, gặp nhiều khó khăn khi lựa chọn cách phù hợp trong câu. Họ luôn đặt ra những câu hỏi như: tại sao chúng ta lại sử dụng cách này ở đây? Nó thể hiện ý nghĩa gì? Ngoài ra, các quy tắc biến cách không dễ nhớ, đòi hỏi người học phải dành nhiều thời gian để luyện tập.

Để hiểu rõ hơn về những khó khăn mà sinh viên Việt Nam thường gặp khi nghiên cứu danh từ trong tiếng Nga, một cuộc khảo sát nhỏ đã được ra cho 25 sinh viên đang học tập tại thành phố Kazan, Liên Bang Nga. Câu hỏi được đưa ra là: Những đặc điểm nào của danh từ trong tiếng Nga mà bạn cảm thấy phức tạp nhất?

Khảo sát cho thấy, trong việc phân loại các

danh từ thành các nhóm thì nhóm danh từ trừu tượng (40%) và tập hợp (20%) là những danh từ khiến sinh viên Việt Nam nhầm lẫn nhiều nhất. Một số sinh viên cũng gặp khó khăn với nhóm danh từ động vật và bất động vật, tuy nhiên chỉ là tỉ lệ nhỏ. Ngược lại, nhóm danh từ chung, danh từ riêng và danh từ vật chất được hiểu một cách rõ ràng. Điều này có thể được lý giải bởi có sự tương đồng giữa một số nhóm danh từ trong cả hai ngôn ngữ.

Trong số các phạm trù ngữ pháp về giống, số lượng và cách, phạm trù cách là phạm trù gây khó khăn lớn nhất khi nghiên cứu danh từ (hầu hết người được hỏi đều đồng ý với điều này - 96%). Nhiều sinh viên được khảo sát thừa nhận rằng mặc dù đã học tiếng Nga trong một thời gian dài, họ vẫn chưa hiểu rõ nghĩa của từng cách và thậm chí thường nhầm lẫn cách biến đổi của từ theo từng cách khi sử dụng. Điều này chắc chắn là do sự khác biệt về cấu trúc ngữ pháp giữa hai ngôn ngữ. Phạm trù phức tạp thứ hai là giống (20%). Mặc dù đã có những dấu hiệu để nhận biết giống của một từ, nhưng cũng có rất nhiều trường hợp ngoại lệ đòi hỏi người học cần ghi nhớ, vì vậy phạm trù này cũng gây khó khăn. Trong các phạm trù ngữ pháp nêu trên, phạm trù số lượng là phạm trù ít gây khó khăn nhất cho người học.

Nói chung, việc học bất cứ một ngôn ngữ mới nào cũng đều có những khó khăn nhất định, đặc biệt là những ngôn ngữ có nhiều điểm khác biệt với tiếng mẹ đẻ của người học. Bài báo này đã đưa ra những đặc điểm chính của từ loại danh từ trong tiếng Nga và tiếng Việt, so sánh và đưa ra kết luận những khó khăn lớn nhất mà sinh viên Việt Nam thường gặp phải trong quá trình học tập và

нghiên cứu. Hy vọng, bài báo này sẽ giúp những sinh viên mới bắt đầu học tiếng Nga hoặc những ai có ý định tìm hiểu nó có được cái nhìn toàn diện về những khó khăn sẽ gặp phải trong quá trình nghiên cứu. Từ đó, có thể tạo cho mình những phương pháp học tập phù hợp nhất để đạt được kết quả tốt.

Список источников

1. Шанский Н. М. Современный русский язык. Учеб. для студентов педагогических институтов. Словообразование. Морфология / Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. – М.: Просвещение, 1987. – 256 с.
2. Габдулхаков В. Ф. Русский язык в межкультурном общении, в лингвистической теории и методике преподавания: учебно-методическое пособие для студентов педагогических вузов, учителей школ, слушателей курсов ИПК / В. Ф. Габдулхаков, Л. В. Мирошниченко, С. В. Фаттахова, Н. Д. Колетвинова. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. – 399 с.
3. Нгуен Т.Т.С (Nguyễn Thị Thanh Xuân). Что такое имя существительное? (Danh từ là gì?). <https://thuvienphapluat.vn/phap-luat/danh-tu-la-gi-cac-loai-danh-tu-trong-tieng-viet-cho-vi-du-ve-danh-tu-trong-cau-muc-tieu-cua-giao-du-460680-203403.html> (accessed: 30.04.2025) (In Vietnamese).
4. Шабулдаева Н. И. Современный русский язык: имя существительное: практическое пособие / Н. И. Шабулдаева. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – 47 с.
5. Типичные характеристики вьетнамского языка (Đặc điểm loại hình của tiếng Việt).

<https://khcb.tnus.edu.vn/chi-tiet/1558-DAC-DIEM-LOAI-HINH-CUA-TIENG-VIET> (accessed: 30.04.2025) (In Vietnamese).

6. Солнцев В. М. Вьетнамский язык / В. М. Солнцев, Ю. К. Лекомцев, Т. Т. Мхитарян, И. И. Глебова. – М.: Издательство восточной литературы, 1960. – 100с.

References

1. Shanskii N. M. Modern Russian language. Studies for students of pedagogical institutes. Word formation. Morphology / N. M. Shansky, A. N. Tikhonov, Moscow: Prosveshchenie Publ., 1987– 256 p.
2. Gabdulkhakov V. F. The Russian language in intercultural communication, in linguistic theory and teaching methods: an educational and methodical manual for students of pedagogical universities, school teachers, students of IPK courses / V. F. Gabdulkhakov, L. V. Miroshnichenko, S. V. Fattakhova, N. D. Koletvinova. Kazan: Tatar Publishing House, 2008. 399 p.
3. Nguyen T.T.S. (Nguyễn thị Thanh Xuân). What is a noun? (Danh từ là gì?). <https://thuvienphapluat.vn/phap-luat/danh-tu-la-gi-cac-loai-danh-tu-trong-tieng-viet-cho-vi-du-ve-danh-tu-trong-cau-muc-tieu-cua-giao-du-460680-203403.html> (accessed: 30.04.2025) (In Vietnamese).
4. Shabuldaeva N. I. Modern Russian: noun: a practical guide / N. I. Shabuldaeva. Gomel: F. Skorina State State University, 2019. 47 p.
5. Typical characteristics of the Vietnamese language (Đặc điểm loại hình của tiếng Việt).

<https://khcb.tnus.edu.vn/chi-tiet/1558-DAC>

-DIEM-LOAI-HINH-CUA-TIENG-VIET

(accessed: 30.04.2025) (In Vietnamese).

6. Solntsev V. M. The Vietnamese language / V. M. Solntsev, Yu. K. Lekomtsev, T. T. Mkhitaryan, I. I. Glebova. – M.: Publishing House of Oriental Literature, 1960. – 100s.

Сведения об авторах

Хо Тху Тху Ханг

Старший преподаватель, кафедры китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований, институт международных отношений

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

E-mail: thuyhang2207ulis@gmail.com

Information about the authors

Ho Thi Thu Hang

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

E-mail: thuyhang2207ulis@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.03.2025.

Одобрена после рецензирования: 02.04.2025.

Принята к публикации: 10.04.2025.

Information about the article

The article was submitted 25.03.2025

Approved after reviewing 02.04.2025

Accepted for publication 10.04.2025

Methods for translating the metaphors in the Qur'an into English and Russian

Методы перевода метафоры в Коране на английский и русский языки

Аль-Бирмани Сармад М.О.,

Палашевская Ирина Владимировна

Волгоградский государственный университет,

Волгоград, Россия

Автор, ответственный за переписку:

sarmadbmx@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-3975-6449>

Al-Bearmany Sarmad M.O.,

Irina V. Palashevskaya

Volgograd State University,

Volgograd, Russia

Corresponding author:

sarmadbmx@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-3975-6449>

УДК 811.161.1'37 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-2-2025-42-55](https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-42-55)

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена сравнительному анализу четырех переводов одной коранической метафоры, выполненных М.М. Пиктхоллом, А. Ю. Али, Абу-Аделем и Э. Р. Кулиевым, с особым акцентом на метафору «*waishtaAAala alrrasu shayban*». (Сура 19:4). Данное исследование ставит целью анализ сложностей, возникающих у переводчиков при обеспечении межкультурной эквивалентности текстов, а также сравнительное изучение образных языковых средств (метафор, идиом, символов) в арабском, русском и английском языках. Основное внимание уделяется выявлению лингвокультурных барьеров, препятствующих адекватной передаче смысла, и сопоставлению механизмов адаптации образности в контексте межъязыкового взаимодействия. Работа направлена на систематизацию

ABSTRACT

The article is devoted to a comparative analysis of four translations of one Quranic metaphor made by M.M. Pickthall, A.Y. Ali, Abu-Adel and E.R. Kuliiev, with a special emphasis on the metaphor «*waishtaAAala alrrasu shayban*». (Surah 19:4) This study aims to analyze the difficulties faced by translators in ensuring the intercultural equivalence of texts, as well as a comparative study of figurative linguistic means (metaphors, idioms, symbols) in Arabic, Russian and English. The main focus is on identifying linguistic and cultural barriers that prevent the adequate transmission of meaning and comparing the mechanisms of adaptation of imagery in the context of interlanguage interaction. The work is aimed at systematizing the factors influencing the translation strategy when working with texts deeply rooted in the

факторов, влияющих на переводческую стратегию при работе с текстами, глубоко укорененными в специфике культурных кодов.

Целью исследования заключается в определении методов преодоления ключевых трудностей, возникающих при переводе текстов в условиях межкультурных различий, а также в сравнительном анализе образных структур (метафор, идиом, культурно-специфичных символов) в арабском, русском и английском языках. Акцент делается на изучении лингвистических механизмов, позволяющих сохранить смысловую и культурную адекватность при передаче образности между языками.

Работа предполагает классификацию переводческих стратегий, направленных на устранение межъязыковых дисбалансов, и выявление закономерностей в использовании образных средств в рамках сопоставляемых лингвокультур.

Материалы и методы исследования. В исследовании в качестве исходного материала использовался аутентичный текст Корана на арабском языке, а также его переводы на английский (М.М. Пиктхолл, А.Ю. Али, Абу-Адель) и русский (Э.Р. Кулиев) языки. Методологическая база включала:

1. теоретический анализ концепций перевода сакральных текстов;

2. описательный метод для фиксации лингвистических особенностей оригинала и переводов;

specifics of cultural codes.

The purpose of the study is to identify methods for overcoming key difficulties encountered in translating texts in the context of intercultural differences, as well as a comparative analysis of figurative structures (metaphors, idioms, culturally specific symbols) in Arabic, Russian and English. The emphasis is on the study of linguistic mechanisms that make it possible to preserve semantic and cultural adequacy in the transfer of imagery between languages.

The work involves the classification of translation strategies aimed at eliminating interlanguage imbalances and identifying patterns in the use of figurative means within the framework of the compared linguistic cultures.

Materials and methods of research. The study used the authentic text of the Quran in Arabic as a source material, as well as its translations into English (M.M. Pickthall, A. Y. Ali, Abu-Adel) and Russian (E.R.Kuliyev) languages. The methodological base included:

1. theoretical analysis of the concepts of translation of sacred texts;

2. descriptive method for recording the linguistic features of the original and translations;

3. a comparative-typological approach to identifying structural and semantic discrepancies in the transmission of figurative elements (metaphors, symbols, cultural connotations). The use of parallel text analysis has made it possible to systematize strategies for adapting culturally determined meanings within the framework of interlanguage communication. The combination of theoretical, methodological and empirical blocks

3. сопоставительно-типологический подход к выявлению структурных и семантических расхождений в передаче образных элементов (метафор, символов, культурных коннотаций). Применение параллельного анализа текстов позволило систематизировать стратегии адаптации культурно-обусловленных смыслов в рамках межъязыковой коммуникации. Сочетание теоретико-методологического и эмпирического блоков обеспечило комплексное изучение лингвокультурной трансформации текста в переводе.

Результатом исследования стала классификация переводов коранической метафоры «*waishata alrrasu shayban*» на русский и английский языки. Эта классификация основывается на методах перевода метафор, предложенных П. Ньюмарком, которые были использованы переводчиками в процессе своей работы.

Область применения. Полученные результаты могут быть полезны для специалистов в таких областях, как теория и практика перевода, межкультурная коммуникация, стилистика, текстовая интерпретация, лингвокультурология и аксиологическая лингвистика.

Ключевые слова. Методы перевода; кораническая метафора, английский язык, русский язык, арабский язык

Для цитирования: Сармад М.О. Аль-Бирмани, Палашевская И.В. Методы перевода метафоры в Коране на английский и русский языки. *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (2). С. 42–55 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-42-55>

provided a comprehensive study of the linguistic and cultural transformation of the text in translation.

The result of the study was the classification of translations of the Quranic metaphor «*waishata alrrasu shayban*» into Russian and English. This classification is based on the methods of metaphor translation proposed by P. Newmark, which were used by translators in the course of their work.

The scope of application. The results obtained can be useful for specialists in such fields as theory and practice of translation, intercultural communication, stylistics, textual interpretation, linguoculturology and axiological linguistics.

Keywords: translation methods, Quranic metaphor, English language, Russian language, Arabic language

For citation: Al-Bearmany Sarmad M.O., Palashevskaya I.V. Methods for translating the metaphors in the Qur'an into English and Russian. *Modern Oriental Studies*. 2025; Volume 7 (№2). P.42-55 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-42-55>

Введение

Освещение и анализ проблем, и поиск решения наиболее сложных задач, с которыми сталкивается переводчик при переводе коранических метафор в разных культурах, а также связывание изобразительных структур арабского, русского и английского языков.

Цель исследования

Целью нашей работы является анализ стратегий перевода коранической метафоры, используемых наиболее известными переводчиками Корана для того, чтобы показать, каким образом возможно связывание изобразительных структур арабского, русского и английского языков.

Исследование методов перевода метафоры в Коране на английский и русский языки обусловлено многослойным значением этого священного текста, представляющего собой божественное откровение, переданное через пророка Мухаммеда. Коран, исполненный риторических фигур и выразительных средств, таких как метафоры, эпитеты, сравнения и гиперболы, требует от переводчиков не только лексического, но и культурного погружения, поскольку каждая из этих единиц несет в себе глубокие культурные, исторические и духовные коннотации.

В условиях глобализации, когда между культурами происходит активное взаимодействие, перевод Корана становится особенно важным как для изучения арабской культуры, так и для более универсального осмысления духовных ценностей, представленных в тексте.

Существующие исследования показывают, что точность и адекватность передачи метафорических значений остаются недостаточно разработанными, что создает значительный научный пробел в области переводоведения.

Материалы и методы исследования

В этой работе использовался оригинальный текст Корана, а также его переводы на английский и русский языки, выполненные М.М. Пиктхоллом, А.Ю. Али, Абу-Аделем и Э.Р. Кулиевым. Применялись теоретический анализ, а также описательные и сравнительно-сопоставительные методы.

В качестве основного материала данного исследования был выбран оригинальный текст Священного Корана, из которого методом сплошной выборки было отобрано четыре примера употребления метафоры «*waishtaAAala alrrasu shayban*». Данная метафора, пронизанная многозначностью и богатством символических значений, служит информативной отправной точкой для глубокого анализа. Сура 19:4 является принципиальной частью Коранического текста, которая помогает осмыслить некоторые наиважнейшие аспекты исламской культуры. Как метафорический образ, её содержание отображает идеи пробуждения, обновления и духовного преображения.

Для детального анализа метафоры были выбраны несколько значимых переводов, выполненных известными исследователями: на английский язык — М.М. Пиктхоллом и А.Ю. Али, а на русский язык — Абу-Аделем и Э.Р. Кулиевым. Каждый из этих переводчиков

применяет уникальные стратегические подходы и стилистические приемы, что придаёт дополнительную ценность обширному сравнительному анализу.

В рамках исследования были применены следующие методы, обеспечивающие комплексный подход к проблеме:

1. Теоретический анализ позволил разрабатывать интегративную базу знаний о переводе метафор, исследуя теоретические аспекты, связанные с переводческими стратегиями и культурными контекстами. В частности, были использованы подходы таких авторов, как П. Ньюмарк и Э. Венгрова, которые акцентируют внимание на риторических приемах, характерных для арабской литературы и их переводческих аналогах.

2. Описательный анализ используется для детального рассмотрения метафоры в оригинале и её интерпретациях на разных языках. Он позволяет выделить ключевые лексические и семантические особенности, а также зафиксировать контекстуальные значения метафоры, что имеет первостепенное значение для дальнейшего сравнения.

3. Сравнительно-сопоставительный анализ оказался особенно эффективным для выявления как различий, так и сходств в интерпретациях метафоры «*waishtaAAala alrrasu shayban*» в различных переводах. Сравнение дает возможность осознать, как различные культурные и лингвистические контексты оказывают влияние на выбор лексики и стилистические решения переводчиков, а также на адекватность передачи тематики и глубины оригинального текста.

В результате применения перечисленных методов исследование предлагает не только глубокое понимание функционирования метафоры «*waishtaAAala alrrasu shayban*» и её значимости в свете изучения Корана, но также формирует рекомендации для переводчиков, направленные на улучшение качества межкультурного взаимодействия и восприятия священных текстов в условиях глобализованного мира. Таким образом, данное исследование стремится внести вклад в обновление теории переводоведения, обогатив её новыми перспективами, основанными на культурных нюансах и переводческих особенностях. На сегодняшний день существует большое количество переводов Корана на различные языки, в том числе русский и английский. Эти переводы продолжают появляться, что отражает растущий интерес к этому священному тексту. В нашем исследовании мы сосредоточимся на четырех вариантах перевода Суры 19:4: двух английских и двух русских, которые считаются авторитетными среди исследователей, так как они наиболее близки по смыслу к оригинальному тексту и распространены среди читателей и приверженцев мусульманской веры, не владеющих арабским языком.

Первым переводом, который мы рассмотрим, является работа «*The Meaning of the Glorious Qur'an*» Мухаммада Уильяма Мармадюка Пиктхолла, выполненная в 1930 г. Этот перевод стал первым, получившим одобрение университета «Аль-Азхар», одного из наиболее уважаемых исламских учебных заведений. Пиктхолл многократно переиздавал свою работу, и она завоевала популярность среди мусульман по

всему миру. В переводе содержится введение о Пророке Мухаммеде и предисловия к каждой суре, выполненные при поддержке шейха Мустафы Аль-Мараги. Пиктхолл воспользовался тафсирами таких известных исламских ученых, как Замахшари и Аль-Байдави. Его перевод отличается высоким соответствием оригиналу, и суры располагаются на отдельных страницах. Литературный стиль близок к библейскому, что проявляется в использовании архаизмов и комментариев, предоставляя читателям возможность углубиться в сложные темы (الزمخشري). (15, 1971

Второй выбранный перевод на английский язык был осуществлён Абдуллой Юсуфом Али в 1934-1937 гг. и называется «The Holy Qur'an». Этот перевод считается одним из самых популярных и признанных среди широкого круга читателей и исследователей мусульманской культуры по всему миру. Эта работа состоит из оригинального текста, перевода и тафсир (комментарии), каждая из этих частей соответствует оригинальной структуре Священного текста. Юсуф Али опирался на работы таких толкователей, как Ат-Табари и Аль-Рази, и добавил предисловия к каждому разделу вместе с краткими содержанием, что облегчает восприятие. Работа написана высоким языком с элементами старой лексики, что придаёт ей особую выразительность. Комментарии к суре делают текст более доступным, обеспечивая читателю понимание контекста (Ali A.Y., 2017, 298).

Что касается русского языка, важным переводом является работа, подготовленная под руководством Абдуллаха ибн Абд Аль-Мухсина (Абу Аделя) в 2008 г, названная «Перевод смыс-

ла аятов и их краткое толкование». В этом переводе используются толкования таких авторов, как аш-Шаукани и Ибн Аль-Усеймин. Данный перевод представляет собой сочетание перевода и тафсира, где основной текст выделяется обычным шрифтом, а пояснения — курсивом. Текст, начинающийся с фразы «То есть», оформляется в квадратных скобках. Такой подход позволяет читателям лучше понять содержание аятов и их связи с основными концепциями ислама (Абу Адель, 2008, 493).

Четвертым переводом, который подлежит анализу, является перевод Священного Корана на русский язык, осуществлённый Эльмиром Рафаэлем оглы Кулиевым, известным азербайджанским религиоведом и философом. Начиная с 1997 г, Кулиев сосредоточился на создании многотомного тафсира Абдурахмана ибн Насира Ас-Саади. В процессе своей работы он пришёл к идее о необходимости параллельного перевода Корана, который бы опирался на традиционные мусульманские подходы. Сегодня его перевод и тафсир считаются значительным вкладом в науку и часто превосходят по значимости другие его исследования (Кулиев, 2014, 377).

Метафора как объект перевода представляет собой предмет обширных исследований в области лингвистики. Тем не менее это остаётся одной из самых сложных и спорных тем. Данный факт объясняется тем, что метафора не только является воплощением уникальных эмоционально заряженных образов, но также играет ключевую роль в восприятии текста читателем, воздействуя на его воображение. Эффективная передача эмоций и стилистических

нюансов, заложенных автором, представляет собой серьёзную задачу для переводчика (Гилемшина, 2007, 84).

Под метафорой понимается троп, который основывается на переносном значении слов и выражений, основанных на их аналогиях или сходствах (Ахманова, 2004, 19). Для сохранения метафорического смысла при переводе необходимо детально анализировать те выразительные средства, которые используются автором для формирования уникального стиля текста. Крайне важно точно подбирать методы перевода для адекватной передачи смысла, обеспечивая соответствие оригинальному стилю.

Когда при переводе метафоры происходит искажение смысла или его потеря, это может привести к искажению первоначальной идеи автора. В этой связи в теории перевода введен так называемый «закон сохранения метафоры», который указывает на необходимость стремления к сохранению метафорического образа (Гилемшина, 2007, 82).

Согласно последнему, метафорический образ должен как можно более полно сохраняться при переводе. Если же мы не учитываем этот закон, то приходим к тому, что «смысл фразы изменяется, а ее эстетический и прагматический эффекты снижаются» (Гилемшина, 2007, 81).

В данной статье мы проведем анализ четырех разных переводов одной и той же метафоры на английском и русском языках, сопоставив их друг с другом. Основой для нашего анализа станет труд Аш-Шарифа Аль-Ради «*Talakhees Al-bayan fi Mejazat Al-qu-ran*» («Обобщенное изложение метафор Корана»), который предлагает

важные контексты для понимания метафорического языка Корана.

Алгоритм анализа метафоры в переводе Священного Корана требует системного и многоаспектного подхода, включающего несколько ключевых этапов, каждый из которых глубоко интегрирован в область литературной критики и теории перевода.

Этап 1: Анализ текста аята целиком на предмет наличия метафор.

Первоначальный шаг нашего исследования подразумевает всестороннее рассмотрение текста аята или его фрагмента, содержащего метафору, чей смысл может быть неоднозначным или недостаточно ясным. Этот процесс влечёт за собой не только внимательное чтение, но и контекстуальный анализ, который обеспечивает понимание культурных и исторических предпосылок, в рамках которых был создан текст. В дальнейшем следует обратиться к комментариям авторитетных экзегетов, таких как Ат-Табари, Аль-Нисабури, Аль-Куртуби, Аз-Замахшари, Аль-Джазаири, Аль-Джалалайн и Ас-Саади. Эти мыслители, обладая высоким уровнем авторитета в области исламской экзегетики, способны пролить свет на сложные аспекты интерпретации, позволяя выявить центральные концепции, идеи и многозначность метафоры. Такой подход не только углубляет наше понимание, но и открывает новые горизонты для интерпретации текста, способствуя расширению его смыслового поля (Мисюра В.А., 2021, 152).

Этап 2: Теоретическое обоснование анализа выявленной метафоры (каким образом мы вообще можем «подойти» к данной метафоре).

На втором этапе внимания заслуживает необходимость теоретического обоснования анализа метафоры и определения её образных значений. В данном контексте мы обратимся к трудам Аш-Шарифа Аль-Ради, чья работа «Вершина красноречия» ("Nahjul-Balagha") предоставляет богатый опыт изучения риторических средств, их стилистических функций и воздействия на восприятие читателя. Аль-Ради глубоко анализирует природу метафоры, её структурные элементы и функции, что позволяет нам не только лучше понять, как метафоры формируют смыслы в текстах, но также исследовать их роль в создании особой эстетики и эмоциональной окраски произведения. (الشريف الرضي, 1984, 350). Такой подход может выявить слои значений и культурные ассоциации, которые могут быть потеряны при простом переводе.

Этап 3: Определение методов перевода обнаруженной метафоры.

На данном этапе нашего исследования особое внимание уделяется методам передачи метафор, применяемым различными переводчиками. Эта часть анализа осуществляется с учётом методологии перевода, предложенной Питером Ньюмарком, которая включает множество стратегий, таких как прямое сохранение метафорического образа, его замена эквивалентной метафорой, применение сравнительных конструкций и использование других средств для передачи смысла. Каждая из этих

стратегий предполагает различные уровни адаптации текста и может существенно влиять на интерпретацию метафоры и её значимость в другом языковом контексте. Сравнительное исследование методов, использованных различными переводчиками, позволит нам оценить, каким образом отличающиеся подходы влияют на понимание метафоры, а также раскрыть потенциал культурной передачи.

Перевод метафоры «waishtaAAala alrrasu shayban» Сура 19, Аят 4, Марьям:

При анализе данного Аята мы обнаружили, что приведенный выше текст имеет метафорическое значение.

Что касается смысла Аята, то его прокомментировал аз-Замахшари, когда написал в своей работе: «Кости здесь упоминаются, потому что они являются опорой для тела, и в них состоит его основание, а также они являются основой его конструкции. Если кости разрушены, то и сила тела также. А седые волосы подобны всполохам огня своей белизной и яркостью. И здесь возникает метафора — голова как бы «запылала» сединой, «зажигая» волосы». Автор находит эту фразу очень красноречивой. (الزمخشري, 1971, 11).

Седина на голове пророка Закарии была еще одним свидетельством его слабости и старости. А ведь именно седина является «гонцом смерти», ее предвестником и предшественником. Напоминая об этом, святой пророк подчеркивал свою слабость и беспомощность для того,

чтобы Всевышний Аллах поскорее ответил на его мольбу (Тафсир ас-Саади, сура Марйам, аяты (3-4). (السعدي, 1997, 816-815).

Автор метафорически описывает, как седые волосы «засветились» среди чёрных волос. Здесь смысл заключается в том, чтобы указать на свою слабость и старость, на их внешние и внутренние признаки.

Аллах сравнивает «распространение» седых волос на голове с распространением огня в той среде, что быстро горит, например, как лесной пожар или сухие дрова. Способность воспламенять — одна из характеристик огня. А здесь происходит перенос смысла «огонь» — «седина». В следующих абзацах мы сосредоточимся на анализе переводов этой метафоры и рассмотрим их один за другим.

Перевод этого аята Юсуфом Али представляет следующим:

وَأَشْتَعَلَ الرَّأْسُ شَيْبًا
and the hair of my head doth glisten with grey

(Ali A.Y., 2017, 298).

Первое, на что мы обращаем внимание, это его перевод слова «alrrasu» английским «the hair of my head» т. е. «мои волосы на голове», что является дополнительным уточнением.

И второе, на что мы обратили внимание, это метафора «waishtaAAala», смысл которой передавался только тогда, когда он употребляет «glisten» т. е. «блестеть». И он добавляет к этому акцент на значении, говоря: «doth glisten» — то есть светиться, блестеть. Слово «doth» обычно используется в древних писани-

ях, а в современном английском языке оно заменено словом «does». На этом основании Юсуф Али, возможно, передает один аспект значения, а именно «блеск» из-за тяжести «воспламенения», и пренебрегает другим аспектом, а именно быстрым «распространением» седины.

Перевод Пиктоллы на английский язык состоит в передаче метафоры, где автор переводит:

وَأَشْتَعَلَ الرَّأْسُ شَيْبًا
and my head is shining with grey hair,

(Pickthall, 2011, 338).

Он также упоминает только один аспект значения метафоры, а именно блеск, из-за интенсивности «воспламенения», где он говорит: «and my head shining with grey hair», т. е. «моя голова сияет сединой» а слово «shining» является здесь синонимом слова «glisten», которое Юсуф Али использовал при переводе метафоры «waishtaAAala».

Что же касается перевода Абу Аделя на русский язык, то он выглядит следующим образом:

وَأَشْتَعَلَ الرَّأْسُ شَيْبًا
и голова запылала сединой

(Абу Адель, 2008, 493)

Он перевел метафору «waishtaAAala» на русский язык как «запылала», что является по факту дословным переводом. Это очень близко к тому смыслу, который должен быть передан в аяте, что соответствует целевому смыслу с точки зрения «быстрого распространения седины» и «свечения» седых волос на голове.

Что касается перевода Кулиева на русский язык, то он имеет следующий вид:

(Кулиев, 2014, 377).

وَأَشْتَعَلَ الرَّأْسُ شَيْبًا

а седина уже распространилась по моей голове.

Он обращает внимание на другой аспект метафоры, то есть «распространение» седины на голове, где он переводит «а седина уже распространилась по моей голове». И пренебрегает первым аспектом метафоры, а именно «интенсивностью воспламенения».

На основании использования методов перевода метафоры П. Ньюмарка (Способы перевода метафор, 2010, 156) при работе с коранической метафорой была составлена диаграмма, показывающая процентное соотношение использования авторами (А.Ю. Али, М.М. Пиктолл, Абу-Адель, Э.Р. Кулиев) методов перевода.

При переводе коранической метафоры «*waishthaAAala alrrasu shayban*» из Суры 19, Аят 4 «Марьям» разные переводчики использовали свои методы, которые можно оценить следующим образом:

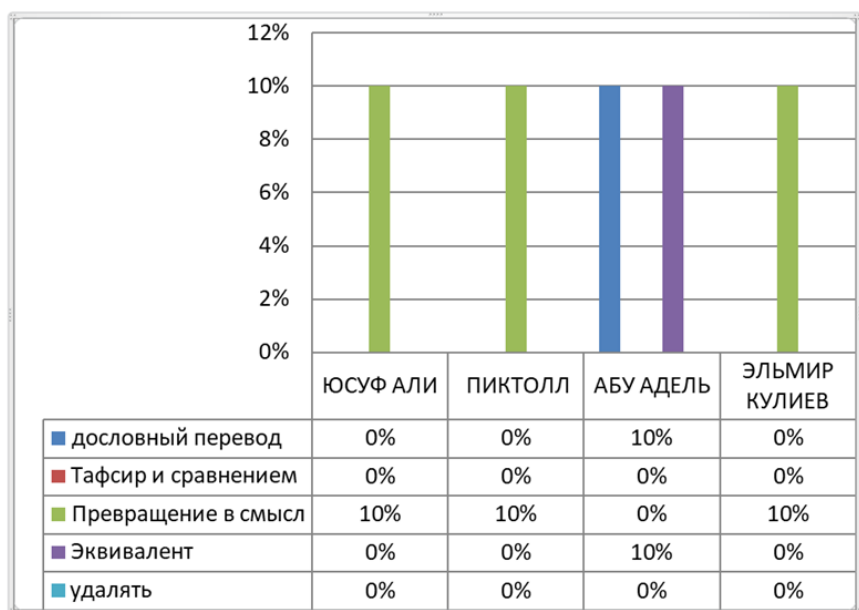

Таблица 1. Методы перевода каждого из выбранных переводчиков

1. А.Ю. Али применил метод смысловой трансформации метафоры, что составило 10% его подхода к переводу.

2. М.М. Пиктолл тоже использовал смысловую трансформацию в размере 10%.

3. Абу Адель выбрал дословный перевод с элементами метода сравнения, что также составило 10%.

4. Э.Р. Кулиев работал с метафорой, используя одновременно смысловую трансформацию и эквивалентный перевод, при этом оба метода составили по 10%.

Стоит отметить, что ни один из авторов не воспользовался методом отказа от перевода метафоры («удаление метафоры»). Это решение было принято в связи с опасением потерять

важные оттенки значения, которые могут быть искажены или утрачены при отсутствии перевода. Таким образом, все переводчики предприняли усилия для сохранения глубины и значения метафоры в своих переводах.

Подводя итоги, можно сказать, что, перевод Юсуфа Али, Пиктоллы и перевод Кулиева трансформировали метафору в дополнительный смысл, эти переводы не полностью охватили значение метафоры. Что касается перевода Абу Аделя, то это является дословным переводом, и он использовал эквивалентный метод на языке перевода, и это является достаточным для поставленной цели.

Результаты исследования

Так, наш алгоритм анализа формирует комплексный подход к исследованию текстовых и контекстуальных аспектов метафоры. Мы нацелены на всестороннее выявление особенностей перевода последней и понимания её в различных языковых и культурных контекстах. Такое обстоятельное исследование способствует расширению нашего понимания художественного языка в священных текстах и рассматривает, каким образом метафорические выражения могут быть адекватно интерпретированы в процессе перевода, открывая новые возможности для дальнейшего изучения и дискуссий в области литературной теории и филологии.

Методы перевода метафоры в Коране на английский и русский язык представляют собой сложную задачу из-за языковых и культурных различий. Метафоры в Коране могут иметь различные значения и оттенки, которые не все-

гда легко передать на другом языке. Рассмотрим основные методы, используемые для перевода метафор.

Первый метод — прямой перевод. Он предполагает передачу метафоры в её первоначальной форме без адаптации. Этот подход может быть уместным, если метафора понятна и в целевом языке. Преимущество прямого перевода в том, что он сохраняет оригинальную структуру и может быть интересным для читателей, стремящихся увидеть дословный перевод. Однако недостатком может быть то, что такой перевод иногда теряет смысл или вызывает недопонимание.

Второй метод — адаптация. Этот метод изменяет метафору так, чтобы она стала более понятной для целевой аудитории. Это особенно полезно, когда метафора основана на культурных контекстах, которые не имеют аналогов в другом языке. Преимуществом адаптации является улучшение доступности текста для читателей и сохранение основного смысла, но недостатком является риск потери культурной значимости.

Третий метод — эквивалентность. Здесь переводчик ищет аналогичную метафору в целевом языке, обеспечивая сопоставимый смысл. Преимущество этого подхода заключается в поддержании концептуальной целостности и лучшем понимании оригинала читателями. Но некоторые нюансы могут быть потеряны в процессе поиска эквивалента.

Четвертый метод — интерпретация. Он подразумевает объяснение метафоры с использованием дополнительных слов, что бывает

полезно для сложных или неясных выражений. Преимущество интерпретации в предоставлении более глубокого понимания текста, но есть риск чрезмерного вмешательства переводчика, что приводит к субъективности.

Пятый метод — культурный перевод, который фокусируется на передаче культурного контекста метафоры. Переводчик должен учитывать культурные значения и ассоциации, на которых основаны метафоры. Преимущество этого метода в том, что он позволяет сохранить смысл в рамках культурных норм целевого языка, но сложность состоит в нахождении подходящих аналогий для специфичных культурных контекстов.

Наконец, многие переводчики используют комбинированный подход, сочетая несколько методов для создания наиболее точного и доступного перевода. Это особенно актуально для древних текстов, как Коран, где метафоры могут иметь многослойные значения.

Заключение

Таким образом, перевод метафор в Коране на английский и русский язык требует от переводчика гибкости, чуткости к языковым и культурным традициям, а также глубокого понимания оригинального текста. Высокая компетентность переводчика не гарантирует отсутствия проблем. В данной статье мы предприняли попытку сопоставить одни из самых популярных вариантов перевода священного текста на примере выбранной коранической метафоры. Каждый метод имеет свои плюсы и минусы, и выбор подхода зависит от контек-

ста и целей перевода. Понимание этих методов помогает создать точные и эффективные переводы, которые сохраняют богатство стиля и смысловые нюансы оригинала.

Список литературы

Книги:

1. Abdullah Yusuf Ali. The Meaning of the Glorious Qur'an. New Delhi: Kitab Bhavan, 2017.
2. Абу Адель. Коран. Перевод смысла аятов и их краткое толкование, М.: Умма, 2008.
3. Кулиев, Э. Перевод священного Корана на русский язык. Медина: Комплекс короля Фахда для печати Священного Корана в Королевстве Саудовская Аравия, 2014
4. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Едиториал УРСС, 2004.
5. الشرف الرضي، أبو الحسن محمد بن الحسن الموسوي. د. محمد عبده. نهج البلاغه بيروت: دار الأندلس 1404/1984. (بالعربية). ص 350
6. ناصر السعدي. تيسير الكريم الرحمن في تفسير كلام المنان. بيروت، 1417. ص. 815-816.
7. Pickthall, M. M. The Translation of the Holy Qur'an. Lahore: Qudrat Ullah Co, 2011.
8. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.

Периодические печатные издания:

1. Гилемшина А.Г. Своеобразие экспрессивной лексики в разновременных переводах Корана. // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. Т. 149. № 4. С. 70-75.
2. Мисюра В.А. Трактат Суйути о порядке сур в Коране. // Minbar. Islamic Studies. 2021.

Т. 14. № 1. С. 152-163.

3. Способы перевода метафор в концепции Питера Ньюмарка. // Вестник МГЛУ. 2010. № 9(588). С. 156-162.

Электронный ресурс:

1. الزمخشري جار الله (الكشاف عن حقائق التنزيل و عيون الاقوال في وجوه التأويل) دار المعرفة بيروت جزء (4), URL: <https://www.islamweb.net/ar/library/content/204/1344/> (дата обращения: 15.12.2024)
2. Abdullah Yusuf Ali. The Meaning of the Glorious Qur'an. // URL: <https://quranopedia.com/quran/19vs4> (дата обращения: 15.12.2024)
3. Абу-Адель. Перевод смысла аятов и их краткое толкование. // URL: <https://ru.quranacademy.org/quran/19:4> (дата обращения: 14.12.2024).
4. Кулиев Э.Р. оглы. Перевод священного Корана на русский язык. // URL: <https://ru.quranacademy.org/quran/19:4> (дата обращения: 14.12.2024)
5. Pickthall M.M. The Meanings of the Glorious Qur'an. // URL: <https://quranopedia.com/quran/19vs4> (дата обращения: 15.12.2024)

References

Books:

1. Abdullah Yusuf Ali. The Meaning of the Glorious Qur'an. New Delhi: Kitab Bhavan, 2017.
2. Abu Adel. Quran. Translation of the meaning of the verses and their brief interpretation, M.: Umma, 2008.
3. Kuliev, E. Translation of the Sacred Quran into Russian... Medina: King Fahd Complex, 2014

4. Ahmanova O. S. Dictionary of Linguistic Terms. M.: Editorial URSS, 2004.
5. Al-Sharif Al-Razi, Abu Al-Hasan Muhammad bin Al-Hasan Al-Mousawi. Dr.Muhammad Abduh. Nahj al-Balagha, Beirut: Dar Al-Andalus, 1404/1984. (In Arabic). p. 350.
6. Al-Saadi Nasser. Facilitating the Generous and Merciful in Interpreting the Words of the Generous. Beirut, 1417.
7. Pickthall, M. M. The Translation of the Holy Qur'an. Lahore: Qudrat Ullah Co, 2011.
8. Galperin I.R. Text as an object of linguistic research. M.: Nauka, 1981. 139 p.

Periodicals:

1. Gilemshina A.G. The Peculiarities of Expressive Vocabulary in Different-Time Translations of the Koran. // Scientific Notes of Kazan State University. Series: Humanities. 2007. V. 149. № 4. P. 70-75.
2. Misyura V.A. Suyuti's treatise on the order of suras in the Koran. // Minbar. Islamic Studies. 2021. V. 14. № 1. P. 152-163.
3. Methods of Translation of Metaphors in the Concepts of Peter Newmark. // MSLU Bulletin. 2010. № 9(588). P. 156-162.

Electronic resources:

1. Al-Zamakhshari, J. (Al-Kashaf An Haqa'iq Al-Tanzil wa Ayun Al-Aqwal fi Wujuh Al-Tafsil), Dar Al-Ma'rifa, Beirut. // URL: <https://www.islamweb.net/ar/library/content/204/1344/> (accessed 15.12.2024).
2. Abdullah Yusuf Ali. The Meaning of the Glorious Qur'an. // URL: <https://quranopedia.com/quran/19vs4> (дата обращения: 15.12.2024)

- quranopedia.com/quran/19vs4 (accessed: 15.12.2024)
3. Abu Adel. Translation of the meaning of the verses and their brief interpretation. URL: <https://ru.quranacademy.org/quran/19:4> (accessed: 14.12.2024).
 4. Kuliev, E.R. Translation of the Sacred Quran into Russian. URL: <https://ru.quranacademy.org/quran/19:4> (accessed: 14.12.2024).
 5. Pickthall M.M. The Meanings of the Glorious Qur'an. // URL: <https://quranopedia.com/quran/19vs4> (accessed: 15.12.2024)

Сведения об авторах

Аль-Бирмани Сармад М.О.

Аспирант,
ФГАОУ ВО «Волгоградский государствен-
ный университет
Г. Волгоград, Университетский проспект, 100.
E-mail: sarmadbmх@gmail.com

Палашевская И.В.

Доктор филологических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Волгоградский государствен-
ный университет
Г. Волгоград, Университетский проспект, 100.
E-mail: Irina_777@volsu.ru

Information about the authors

Sarmad.M.O. Al-Bearmany

Volgograd State University
Volgograd, Russia, Pr. Universitetskiy, 100.
E-mail: sarmadbmх@gmail.com

Irina.V. Palashevskaya

Doctor of Philology, Professor
Volgograd State University
Volgograd, Russia, Pr. Universitetskiy, 100.
E-mail: irina_777@volsu.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.03.2025.

Одобрена после рецензирования: 02.04.2025.

Принята к публикации: 10.04.2025.

Information about the article

The article was submitted 25.03.2025

Approved after reviewing 02.04.2025

Accepted for publication 10.04.2025

Comparative analysis of adjectives with the meaning "tasty" in russian and Chinese

Сравнительный анализ прилагательных со значением «вкусный» в русском и китайском языках

Паскова Надежда Александровна,

Ху Кэсинь

Иркутский государственный университет,

Иркутск, Россия

Автор, ответственный за переписку:

paskova_n@mail.ru

Nadezhda A. Paskova,

Hu Kexin

Irkutsk State University,

Irkutsk, Russia

Corresponding author:

paskova_n@mail.ru

УДК 811.161.1'367.623 + 811.581'367.623 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-2-2025-56-65](https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-56-65)

АННОТАЦИЯ

В данной статье анализируются прилагательные со значением «вкусный» в современном русском и китайском языках. Актуальность настоящего исследования заключается в необходимости детального изучения семантических, функциональных и культурно-специфических аспектов использования прилагательных со значением «вкусный» в связи с их оценочностью и расширением сфер употребления в вышеуказанных языках. С целью выявления их значений, контекстуального использования и эмоциональной окраски в современном русском и китайском языках предпринята попытка провести сопоставительный анализ употребления вышеуказанных прилагательных. Методология исследования представлена обзором научных работ отечественных и зарубежных исследователей по обсуждаемому

ABSTRACT

This article offers an analysis of adjectives meaning "tasty" in the modern Russian and Chinese languages. The relevance of this research lies in the need for a detailed study of semantic, functional and culturally specific aspects of the use of adjectives meaning "tasty" due to their evaluative nature and use extension in the above-mentioned languages. In order to identify their meanings, contextual use and emotional coloring in Russian and Chinese, an attempt has been made to conduct a comparative analysis of the use of the above-mentioned adjectives. The methodology of the study is presented by a review of domestic and foreign researchers' scientific works on the issue under discussion; when studying lexical units, definitional analysis, descriptive, analytical, classification and comparative research methods are used. The research is based on the information taken

вопросу, в ходе изучения лексических единиц использованы дефиниционный анализ, описательный, аналитический, классификационный и сравнительный методы исследования. Материалом исследования послужили толковые словари русского и китайского языков, а также примеры употребления прилагательных со значением «вкусный» в современном русском и китайском языках, отобранные из художественной и публицистической литературы. В ходе исследования рассмотрены соответствующие лексико-семантические поля (ЛСП), выделены ядерные, приядерные и периферийные единицы ЛСП двух языков. В обоих языках отмечено активное использование синестетических метафор, выявлена полисемия базовой единицы, функциональность которой расширяется за счет контекста и метафоры в русском языке, и детализированная сеть лексем с четкими культурными коннотациями в китайском языке.

Ключевые слова. Прилагательное со значением «вкусный», оценочность, сопоставительный анализ, лексико-семантическое поле (ЛСП), синестетическая метафора, культурная коннотация, русский язык, китайский язык

Для цитирования: Паскова Н.А., Ху Кэсинь. Сравнительный анализ прилагательных со значением «вкусный» в русском и китайском языках. *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (2). С. 56–65 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-56-65>

from explanatory dictionaries of the Russian and Chinese languages, as well as examples of the use of adjectives under discussion, selected from fiction and non-fiction literature. During the study the corresponding lexical-semantic fields (LSFs) were examined; the core, pre-core and peripheral units of LSFs of the two languages were identified. In both languages, the active use of synesthetic metaphors was noted. In Russian a polysemy of the core unit was revealed which is expanded by context and metaphor, while in Chinese a detailed network of lexemes with clear cultural connotations was singled out.

Keywords. Adjective meaning “tasty”, evaluative nature, comparative analysis, lexical-semantic field (LSF), synesthetic metaphor, cultural connotation, Russian language, Chinese language

For citation: Paskova N.A., Hu Kexin. Comparative analysis of adjectives with the meaning “tasty” in Russian and Chinese. *Modern Oriental Studies*. 2025; Volume 7 (№2). P. 56-65 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-56-65>

Имена прилагательные представляют особый интерес для языковедов-исследователей, так как они обозначают различные признаки предмета, что помогает выявить оценку говорящего по отношению к предмету, явлению или лицу. Они сочетаются с разными по семантике существительными и развивают при этом переносные значения. Семантика прилагательных является отражением знаний о мире как совокупности его признаков.

Ю.А. Климова, предметом диссертационного исследования которой являлась семантическая структура имени прилагательного как репрезентант концепта «качество», говорит о том, что имена прилагательные «формируют в языковом сознании атрибутивный портрет реального мира» (Климова 2008, 3). Она также отмечает, что имена прилагательные по-прежнему остаются «загадочной категорией» ввиду присущей им внутренней противоречивости (Климова 2008, 3).

В последнее время изучение вкусовых ощущений достаточно часто становится объектом исследований на материале разных языков. Приведем примеры лишь некоторых работ, выполненных на материале русского и китайского языков, авторы которых изучали прилагательные вкуса, и чьи идеи или выводы интересны или каким-либо образом согласуются с результатами нашего исследования.

Вышеупомянутое исследование Ю.А. Климовой, проведенное на материале русского языка, позволило автору говорить о культурной коллокации признаков, в которой отража-

ются когнитивные особенности языковой личности, так как для русского языка характерны сочетания способов формирования признаков (тактильный + ароматический, вкусовой + ароматический, тактильный + ароматический + вкусовой, зрительный + ментальный (Климова 2008, 16).

О.В. Чалей проводила исследование на материале русских и английских прилагательных вкусообозначения с целью выявления когнитивных оснований концептуализации вкусовых ощущений. Среди положений, выносимых на защиту, автор отмечает, что «смена вкусовой модальности на смежную модальность (обонятельную, осязательную, визуальную и аудиальную), наложение модальностей, а также переход в несмежную с ощущениями сферу эмоций являются проявлением синестезии как результата метонимических и метафорических способов концептуализации действительности, лежащих в основе осмысления и вербализации вкусовых ощущений» (Чалей 2017, 8).

Е.Ю. Смирнова рассматривает лингвокультурологические особенности вкусового восприятия в русской, английской и французской этнокультурах. В применяемой ею типологии вкусовых эмпирических прилагательных, прилагательные типа вкусный она относит к прилагательным общей аксиологической оценки (Смирнова 2016, 13). Анализируя такие прилагательные, автор делает акцент на том, что «специфика метафорических переносов и взаимосвязи модусов перцепции в жизни человека привела к образованию ряда признаков, не коррелирующих со вкусовым восприятием»,

а указывающих на другие сенсорные чувства (например, обоняние, а в случае русского языка также и на зрение) (Смирнова 2016, 17).

Доктор филологических наук, профессор института иностранных языков Цзилиньского университета (КНР) Лю Цзоянь в статье «Метафоризация лексических единиц с семантикой вкусового восприятия в китайском и русском языках» проводит сопоставительное исследование принципов метафоризации лексики с семантикой вкуса. Однако сразу отметим, что множество примеров, приведенных в статье Лю Цзоянь, показывает, что прилагательные общей аксиологической оценки, такие как русское прилагательное *вкусный* или китайское прилагательное *好吃* (hǎochī) не являлись предметом вышеупомянутого исследования.

Профессор Лю Цзоянь привлекает внимание других исследователей к синестетическим переносам, характерным для нашего сознания, и представляющим метафорические процессы, в которых одна чувственная модальность вербализуется в терминах другой. Автор говорит, что «синестезия имеет и физиологическую, и психологическую основу, являясь способом восприятия действительности, продиктованным культурой» (Лю Цзоянь 2020, 54). В результате совокупности сенсорных образов получается, что индивид «слышит» цвета и «видит» звуки (Лю Цзоянь 2020, 54).

Анализируя метафоры «вкусовой» области, Лю Цзоянь объединяет характерные для данных языковых единиц метафорические переносы в следующие наиболее распространённые модели: *вкус* → *осязание*; *вкус* → *зрение*;

вкус → *обоняние*; *вкус* → *слух*; *вкус* → *характер*; *вкус* → *эмоция* (Лю Цзоянь 2020, 55). Для лексических единиц с семантикой вкусового восприятия в китайском и русском языках самой распространённой моделью является модель *вкус*→*обоняние*, так как почти все прилагательные со значением вкуса могут одновременно обозначать обоняние, запах (Лю Цзоянь 2020, 55–56). Кроме синестетической метафоризации Лю Цзоянь отмечает у «вкусовой» лексики и иные переносные значения, ввиду продуктивности метафоризации как инструмента сообщения эмоций и экспрессии адресату.

Исследование Сюй Идань направлено на выявление сходств и различий объективации концепта СЛАДОСТЬ в картинах мира носителей русского, английского и китайского языков. Сравнение прямых и переносных значений слов и идиоматических выражений, вербализующих данный концепт, позволяет автору говорить о совпадении у носителей соответствующих языков представлений о сладком вкусе, схожем ядре и периферии восприятия этого вкуса, а также о наличии одинаковых концептуальных признаков, а именно 'удовольствие', 'позитив' и 'нежность', а также некоторых признаков, характерных только для концепта одной культуры (например, 'успех' в английской культуре) или пары культур (например, 'радость', 'лицемерие' в русской и китайской культуре) (Сюй Идань 2019, 61).

Цзя Цзюньвэнь в своей научной статье анализирует четыре вкусовых прилагательных, а именно *кислый*, *сладкий*, *горький*, *острый*, в трех языках: английском, русском и китайском,

с целью выявления их эмоциональной полноты и переносных значений в разных культурах (Цзя Цзюньвэнь 2024, 72). Прилагательное вкусный не являлось предметом ее исследования. Материал, собранный и проанализированный Цзя Цзюньвэнь, показывает значительные сходства в когнитивных схемах для прилагательных кислый и сладкий, а для прилагательных горький и острый — различия в эмоциональном восприятии носителей трех разных культур, что позволяет сделать вывод о том, что различные культуры влияют на переносное значение вкусовой лексики (Цзя Цзюньвэнь 2024, 74).

Проведённый нами обзор работ убеждает в том, что прилагательное вкусный и его китайский эквивалент 好吃 не становились предметом отдельного исследования. Данное обстоятельство, а также тот факт, что лексические единицы, называющие вкусовые ощущения, активно привлекают внимание исследователей последнее десятилетие, определяют актуальность и новизну предпринятого нами исследования.

Язык является важным связующим звеном, отражающим культуру и способ мышления и познания носителей языка. Изучение категории вкуса в ценностно-смысловом пространстве языка позволяет раскрыть закономерности концептуализации сведений о мире, связанных с восприятием вкуса у представителей того или иного народа.

В европейской культуре традиционно выделяют 4 основных вкуса: сладкий, соленый, горький, кислый. В китайской же культуре

с древних времен философы говорят о пяти вкусовых элементах, выделяя кроме выше упомянутых вкусов также острый. Понятие «вкусный» имеет оценочное значение, так как обозначает еду или напитки приятные на вкус, вызывающие положительные эмоции у субъекта поглощения и доставляющие гастрономическое удовольствие. Очевидно, что вкусы у людей разные, следовательно, то, что одни считают вкусным, другие могут оценивать совсем иначе. Понятие «вкусный» еще более кардинально может различаться в разных культурах, так как зависит от местных ингредиентов, методов приготовления и традиционных вкусовых предпочтений разных народов. На гастрономические пристрастия влияют условия географической среды, различия в образе жизни и уровне развития, религиозные запреты и суеверия. В связи с вышесказанным, полагаем, что семантика прилагательных со значением «вкусный» в современном русском и китайском языках представляет собой интересное поле исследования.

В центре внимания данного исследования — прилагательное вкусный и его китайский эквивалент 好吃 (hǎochī). В процессе исследования были изучены значение, сочетаемость, функциональные особенности и прагматический потенциал прилагательных вкусный и 好吃, а также рассмотрены лексико-семантические поля (ЛСП), включающие близкие по значению прилагательные в русском и китайском языках. Для выделения лексических единиц со значением «вкусный» и составления соответствующих лексико-семантических полей использовались толковые словари

русского и китайского языков, а именно словарь С.И. Ожегова (Ожегов 2003), словарь под редакцией А.П. Евгеньева (Словарь русского языка 1999), словарь под редакцией Д.Н. Ушакова (Толковый словарь русского языка 2020), Словарь современного китайского языка (Словарь современного китайского языка 2016), Большой словарь китайского языка (Большой словарь китайского языка 1986–1994).

Вкусовые прилагательные занимают особое место в системе оценки: они отражают чувственное восприятие, но при этом обладают богатым оценочным и стилистическим потенциалом. Прилагательные со значением «вкусный» особенно интересны в этом плане, поскольку отражают не только органолептическое восприятие пищи, но и социокультурные особенности языковой картины мира.

В китайском языке концептуализация вкусовых качеств укоренена в древней философской системе 五味 (wǔwèi), объединяющей гастрономию, медицину и натурфилософию. Модель вкусов, состоящая из пяти компонентов (сладкий, кислый, горький, острый, солёный) не только описывает сенсорные ощущения, но и коррелирует с элементами инь-ян, внутренними органами и терапевтическими практиками, что находит отражение в семантической многомерности лексем. Русская традиция, напротив, акцентирует бинарное противопоставление «вкусно — невкусно» с аксиологической доминантой, что обуславливает более выраженную оценочность базового прилагательного вкусный и его метафорическую экспансию в несобственные сферы.

Как русское, так и китайское ЛСП «вкусный» включают в себя лексем, образующие семантическое ядро, окружённое периферийными единицами, указывающими помимо вкуса еще и на другие дополнительные характеристики.

Русское ЛСП «вкусный» насчитывает меньшее число лексем, чем в китайском языке. Ядерная лексема русского лексико-семантического поля одна – это слово вкусный, также в русском языке выделяются следующие единицы приядерной зоны с меньшим количеством дифференциальных семантических признаков: аппетитный, лакомый, деликатесный, смачный. Периферийные единицы ЛСП «вкусный» указывают на запах (ароматный) или текстуру продукта (нежный, сочный). Русское ЛСП, имеющее лишь одну ядерную единицу, строится вокруг доминанты вкусный с развитой полисемией, возможной за счёт контекстуальных и синтагматических модификаций (вкусный пирог, вкусный запах, вкусный цвет, вкусное путешествие, вкусный текст).

Китайское ЛСП «вкусный» демонстрирует высокую степень дифференциации с чёткой иерархией: ядерные лексем (好吃, 美味, 可口, 鲜美) являются абсолютными синонимами со значением «вкусный», периферийные единицы, так же как и в русском языке, могут указывать на текстуру (嫩滑 — «нежный и гладкий»: о тофу, рыбе, пудингах, 酥脆 — «хрустящий»: для жареных блюд, печенья), и дополнительные сенсорные характеристики (например, запах 香 — «ароматный», 鲜 — «свежий/умами»), однако периферия данного ЛСП значительно

шире, чем в русском языке, так как здесь есть единицы-носители культурно-специфической информации (下饭 — «подходит к рису, хорошо идет с рисом», 入味 — «пропитанный вкусом в результате долгого приготовления или маринования»).

Оба языка активно используют синестетические метафоры, однако их векторы различаются. В русском языке доминирует переход вкусовых характеристик в эмоционально-оценочную сферу (вкусное описание, вкусная мелодия, вкусный фильм), где сенсорный опыт становится маркером гедонистического восприятия. Китайские метафоры часто сохраняют связь с гастрономическим контекстом даже в абстрактных значениях: например, 入味 (rùwèi, «пропитанный вкусом») может характеризовать глубокое погружение в проблему, акцентируя процесс постепенного «впитывания» смыслов, аналогичный кулинарной обработке.

Интересно, что в китайской лингвокультуре акцент на свежесть (鲜) и гармонию вкусов (可口) отражает принцип 色香味俱全 («единство цвета, аромата и вкуса»), восходящий к даосским идеалам баланса. Диалектное разнообразие китайских обозначений вкуса (кантонское 好味, шанхайское 鲜得来) контрастирует с относительной унификацией русского термина, что свидетельствует о регионализме гастрономической культуры Китая против общенационального характера русской кулинарной лексики. Оба языка демонстрируют тенденцию к абстрагированию вкусовых характеристик, однако в русском этот процесс приводит к генерализации оценки (вкусный как синоним приятного вообще), тогда как в китай-

ском расширение значений сохраняет связь с конкретными параметрами: например, 爽口 (shuǎngkǒu, «освежающий») переносится на характеристики дизайна или стиля, сохраняя идею «освежающей новизны».

Категория вкуса и ее репрезентация в разных языках отличается сложной структурой, неоднородностью, неоднозначностью, отсутствием прямых параллелей в развитии значений, тесной связью с национальной культурой и т. д. И хотя изучение идиом — это уже тема отдельного исследования, отметим, что и китайский, и русский язык демонстрируют богатство идиоматических выражений, указывающих на вкусную еду. В китайском языке такие идиомы часто восходят к классическим текстам и отражают конфуцианский культ умеренности. Например, 津津有味 (jīn jīn yǒu wèi) — «вкусный; лакомый; со вкусом; с аппетитом», аналог: есть в охотку, смаковать; 脍炙人口 (kuài zhì rén kǒu) — «приходиться по вкусу всем; приводить всех в восхищение», аналог: пища богов, пальчики оближешь; 垂涎三尺 (chuí xián sān chǐ) — «слюни текут на три фута», аналог: слюнки текут, язык проглотить; 色香味俱全 (sè xiāng wèi jù quán) — «красиво выглядеть, хорошо пахнуть и быть приятным на вкус», аналог: идеально во всех отношениях, как в сказке; 食指大动 (shí zhǐ dà dòng) — «указательный палец активно шевелится», аналог: пальчики оближешь, аппетит разыгрался; 珍饈美馔 (zhēn xiū měi zhuàn) — «изысканное кушанье; деликатес», аналог: пища богов, царское угощение. Русская фразеология в этой сфере богата общеоценочными конструкциями со значением «вкусная еда» (во рту тает, пальчики

оближешь, слюнки текут, язык проглотишь, за уши не оттащишь, пища богов). Кроме того, в русском языке прилагательное вкусный характеризуется активным словообразованием (вкуснятина, вкусовщина) и контекстуальными расширениями, где вкусовые метафоры проникают в бытовой дискурс (вкусная жизнь).

Таким образом, лексика со значением «вкусный» в двух языках выявляет не только лингвистические, но и антропологические различия. Китайская система, будучи производной от синкретичной философско-кулинарной традиции, создаёт детализированную сеть лексем с чёткими культурными коннотациями. Русская модель, опираясь на универсальную оценочность, развивает полисемию базовой единицы, расширяя её функциональность через контекст и метафору. Оба подхода, однако, подтверждают универсальность синестетических процессов в языке, где сенсорный опыт становится основой для концептуализации абстрактных сущностей.

Список литературы

1. Климова Ю.А. *Имя прилагательное как репрезентант концепта «качество» в русской языковой картине мира*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2008.
2. Чалей О.В. *Концептуализация вкусовых ощущений в естественном языке*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2017.
3. Смирнова Е.Ю. *Категория вкус в ценностно-смысловом пространстве языка*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2016.
4. Лю Цзоянь. Метафоризация лексических единиц с семантикой вкусового восприятия в китайском и русском языках. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*. 2020. № 5. С. 51–62.
5. Сюй Идanh. Лингвокультурные особенности концепта сладость в русской, английской и китайской картинах мира. *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2019. № 4. С. 61–68.
6. Цзя Цзюньвэнь. Сравнение слов со значением «вкус» в эмоциональной образсхеме в русском, китайском и английском языках. *Филология: научные исследования*. 2024. № 5. С. 68–74.
7. Ожегов С.И. *Словарь русского языка*. Москва: Мир и образование, 2003.
8. *Словарь русского языка* / ред. А.П. Евгеньева. Москва: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999.
9. *Толковый словарь русского языка* / ред. Д.Н. Ушакова. Москва: Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 2020.
10. *Словарь современного китайского языка* (现代汉语词典北京). Пекин: Шану иньшугуань, 2016. (на кит.яз.)
11. *Большой словарь китайского языка* (汉语大词典). Шанхай: Ханьюй да цыдянь чубаньшэ, 1986–1994. (на кит.яз.)

References

1. Klimova Yu.A. *Adjective as a representative of the "quality" concept in the Russian linguistic worldview*. Cand. phil. sci. diss. abstr. Belgorod, 2008. (In Russ.)
2. Chalei O.V. *Conceptualization of taste sensations in natural language*. Cand. phil. sci. diss. abstr. Moscow, 2017. (In Russ.)
3. Smirnova Ye.Yu. *The category of taste in the axiological space of language*. Cand. phil. sci. diss. abstr. Belgorod, 2016. (In Russ.)
4. Liu Zuoyan. Metaphorization of lexical units with semantics of gustatory perception in Chinese and Russian. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*. 2020. № 5. P. 51–62. (In Russ.)
5. Xu Yidan. Linguo-cultural features of the concept sweet in Russian, English and Chinese worldviews. *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and intercultural communication*. 2019. № 4. P. 61–68. (In Russ.)
6. Jia Junwen. Comparison of words with the meaning "taste" in the emotional image-scheme in Russian, Chinese and English. *Philology: scientific research*. 2024. № 5. P. 68–74. (In Russ.)
7. Ozhegov S.I. *Dictionary of the Russian language*. Moscow: Mir i obrazovanie, 2003. (In Russ.)
8. *Dictionary of the Russian language*. / ed. A.P. Evgenev. Moscow: Russkij yazyk; Poligrafresursy, 1999. (In Russ.)
9. *Explanatory Dictionary of the Russian Language* / ed. D.N. Ushakov. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostranny'x i nacional'ny'x slov, 2020. (In Russ.)
10. *Dictionary of Modern Chinese*. Beijing: Shangwu yinshuguan, 2016. (In Chin.)
11. *Comprehensive Dictionary of the Chinese Language*. Shanghai: Hanyu da cidian chubanshe, 1986–1994. (In Chin.)

Сведения об авторах

Паскова Надежда Александровна

Канд. филол. наук, доцент кафедры европейских языков

Международный институт экономики и лингвистики

Иркутский государственный университет
Российская Федерация, 664082, Иркутск,
ул. Улан-Баторская, 6
paskova_n@mail.ru

Ху Кэсинь

Международный институт экономики и лингвистики

Иркутский государственный университет
Российская Федерация, 664082, Иркутск,
ул. Улан-Баторская, 6
2116619164@qq.com

Information about the authors

Nadezhda A. Paskova

Candidate of Philology, Associate Professor

European Languages Department

International Institute of Economics and Lin-
guistics

Irkutsk State University

6 Ulan-Batorskaya Street, Irkutsk, Russia
664082

paskova_n@mail.ru

Hu Kexin

4th year student (Bachelor Degree Program)

Specialization "Linguistics"

Profile "Interlingual and intercultural com-
munication (Russian as a foreign language)"

International Institute of Economics and Lin-
guistics

Irkutsk State University

6 Ulan-Batorskaya Street, Irkutsk, Russia
664082

2116619164@qq.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.03.2025.

Одобрена после рецензирования: 02.04.2025.

Принята к публикации: 10.04.2025.

Information about the article

The article was submitted 25.03.2025

Approved after reviewing 02.04.2025

Accepted for publication 10.04.2025

From the experience of some asian countries in protecting intangible cultural heritage to the protection of the cai luong theater in ho chi minh city

Из опыта некоторых азиатских стран в охране нематериального культурного наследия до охраны театра цай лыонг в хошимине

Нгуен Хо Фонг

Хошиминский университет культурологии,

Хошимин

hophongdhvh@gmail.com

Nguyen Ho Phong

Ho Chi Minh City University of Culture,

Ho Chi Minh

hophongdhvh@gmail.com

УДК 327 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-2-2025-66-77](https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-66-77)

АННОТАЦИЯ

Театр Цай Луонг является одним из выдающихся нематериальных культурных объектов Вьетнама. В "прошлом" следы Цай Луонга были все над Вьетнамом. Особенно в Хошимине, там было еще больше, чем 50 cai Luong troupes performing together, attracting millions of spectators. However, in recent years, this type of theater has been declining and has lost its status in the cultural and artistic life of the city's people. This paper adopts an interdisciplinary approach, a diachronic perspective, and a quantitative research method. Through a comprehensive analysis of secondary literature, the author will focus on the following contents: the concept of Cai Luong Theater; historical overview of the formation,

ABSTRACT

Cai Luong Theater is one of Vietnam's outstanding intangible cultural heritage. In the past, Cai Luong's footprints were all over Vietnam. Especially in Ho Chi Minh City, there were once more than 50 Cai Luong troupes performing together, attracting millions of spectators. However, in recent years, this type of theater has been declining and has lost its status in the cultural and artistic life of the city's people. This paper adopts an interdisciplinary approach, a diachronic perspective, and a quantitative research method. Through a comprehensive analysis of secondary literature, the author will focus on the following contents: The concept of Cai Luong Theater; historical overview of the formation, development and value

development and value of cai Luong theater art in Ho Chi Minh City; analysis of the current status of protection of cai Luong theater art in Ho Chi Minh City in recent years; analyze the experiences and lessons learned from as as нематериальное культурное наследие. The article also draws on the experiences of Japan, South Korea and China to propose a model for the sustainable protection of cai Luong theatrical art in Ho Chi Minh City in the future. This can be said to be a novelty of this paper, which helps to provide a beneficial solution for the protection of the Cai Luong Theater in Ho Chi Minh City in contemporary society.

Ключевые слова: охрана наследия, Цай Льюнг, театр, Хошимин.

Для цитирования: Нгуен Хо Фонг. Из опыта некоторых азиатских стран в охране нематериального культурного наследия до охраны театра Цай Льюнг в Хошимине. *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (2). С. 66–77 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-66-77>

of Cai Luong theater art in Ho Chi Minh City; analysis of the current status of protection of Cai Luong theater art in Ho Chi Minh City in recent years; analyze the experiences and lessons learned from Asian countries such as Japan, South Korea and China in protecting intangible cultural heritage. The article also draws on the experiences of Japan, South Korea and China to propose a model for the sustainable protection of Cai Luong theatrical art in Ho Chi Minh City in the future. This can be said to be a novelty of this paper, which helps to provide a beneficial solution for the protection of the Cai Luong Theatre in Ho Chi Minh City in contemporary society.

Keywords: preservation, Cải lương, theatre, Ho Chi Minh City.

For citation: Nguyen H. P. From the experience of some asian countries in protecting intangible cultural heritage to the protection of the Cai Luong Theater in Ho Chi Minh city. *Modern Oriental Studies*. 2025; Volume 7 (№2). P. 66-77 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-66-77>

1. Overview

Many researchers in Cải lương theatre agree that it officially emerged in Vietnamese society in 1918. The event marking the establishment of Cải lương as a theatre form was on March 15, 1918 when the first Cải lương troupe of master Năm Tú in Mỹ Tho, Tiền Giang was launched. After more than 100 years of existence and development, Cải lương theatre has created unique cultural values as a means of public entertainment, conveying noble thoughts and moral standards to guide people towards the values of truth, goodness, and beauty.

Cải lương — a 100-year-old traditional theatre genre of the southern region has long been the subject of study for many researchers in Vietnam. As a result, hundreds of scientific works have been published in various forms such as journals, conference papers, theses, dissertations, research projects, monographs, and memoirs. These scientific publications approach Cải lương theater from many different perspectives, including art studies, policy, theater history, cultural management, and notably, many works emphasize the role of the audience in the preservation and development of Cải lương theatre. Accordingly, audience plays the key role that determines the actual existence of this form of theatre art. Here are some notable scientific publications Cải lương theater in Ho Chi Minh City: 12 Years on the Road to Renewal by Nhuận Vũ (1987); Cải lương Theater in Ho Chi Minh City: Searching for an Audience by Nguyễn Thị Minh Thái (1997); Cải lương Art: Pages of History by Phan Bình Tòng (1997); The Last 23 Years of 300 Years of Saigon – Ho Chi Minh City Cultural Arts by Trần Trọng Đăng Đàn (1998); Cải lương

Theater in the South: 1918 – 2000 by Đỗ Dũng (2003); Cải lương Theater in Ho Chi Minh City by Nguyễn Thị Minh Ngọc and Đỗ Hương (2007); Drifting Along Life's by Bảy Nam (2009); Cải lương Theater Art: Inheritance and Transformation by Phạm Trí Thành (2009); Surveying and Promoting Traditional Arts in Ho Chi Minh City: Cải Lương Theater by Huỳnh Quốc Thắng et al. (2010); Northern Cải Lương Theater in Cultural Transition by Trần Thị Minh Thu (2012); Cải Lương Theater Art in the South: Impacts of Management Methods by Võ Thị Yến (2013); Hát Bội, Đờn Ca Tài Tử, and Cải Lương at the End of the 19th Century and the Beginning of the 20th Century by Nguyễn Lê Tuyên and Nguyễn Đức Hiệp (2013) Current Activities of Cải Lương Theater in Ho Chi Minh City: Audience Preferences and Demands by La Thoại Vân (2016); Cải Lương Art in the South: A Perspective on the Movement and Promotion of Cultural Values in Contemporary Context by Nguyễn Thị Trúc Bạch (2017); A Century of Formation and Development of Cải Lương Art in Vietnam (1918 – 2018) by Various Authors (2018); Tracing the History of Cải Lương Theater in Saigon (1955 - 1975) by Ho Chi Minh City Theater Association (2018); The Path of Cải Lương by Nguyễn Tuấn Khanh (2018); Cải Lương Art in Ho Chi Minh City in the Current Context by Hoàng Sơn Giang (2018); Current Status of Preservation and Promotion of Cải Lương Art Values in Today's Society by Thanh Hiệp (2018); Development Paths of Đờn Ca Tài Tử and Cải Lương Theater by Phạm Thái Bình (2019); Cải Lương in Saigon 1955-1975 by Trần Minh Ngọc (2022); Developing the Audience for Cải Lương Theater in Ho Chi Minh City (A Case Study of Trần Hữu Trang Cải Lương Theater by Nguyễn

Hồ Phong (2022), etc.

Regarding the audience of Cải lương theatre in these works, Vietnamese researchers focus on three fundamental aspects including the audience's demand for Cải lương art, the current fluctuations in the audience, the reasons for the decline in audience numbers, and solutions for audience development. Most researchers emphasize that in order to sustainably preserve and promote Cải lương, developing the audience is a particularly crucial solution. However, there is a lack of in-depth studies on audience development for preserving Cải lương in Ho Chi Minh City. Therefore, this research aims at filling this gap.

2. Scope, research methods, and concept of Cải lương

Scope of research

The article focuses on assessing the current state of preserving and promoting Cải lương, specifically in terms of audience development in Ho Chi Minh City.

Research method

The article employs a quantitative survey method with a sample size of 535 participants, including 301 participants who are interested in Cải lương and 234 participants who are not. The survey participants are students, freelancers, civil servants, employees of enterprises, etc. The technique used to process the survey data is SPSS software. The survey method is to directly distribute questionnaires to the survey participants. For participants who are interested in Cải lương, the survey space is at Tran Huu Trang Cai Luong Theater. For participants who are not, the survey space is

where they live.

The concept of Cải lương

To date, there are still various interpretations of the term "Cải lương" among researchers in Vietnam. According to Khanh (2018), if we break down the term in Sino-Vietnamese, "cải" means "to change" or "to amend," and "lương" means "good" or "virtuous." Therefore, when combined, "cải lương" signifies "to change for the better." However, he also notes that in the late 19th and early 20th centuries, the term "cải lương" implied a sense of "changing the old for the new," calling for "modernization" according to Western civilization. For instance, "cải lương hương chính" referred to reorganizing village administration in a new manner; "Đám tang cải lương" indicated a funeral organized according to Western rituals; and "Chèo cải lương" referred to performing chèo theater with stage settings similar to those of the West. The author also mentions that in 1916, in the Southern region, the Long Xuyên Educational Association, led by Lê Quang Liêm, established the "Cải Lương Kịch Xã" group to perform plays in French and Vietnamese. Afterwards, the term "cải lương" appeared frequently in the press in Southern Vietnam, especially in the Saigon – Chợ Lớn area. However, this term was not used to refer to the cải lương theater as we know it today, but rather to spoken drama.

At the present time, there are still various interpretations of the term "cải lương" among researchers in Vietnam. According to Khanh (2018), if we break down the term in Sino-Vietnamese, "cải" means "to change" or "to amend," and "lương" means "good" or "virtuous." Therefore, when combined, "cải lương" signifies "to change for the

better". However, the author also notes that in the late 19th and early 20th centuries, the term "Cải lương" implied a sense of "changing the old for the new," calling for "modernization" according to Western civilization. For instance, "cải lương hương chính" referred to reorganizing village administration in a new manner; "đám tang cải lương" indicated a funeral organized according to Western rituals; and "Chèo cải lương" referred to performing chèo theater with stage settings similar to those of the West. Khanh also mentions that in 1916, in the Southern region, the Long Xuyên Educational Association, led by Lê Quang Liêm, established the "Cải lương kịch xã" group to perform plays in French and Vietnamese. From that point on, the term "cải lương" appeared frequently in the press in Southern Vietnam, especially in the Saigon — Chợ Lớn area. However, this term was not used to refer to the cải lương theater as we know it today, but rather to spoken drama.

Thus, the initiative "Cải lương hát Bội" in the Southern region at the beginning of the 20th century can be understood as a desire to innovate and modernize this traditional theatre form, which was in decline in terms of both artists and the content of the performances, including the singing styles, costumes, etc. (Khanh, 2018, pp. 60-89). This context led to the emergence of "Cải lương" — a "new" form of theatre art that aimed to meet the needs of enjoying arts of the Southern audience when hát Bội was no longer captivating enough.

3. Main findings of the present study, new findings and discussion on audience development for the preservation of Cải lương theatre in Ho Chi Minh City

3.1. Main findings of the present study

After processing the survey data from 535 participants, including 301 participants who are interested in Cải lương and 234 participants who are not, as well as analyzing published secondary data, this article presents several main findings of the present study:

- The Party and State's policies regarding the preservation of traditional theatre arts, including Cải lương, have been developed quite comprehensively.

- Currently, Trần Hữu Trang Cải lương Theater in Ho Chi Minh City is one of the region's leading traditional art troupe and bears primary responsibility for preserving Cải lương.

- From 2015 to 2024, Ho Chi Minh City, represented by the Trần Hữu Trang Theatre, has implemented several activities to attract the city's audience to Cải lương performances. These activities include audience research, enhancing marketing efforts, organizing performances, and educating the public about Cải lương through children's theatre programs and school performances.

- Staff who take responsibility for preserving Cải lương in Ho Chi Minh City have not been adequately equipped with or updated on the knowledge related to cultural economics and the operational development of a traditional art form within a market economy context.

- A segment of the audience in Ho Chi Minh City, particularly young people such as students, does not have many opportunities to regularly and consistently engage with Cải lương performances, especially those of high quality in both content and

form. Meanwhile, they are exposed daily to various forms of modern entertainment. This indirectly contributes to the decline in the interest of young people in Cải lương in Ho Chi Minh City.

3.2. New research results

- The implementation of these policies has been very slow, particularly in areas such as attracting non-state investment, upgrading technical facilities, training human resources, modernizing the creation, production, and dissemination of theatrical works, and developing the cultural and arts market. Some policies have been put into practice, but their impact remains limited, particularly in terms of financial support for those involved in creating theatre art. This is a primary reason for the other limitations in preserving cải lương theater, with a particular focus on audience development.

- The resources of Trần Hữu Trang Cải lương Theater in Ho Chi Minh City are not strong enough to produce high-quality cải lương performances that attract the public. The theater also lacks the necessary resources to enhance its competitiveness in the performing arts and entertainment market. Additionally, the theatre's social media presence is weak, and its productions do not target a specific audience segment. The quality of cải lương performances does not meet the expectations and desires of the public, and there is no clear identification of the target audience in marketing activities. Moreover, the approaches to engaging and attracting younger audiences are neither suitable nor effective.

- Activities include audience research, enhancing marketing efforts, organizing performances, and educating the public about Cải lương

through children's theatre programs and school performances have not been very effective because the implementation methods are not suitable, resulting in a failure to cultivate a cultural appreciation for Cải lương among the youth. As a consequence, the actual audience turnout for the theatre's cải lương performances remains low.

- Staff who take responsibility for preserving Cải lương in Ho Chi Minh City have not been adequately equipped with or updated on the knowledge related to cultural economics and the operational development of a traditional art form within a market economy context.

- Many audience in Ho Chi Minh City does not have many opportunities to regularly and consistently engage with Cải lương performances, especially those of high quality in both content and form. Meanwhile, they are exposed daily to various forms of modern entertainment. This indirectly contributes to the decline in the interest of young people in Cải lương in Ho Chi Minh City.

3.3. Discussion

In addition to some initial research results above, the research results also raise some issues that need to be discussed further in preserving the art of Cải lương from the perspective of audience development. The specific issues are:

- Should Cải lương theater take the needs of the public as the basis for improvement and reform to attract the public. Can Ho Chi Minh City restore the audience of Cải lương to the development stage when each performance had thousands of spectators?

- Is it true that most students in Ho Chi Minh City no longer feel interested and excited about traditional theatre art forms such as Cải lương.

- Some Asian countries such as Japan, Korea, and China have achieved much success in preserving intangible cultural heritage, including traditional theater arts. So what can Vietnam learn from these countries to attract the public to enjoy Cải lương?

4. Conclusion

Firstly, Cải lương is a traditional art form with many unique cultural and artistic values. The ups and downs of more than a century of formation and development have made Cải lương a research subject for humanities in Vietnam. However, there has not been any multi-dimensional and in-depth research on the preservation of Cải lương theatre in Ho Chi Minh City from the perspective of audience development.

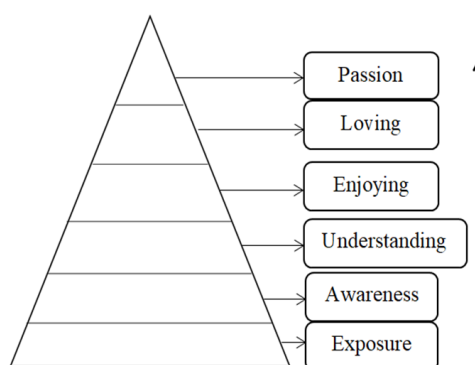
Secondly, Cải lương theatre was once very popular with the public in Vietnam, as well as in Ho Chi Minh City. But today, Cải lương theatre is showing many signs of decline, of which the decline in audience is the most typical manifestation.

Thirdly, the state as well as the Ho Chi Minh City authorities have introduced many policies to preserve traditional theatrical arts, including Cải lương. As a state-owned art unit, over the years, Tran Huu Trang Cải lương Theater has implemented many solutions to preserve Cải lương theatre, including implementing activities and programs to develop audiences for Cải lương. However, these solutions have not been effective. Therefore, the number of audiences enjoying Cải lương stage pro-

grams has not shown signs of recovery.

Fourth, in the face of the fact that many solutions have been implemented but the number of audiences coming to Cải lương stage over the past years has not improved much, the problem is that there needs to be a more suitable solution model. This model will be proposed by the author of the article in the section below.

Based on the practical reality of the low effectiveness of the solutions implemented for developing audiences for Cải lương theater, as well as lessons learned from the successful preservation of traditional performing arts in China, Japan, and South Korea, the author proposes a solution for preserving Cải lương theater in Ho Chi Minh City through audience development by implementing an art education program for young people, following a 6-step process. This 6-step process is modeled according to different levels as follows:

The 6-step process to be implemented in the art education program for young audiences in Cải lương theater.

Step 1 (Level 1): Exposure

This is the most basic step in the 6-step process outlined above. At this stage, the organization

conducting the art education activities needs to create opportunities for young people to engage with Cải lương theater. This exposure can be achieved through Cải lương performances in which young people are the key audience. Programs such as "Learning Theater" and "Children's Theater," currently being implemented by the Trần Hữu Trang Cải lương Theater in Ho Chi Minh City, are examples of ways to introduce young audiences to Cải lương. This exposure should be repeated with the same group over a long period of 3-5 years. Regarding the methods of exposure, both voluntary and compulsory approaches should be applied (in which young people are required to attend cải lương performances). During this exposure process, it is important to allow young individuals to express their feelings and attitudes toward Cải lương in an independent and proactive manner.

Step 2 (Level 2): Awareness

Step 2 can only be implemented when young people have had the opportunity to engage with Cải lương theater. At this level, depending on the specific age group of the young audience, the organization running the art education program should organize specific activities to help them understand the "portrait" of Cải lương in various aspects, including its historical formation and development, expressive features related to music, costumes, and stage decor, as well as genres, content of performances, and the production process of a Cải lương performance. Ways to help young people learn about Cải lương can include organizing discussions, thematic talks about Cải lương, with young attendees as the audience; integrating these topics into local cultural lessons within the official education curriculum, etc. Participation in activi-

ties designed to increase awareness of Cải lương should also be encouraged in both proactive and reactive ways (in which they are required to learn).

Step 3 (Level 3): Understanding

The practical foundation for implementing step 3 is that young people have gained knowledge about Cải lương theater through the activities in step 2. The higher requirement at this level is for those young individuals who have engaged with the art education programs in step 1 and 2 to begin developing a deeper understanding of Cải lương theater after their exposure and knowledge of this art. The outcome of step 3 will be a crucial foundation for the target audience of the Cải lương art education programs to cultivate positive aesthetic feelings, resulting in a keen interest on cải lương. For young audiences to truly "enjoy" Cải lương, a prerequisite is that they must understand the expressions and cultural values of this theatre form.

Step 4 (Level 4): Enjoying

This is the positive aesthetic feeling that those implementing Cải lương education programs hope to cultivate in the artistic perception of young audiences. For the majority of Cải lương theater audience, the minimum motivation to encourage them to decide to attend a Cải lương performance is that they greatly enjoy this art. One of the motivations for developing a "liking" for cải lương among young audiences is their level of understanding of it. However, relying solely on this motivation would not lead to sustainable audience development for cải lương. Therefore, art education programs must aim to ensure that young audiences genuinely enjoy for Cải lương. There are various ways to achieve this goal, one of which is for

production companies, such as the Trần Hữu Trang Cải Lương Theater, to invest resources in enhancing the quality of performances, both in form and content. When audiences experience a Cải lương performance that is not only well-crafted and profound in content but also aesthetic, it will help foster, sustain, and develop their affection for Cải lương. The significant outcome of step 4 is to establish and strengthen the foundation for those conducting Cải lương art education programs to move toward the next level: making young audiences fall in love with Cải lương.

Step 5 (Level 5): Loving

According to psychological principles, the feeling of "enjoying" is more likely to fade than the feeling of "loving" a particular art form. This is because preferences tend to be more flexible and changeable, especially among young audiences. In contrast, a "love" for a traditional art form represents a more stable and enduring emotional state. Therefore, those implementing Cải lương art education programs should aim to cultivate a sense of love for Cải lương among young audiences. Achieving this goal will create a loyal audience for Cải lương, who will be willing to pay to enjoy performances filled with elements they cherish. Love for Cải lương theater encompasses various aspects such as admiration for the artists, appreciation for the music and lyrics, and empathy for the characters and human dramas portrayed in each performance. Thus, to foster a love for Cải lương in young audiences, production and performance organizations need to build, preserve, and enhance the elements that contribute to this love in their hearts.

Step 6 (Level 6): Passion

Those who are passionate about Cải lương will face no psychological barriers when deciding to attend or listen to Cải lương whenever they have the opportunity to satisfy their passion. This is the most enduring artistic emotion compared to merely enjoying or loving. Therefore, this is the most challenging level to achieve in the process of developing audiences for Cải lương theater through art education programs. This goal becomes even more difficult in contemporary society, where young people have access to a multitude of vibrant and appealing cultural and entertainment forms. However, once this level is reached, Cải lương theater will gain a loyal audience. The key to achieving this level of audience engagement is that steps 1, 2, 3, 4, and 5 must be taken effectively and efficiently.

To successfully implement the 6-step process for developing audiences through art education activities in Cải lương, specific conditions must be considered:

The implementing organization must accurately identify the target audience for the process, which includes individuals aged 6 to 18, corresponding to three educational levels including primary, middle, and high school.

The organization needs to understand and effectively apply the psychological characteristics of different age groups to create art education programs tailored to each level and age.

The target group for the art education programs in Step 1 (Level 1) must be maintained and continued in Steps 2 and 3. This ensures that the accumulation of cultural capital regarding Cải

lương theater is minimally disrupted in the consciousness of each young person.

The duration of a cycle for applying a program to a specific target group will depend on that group's characteristics, but it must adhere to the principle that the cycle is completed within one educational level.

Sufficient financial resources must be available to comprehensively and systematically invest in all resources including human, resources, and technology to support the creative activities of Cải lương theater; such resources must be robust enough to continuously implement the 6-step process in Cải lương art education over an extended period.

References

1. Nguyễn Thị Trúc Bạch (2017). Cải lương theater in the South: A view on the movement and promotion of cultural and artistic values in the contemporary context. *Managing and Exploiting Cultural Heritage in the Era of Integration*, 341–352.
2. Phạm Thái Bình (2019). Development paths of Đờn Ca Tài Tử and Cải lương theater. In Nguyễn Đức Lộc (ed.), *Saigon – Preserving Gold and Treasures* (pp. 68–71). Cultural – Literary Publishing House, Ho Chi Minh City.
3. Đỗ Dũng (2003). *Cải lương theater in the South 1918 - 2000*. Youth Publishing House, Ho Chi Minh City.
4. Trần Trọng Đăng Đàn (1998). *The last 23 years of 300 years of Saigon — Ho Chi Minh City's Cultural and Artistic Heritage*. Literary Publishing House, Ho Chi Minh City.
5. Trần Trọng Đăng Đàn (2004). *Performing arts and cultural life — Vietnamese theater until the Early 21st Century: A Study and Observation from Saigon — Ho Chi Minh City*. Literary Publishing House, Hanoi.
6. Hoàng Sơn Giang (2018). *Cải Lương art in Ho Chi Minh City in the current context* [Master's Thesis in Cultural Management, University of Culture, Ho Chi Minh City].
7. Ho Chi Minh City Theater Association (2018). *Proceedings of the Scientific Seminar: Tracing the history of Cải lương theater in Saigon (1955 - 1975)*. Ho Chi Minh City.
8. Nguyễn Tuấn Khanh (2018). *The Journey of Cải lương*. General Publishing House, Ho Chi Minh City.
9. Bảy Nam (2009). *Drifting Along Life's Current: Memoir, first reprint*. Women's Publishing House, Ho Chi Minh City.
10. Nguyễn Thị Minh Ngọc & Đỗ Hương (2007). *Cải lương theater in Ho Chi Minh City*. General Publishing House, Ho Chi Minh City; Saigon Cultural Publishing House, Ho Chi Minh City.
11. Trần Minh Ngọc (Ed.) (2022). *Cải Lương in Saigon 1955-1975*. Writers' Association Publishing House, Hanoi.
12. Nguyễn Hồ Phong (2022). *Developing Cải lương theater audiences in Ho Chi Minh City (A case study of Trần Hữu Trang Cải lương theater)* [Doctoral Dissertation in Cultural

- Management, National Institute of Culture and Arts of Vietnam].
13. Nguyễn Thị Minh Thái (1997). *Cải lương Theater in Ho Chi Minh City: Seeking an Audience*. In Hoàng Chương, *Northern Cải Lương Art* (pp. 344–349). Institute of Theater, Hanoi.
14. Phạm Trí Thành (2009). *Cải lương Theater Art: Inheritance and transformation* [Doctoral Dissertation in Theater Theory and History, National Institute of Culture and Arts of Vietnam, Hanoi].
15. Huỳnh Quốc Thắng (Coordinator) (2010). *Investigating and promoting traditional art in Ho Chi Minh City: Cải lương theater* [National Target Program Project, Department of Culture, Sports & Tourism, Ho Chi Minh City].
16. Trần Thị Minh Thu (2012). *Northern Cải lương theater in cultural transformation* [Doctoral Dissertation in Cultural Studies, National Institute of Culture and Arts of Vietnam, Hanoi].
17. Phan Bình Tòng (1997). *Cải lương art: Historical pages*. Institute of Theater, Hanoi.
18. Nguyễn Lê Tuyên & Nguyễn Đức Hiệp (2013). *Hát Bội, Đờn Ca Tài Tử, and Cải lương at the End of the 19th Century and the Beginning of the 20th Century*. Cultural — Literary Publishing House, Ho Chi Minh City.
19. Various Authors (2018). *A century of formation and development of Cải lương art in Vietnam (1918 – 2018)*. Theater Publishing House, Hanoi.
20. La Thoại Vân (2016). *Cải lương theater activities in Ho Chi Minh City — Audience preferences and needs* [Master's Thesis in Cultural Management, University of Culture, Ho Chi Minh City].
21. Nhuận Vũ (1987). *Cải lương Theater in Ho Chi Minh City: 12 years on the road to renewal*. In Nguyễn Phan Thọ (ed.), *Theater Arts* (pp. 49–53). Institute of Theater Publishing House, Hanoi.
22. Võ Thị Yến (2013). *The Art of southern Cải lương theater through the impact of management methods* [Doctoral Dissertation in Arts, National Institute of Culture and Arts of Vietnam, Hanoi].

Сведения об авторе

Нгуен Хо Фонг

Хошиминский университет
культурологии,
Хошимин
hophongdhvh@gmail.com

Information about the author

Nguyen Ho Phong,

PhD, Ho Chi Minh City University of Culture,
No. 51, Quoc Huong, Thao Dien Ward, Thu
Duc City, Ho Chi Minh City.
hophongdhvh@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.03.2025.

Одобрена после рецензирования: 02.04.2025.

Принята к публикации: 10.04.2025.

Information about the article

The article was submitted 25.03.2025

Approved after reviewing 02.04.2025

Accepted for publication 10.04.2025

The Road to Victory. The Past and the Present of the “Eastern Maginot Line” in the Soviet/Russian-Chinese Relations

Путь к победе. Прошлое и настоящее «Восточной линии Мажино» в советско/российско-китайских отношениях

Верченко Алла Леонидовна

*Институт Китая и современной Азии РАН,
Москва, Россия
veailan@yahoo.com*

Alla L. Verchenko

*Institute of China and Contemporary Asia RAS,
Moscow, Russia
veailan@yahoo.com*

УДК 94 314.707.00.15 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-2-2025-78-93](https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-78-93)

АННОТАЦИЯ

В статье раскрываются агрессивные намерения Японии в связи с возведением в 1934-1945 гг. вдоль советской границы военных крепостей т.н. «Восточной линии Мажино» и иллюстрируются взаимодействие и вклад СССР и Китая в ее уничтожение, что открывало путь к освобождению главных стратегических пунктов Северо-Востока Китая. Советская Красная армия успешно штурмовала японские крепости в ходе Маньчжурской наступательной операции, разбила миф об их неприступности, ценой тысяч жизней советских солдат заставила капитулировать японские гарнизоны, открыла путь для дальнейшего наступления. В боях проявилось боевое братство советских и китайских воинов, без которого победа была бы невозможна. В статье использованы новые архивные доку-

ABSTRACT

The purpose of the article is to reveal the aggressive goals of the Japanese so-called “Eastern Maginot Line”, built in 1934-1945, to show the interaction and contribution of the USSR and China in its destruction that opened the way to the liberation of the main strategic points of the Northeast China. The Soviet Red Army successfully stormed these fortresses during the Manchurian offensive operation, broke the myth of their impregnability, at the cost of lives of thousands of Soviet soldiers forced the Japanese garrisons to capitulate, freed the way for the offensive into the interior of Northeast China. The battles manifested the combat brotherhood of the Soviet and Chinese soldiers, without which the victory would have been impossible. New archival documents about the participation of Chinese soldiers in

менты об участии китайских разведчиков в операции. Поднимается актуальная проблема сохранения памяти о героизме предыдущих поколений. Показано уважение российской и китайской сторон к истории, сохранению памяти о боях 1945 г. и боях, погибших в боях на линии Мажино. Историческая память выражается в продолжении поисковых работ, установлении имен неизвестных героев, открытии мемориалов на месте бывших укрепрайонов, ведении систематической патриотической воспитательной работы среди молодежи.

Ключевые слова. Восточная линия Мажино, СССР, Китай, Вторая мировая война, 88-я бригада

Для цитирования: Верченко А.Л. Прошлое и настоящее Восточной линии Мажино в советско/российско-китайских отношениях. *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (2). С. 78–93 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-78-93>

Введение

После разгрома Германии Вторая мировая война не закончилась. Японская Квантунская армия продолжала агрессивные действия на восточноазиатском фронте и отклонила требование трех великих держав от 26 июля 1945 г. о безоговорочной капитуляции. Верный союзническому долгу Советский Союз принял решение вступить в войну против Японии, чтобы «сократить количество жертв», «дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после её отказа от безогово-

those operation are used. The urgent problem of preserving the memory of the heroism of previous generations is raised. The respect of the Russian and Chinese sides for history, for preserving the memory of the battles of 1945 and the fighters who died in the battles on the Maginot Line is shown. This respect is shown in search operations with the aim to recover the names of unknown heroes, in establishing memorials at the sites of former fortifications, in patriotic educational work among the young generation, keeping alive the memory about the war.

Keywords. Eastern Maginot Line, USSR, China, World War II, 88th brigade

For citation: Verchenko Alla L. The Road to Victory. The Past and Present of the “Eastern Maginot Line” in Soviet/Russian-Chinese relations. *Modern Oriental Studies*. 2025; Volume 7 (№2). P. 78-93 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-78-93>

рочной капитуляции», «содействовать скорейшему восстановлению всеобщего мира» [Заявление 1945]. 8 августа 1945 г. нарком иностранных дел В.М. Молотов от имени советского правительства заявил послу Японии Наотакэ Сато о том, что СССР «с 9 августа будет считать себя в состоянии войны с Японией» [Заявление 1945].

Для разгрома Квантунской армии была разработана Маньчжурская стратегическая наступательная операция [Маньчжурская 2025]. Ее цель состояла в том, чтобы в кратчайшие сроки разгромить Квантунскую армию,

ликвидировать очаг агрессии, военное-экономическое присутствие Японии в Китае и Корее, освободить страны континента, завершить Вторую мировую войну. Военные действия на Дальневосточном театре имели особый характер – они развернулись на огромной территории по площади и протяженности линии фронта и отличались стремительным темпом. Советской армии предстояло, прежде всего, преодолеть линию пограничных укрепрайонов, построенных японцами на сопредельной территории в течение 1934-1945 гг. Советским войскам на дальневосточной границе противостояли не только 17 мощных подземных крепостей. Японцы оборудовали большое количество отдельно расположенных дотов и дзотов. Их военнотружущие постоянно устраивали провокации в отношении Красной армии, пока большие крепости находились в состоянии ожидания и скрытности: допускали вторжение на советскую территорию, атаковали и обстреливали советские пограничные заставы, гражданские и военные корабли на Амуре. До начала наступления главных сил фронта, например, только в зоне Приморского пограничного округа было ликвидировано 33 объекта противника, а также погранзаставы и мелкие группы прикрытия противника [Грачев 2018, 22].

Восточная линия Мажино

Вдоль китайской границы с СССР, Кореей и Монголией на протяжении 5 тыс. км японцы, которые безраздельно хозяйничали на Северо-Востоке Китая с начала XX в., возвели 17 военных крепостей на территории провинций Цзилинь и Хэйлунцзян, Автономного района Внутренняя Монголия (АРВМ). Абсолютное боль-

шинство объектов было сооружено в восточной части советско-китайской границы, вблизи крупных советских городов. Система оборонительно-наступательных сооружений, получившая название «Восточной линии Мажино», возводилась в течение десяти лет на основании приказа по Квантунской армии № 589 от 12 мая 1935 г. «О строительстве постов в приграничных районах Дуннин, Суйфэнхэ, Пинъян-чжэнь, Хайлар» [Строительство].

На площади 1700 кв. км было сооружено почти 80 тыс. инженерных сооружений [Цзе Ли 2015]: подземных складов вооружения, материального и продовольственного обеспечения, узлов связи, электростанций, систем вентиляции, водоснабжения, отопления и очистки воздуха, телефонной и телеграфной связи, железных и автомобильных дорог. Орудия и боеприпасы доставлялись на поверхность с помощью подъемных механизмов [Первая группа 2011]. Многие укрепрайоны имели собственные аэродромы с взлетно-посадочными полосами. Подземные укрепления были пригодны для длительного использования, могли автономно существовать до 6 месяцев, были связаны инженерными сооружениями друг с другом, соединялись с крупными городами и наземными лагерями Квантунской армии. Крепости могли успешно выполнять как оборонительные, так и наступательные задачи.

Сооружением линии укрепрайонов командование Квантунской армии стремилось превратить Северо-Восток Китая в опорную базу для нападения на Советский Союз, поэтому применяло при строительстве новейшие технические достижения, устанавливало

мощное вооружение, не экономило средства. Известно, что в период войны в Японии была разработана перспективная программа японского управления Приморьем, Хабаровским краем, Читинской областью и Бурят-Монгольской АССР.

Укрепления оборудовались огневыми точками, в основном ориентированными на север, в сторону Советского Союза. Стены подземных помещений делали из железобетона толщиной до 2-3 метров, сверху крепости защищал толстый слой земли. Сооружения в крепостях располагались иногда на трех уровнях, уходили на глубину до 80 метров, соединялись лабиринтом коридоров.

На строительстве подземных сооружений японцы использовали местную рабочую силу. Чтобы сохранить конфиденциальность, после завершения работ свидетелей уничтожали. По китайским сведениям, на строительные работы были насильно завербованы более 3,2 миллиона рабочих, 1 млн из которых погибли [Восточная линия]. История свидетельствует о бесчеловечности и лицемерии японцев. Например, после завершения строительства крепости Шэншань (уезд Сунью пров. Хэйлунцзян), рабочих пригласили на угощение. Когда все собрались, более 3 тыс. человек, их расстреляли из пулеметов, чтобы никто не узнал об объекте. На месте трагедии японцы установили памятник с надписью «Тем, кто отдал свою жизнь на строительстве». Часть рабочих перевели в лабораторию «Отряда 731», где японцы проводили на людях испытания химического и бактериологического оружия [Юй Цзиньтао 2005, 53].

На поверхности крепости были окружены противотанковыми рвами и траншеями десятиметровой ширины и четырехметровой глубины, несколькими рядами колючей проволоки, минными полями. Местным жителям под угрозой смерти не разрешалось приближаться к заграждениям. Многие не догадывались о существовании подземных военизированных городов. О таких стратегических объектах времен Второй мировой войны население приграничных областей не знало и спустя много лет после окончания войны [Юй Цзиньтао 2005, 54]1.

Хребты и возвышенности Северо-Востока давали возможность хорошо замаскировать крепости, что создавало трудности для советской армии при их штурме. Например, под рельефом местности была скрыта крепость Дуннин (г. Суйфэньхэ), отдельные бункеры которой находились всего в 3-5 км от советской границы. Этот крупнейший на Азиатском театре военных действий комплекс, в который входили 400 наземных и подземных военных объектов, занимал территорию 5 тыс. кв. км [Последняя битва 2023]. Боеспособность японской группировки обеспечивали 10 взлетно-посадочных полос, 402 постоянные огневые точки, 79 артиллерийских позиций, на вооружении войск стояли полевые и противотанковые пушки, крупнокалиберные гаубицы [Строительство].

Крепость Хутоу (Голова тигра) находилась под пятью сопками и имела многочисленные хорошо замаскированные лазы и амбразуры для орудий. Длина сооружений по фронту составляла 12 км, глубина — 6 км. Крепость

была сооружена в стратегически важном районе — на китайском берегу Уссури, в районе г. Хулинь, на минимальном расстоянии от советского города Иман (в н. вр. Дальнореченск). В случае начала военных действий японцы блокировали железнодорожное сообщение по Транссибу, отрезали Владивосток. Крепость строилась в течение 6 лет, была оснащена современным вооружением, в том числе, тяжелой артиллерией французского и японского производства с дальностью поражения до 30-50 км. Как заметил один китайский корреспондент, «отсюда на Советский Союз смотрела самая большая пушка Азии [Крепость Хутоу]. Современные эксперты оценивают Хутоу как самую мощную и модернизированную из всех крепостей. По словам члена Общества изучения истории Второй мировой войны Ван Цзунжэня, японцы считали крепость неприступной, не боящейся осады [Крепость Хутоу] и рассматривали ее как важнейший плацдарм для нападения на СССР, хотя советские стратеги выявили ряд недостатков в планировании крепостей и линий их обороны. К началу августа 1945 г. гарнизон крепости был увеличен до 1400 военнослужащих. 10 августа крепость взяли штурмом части 35 армии генерал-лейтенанта Н.Д. Захватаева 2, но подземный гарнизон отказался сдаться, продолжил сопротивление, которое советской армии при поддержке бойцов Дунбэйской объединенной антияпонской армии удалось подавить только 26 августа 1945 г. В боях за Хутоу погибли около 1 тыс. советских и 200 китайских солдат и офицеров [Последняя битва 2023]. Крепость Голова тигра считается в Китае местом окончания Второй мировой

войны [Юй Цзиньтао 2005].

Крепость Хайлар занимала не такую большую территорию, как Хутоу или Дуннин, но имела важнейшее стратегическое значение, т.к. закрывала путь на важнейший узел Северо-Востока — Харбин. В сопках находилось 5 отдельных узлов, ориентированных по сторонам света. Каждый узел имел множество огневых точек, мог действовать самостоятельно или участвовать в общих операциях. Гарнизон, включавший солдат-камикадзе, имел приказ обороняться до последнего солдата. 36-я армия Забайкальского фронта генерала А.А. Лучинского взяла крепость штурмом ценой огромных потерь. Каждый седьмой из погибших в Китае советских воинов пал в боях за Хайлар. На подходе к крепости армия на минных полях потеряла много танков. По поврежденным машинам из крепости били прямой наводкой. Ее штурм затрудняли очень толстые стены бункеров, которые не пробивали не только 152-миллиметровые снаряды, но и 203-миллиметровые гаубицы. С дотами удалось справиться с помощью больших зарядов динамита. Крепость подняла белый флаг 18 августа. В плен сдались 1120 японских солдат и 80 офицеров. Яростное сопротивление гарнизона крепости объяснялось еще и тем, что в ней японцы разрабатывали бактериологическое оружие, разводили крыс-носителей чумных блох и уже опробовали его на жителях одного из городков. Местные жители обратились к советскому командованию за помощью. Красноармейцам пришлось уничтожить крыс [К 75-летию 2020].

Участвовавшие в Маньчжурской операции войска 1-го Дальневосточного, 2-го

Дальневосточного и Забайкальского фронтов героическими усилиями преодолели выстроенную Японией «Восточную линию Мажино». В целом ряде случаев гарнизоны укрепрайонов оказывали ожесточенное сопротивление, как подобает настоящим самураям. Из-за нарушения связи японцы в крепостях не могли получать приказы от командования, не знали, что происходит и отказывались сдаваться. Так было в укрепрайонах Хайлар, Фуцзинь, Цзямусы, Суйфэнхэ, Дуннин и др. [Краткая сводка 1945]. Даже когда японские офицеры зачитывали приказ о капитуляции, солдаты не верили в поражение своей армии. Японцы открывали огонь из потайных дотов в крепостях, применяли артиллерию и стрелковое оружие, устраивали провокации, организовывали засады с задачей убивать офицеров, забрасывали в советский тыл снайперов, которые стреляли с небольшого расстояния и наносили существенный урон личному составу советской армии [Краткая сводка 1945]. Советская армия вела тяжелые бои, направленные на подавление японской обороны.

Например, в районе крепости Шэншань в уезде Сунью все подземные сооружения были замаскированы в сопках. Местный житель Чжан Фучжун вспоминал, что поскольку японцы не открыли огонь, части советской армии ее сразу не обнаружили. Он заметил японцев, выскочивших из лаза, и сообщил властям. На следующий день из тыла подошли части советской армии. Очевидец свидетельствовал, что советские бомбардировщики совершили более 170 вылетов, чтобы подавить оборону отчаянно сопротивлявшегося гарнизона, применявшего,

в том числе, тяжелую артиллерию [Ши Чжэнь 2006, 60]. С потерями в 1200 солдат советские войска на 17-й день взяли крепость [Кровопролитное 2005].

Генерал армии М.А. Гареев³ отмечал, что даже после подписания Акта о капитуляции Японии 2 сентября 1945 г. бои в некоторых местах продолжались. Ему самому пришлось оказывать помощь дивизии генерала Т.В. Дедеоглу, которая вела боевые действия до 7-8 сентября 1945 г. [Гареев 2015, 7].

Несмотря на все заявления командования Квантунской армии о несокрушимости Восточной линии Мажино, она была взята и повержена советской Красной армией в невероятно кратчайшие сроки. Повторилась судьба европейской Линии Мажино, которая в свое время тоже не смогла сыграть роль непреодолимого оборонительного сооружения.

Советско-китайское военное взаимодействие в период Маньчжурской операции

В ходе выполнения задач Маньчжурской стратегической операции советские воины разных национальностей, как и ранее на западном фронте, проявляли величайшее мужество и высокие боевые качества. Во время штурма укрепрайона Дуннин несколько бойцов Красной армии повторили подвиг Александра Матросова, закрывшего собой амбразуру пулеметного дота. Г.Е. Попов вызвался уничтожить огневую точку, запиравшую вход в узкую долину и препятствовавшую продвижению 98-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона 25-й

армии. Израсходовав все гранаты, боец бросился на амбразуру. Ценой жизни молодого бойца высота была взята. На другом участке его подвиг повторил ефрейтор В.С. Колесик, подавивший огонь внезапно ожившего дота. 20-летний младший сержант-пулеметчик А.Я. Фирсов, следуя воинскому долгу, ценой своей жизни подавил огонь пулемета, установленного в бойнице крепости Дуннин. Рота выполнила боевой приказ, наступление продолжилось. Этим красноармейцам посмертно присвоено звание героя Советского Союза [Маньчжурская операция]. Но до сих пор остаются совершившие не менее значимые подвиги бойцы, имена которых не дошли до потомков, они навсегда остались лежать в чужой земле. Советская армия освободила от японских милитаристов более 500 населенных пунктов [Герои 2023]. Общие потери советской армии в ходе освобождения Китая от японских захватчиков составили более 12 тыс. чел. За проявленную воинскую доблесть в боях в северо-восточном Китае 308 тыс. человек награждены правительственными орденами и медалями, 87 человек получили звание Героя Советского Союза, шесть человек стали дважды Героями [Кемеров 2019].

В подготовке и проведении Маньчжурской операции принимали участие китайские партизаны, действовавшие в советском приграничье, и военнослужащие 88-й отдельной стрелковой бригады 2-го Дальневосточного фронта (в/ч 8461)⁴. Командный состав бригады привлекался к разработке планов операции, в том числе, штурма японских укрепрайонов. Было решено, что примерно 340 человек из бригады, получившие дополнительную подго-

товку, вместе с войсками советской армии вступят на территорию Северо-Востока Китая. Для этого в июле 1945 г. 160 человек поступили в распоряжение 1-го Дальневосточного фронта, 80 человек — 2-го Дальневосточного фронта, 100 человек — Забайкальского фронта [Иванов 2009, 287]. Дополнительно в ночь начала Маньчжурской операции в тыл Квантунской армии было заброшено 72 человека из 88-й бригады. Все они вместе с частями советской армии участвовали в операции в качестве переводчиков, разведчиков, проводников, стрелков, в занятых Красной армией населенных пунктах помогали взаимодействовать с населением, выявлять шпионов, диверсантов, предателей, японских агентов.

Успешному проведению Маньчжурской операции способствовали оперативные данные, которые советские и китайские разведчики собирали на Северо-Востоке Китая в течение всей войны. После 1939 г. Военные советы Хабаровского, Приморского краев и Читинской области начали использовать в разведывательных целях проверенных китайцев, перешедших из Китая на советскую территорию. Когда в 1942 г. под Хабаровском из остатков Дунбэйской объединенной антияпонской армии была сформирована 88-я особая стрелковая бригада, эта работа активизировалась. Бригада состояла из китайцев и корейцев (около 10%), а также советских военнослужащих и относилась к Разведотделу Штаба 2-го Дальневосточного фронта. Она готовилась как разведывательно-диверсионная. Особое внимание уделялось подготовке таких специальных навыков, как методы сбора и передачи

разведданных, военная топография, взрывотехника, радиодело и пользование радиопередатчиками, ориентирование, маскировка, прыжки с парашютом, хождение на лыжах, скалолазание, плавание и др. [Верченко 2020, 66]. На занятиях изучали состав, вооружение, дислокацию, стратегию и тактику Квантунской армии, подразделений Маньчжурских войск, полиции и др. Наряду с советскими офицерами подготовкой китайских военнослужащих занимались командир бригады Чжоу Баочжун и заместитель командира Чжан Шоуцзянь (Ли Чжаолин), хорошо знавшие китайскую специфику. Широко привлекались китайские офицеры, многие были отмечены советскими наградами. Например, лейтенант Красной армии Фан Дэлин, командир одного из отделений 88-й бригады, за подготовку бойцов-разведчиков по представлению Чжоу Баочжуна как командира бригады награжден орденом Красной Звезды. Фэн Чжунъюнь, впоследствии губернатор провинции Сунцзян, ректор Харбинского политехнического института, получил аналогичную награду за ведение агитационно-пропагандистской работы среди личного состава бригады.

Заброшенные на китайскую территорию разведгруппы – т.н. «малые отряды», собирали и передавали сведения о японских и марионеточных войсках, координатах японских укрепрайонов, сооруженных вокруг них заградительных сооружений и подъездных путях, устанавливали связи с партизанами и членами КПК, совершали диверсии на транспортных магистралях, выявляли японских пособников и обезвреживали их, захватывали «языков», перевозили оружие для партизан; переоде-

вшись в форму марионеточной армии, проникали в районы дислокации подразделений Квантунской армии. В 1940-1943 гг. из перешедших на территорию СССР китайцев и личного состава 88-й бригады на разведывательную работу в 1-й Дальневосточный фронт и 2-й Дальневосточный фронт было взято 89 человек. В период с июня 1941 г. по май 1945 г. «малые отряды» совершили более 300 человеко-выходов на территорию Северо-Востока Китая [Иванов 2009, 287]. Как правило, группы были интернациональными, в них входили русские, украинцы, белорусы, китайцы, корейцы, эвенки, нанайцы и др. За победу сражались люди разного возраста. Например, при Разведотделе Штаба 2 ДВФ радистом служил пятнадцатилетний Юй Миншэн. За обеспечение связи своей группы с войсками ДВФ в августе 1945 г. он награжден медалью «За боевые заслуги». На основе переданных разведчиками актуальных сведений корректировались планы наступления и штурма японских военных объектов. С заданий возвращались не все: японская агентура тщательно следила за пересечениями границы и появлениями новых людей в приграничных населенных пунктах. Как правило, данные «малых отрядов» были достоверными, что подтверждала советская воздушная разведка [Роянов 2019]. Отдельных разведчиков забрасывали в глубокий тыл японцев по несколько раз. На сайте «Память народа»⁵ опубликованы Наградные листы 18 китайцев, которые Приказом начальника Разведотдела Штаба 2 ДВФ генерал-майора Г.С. Соркина от 11 сентября 1945 г. получили награды за участие в Маньчжурской операции. Большинство удостоились

медали «За боевые заслуги». Приведем несколько примеров. Разведчик Су Юйли находился в тылу противника с 1942 г., в августе был заброшен в один из крупных городов Северо-Востока. За безупречное выполнение задания командования был награжден орденом «Красная Звезда». Другой разведчик Лю Шаньцзун, который маскировался под лодочника, рискуя жизнью, переправлял через Амур группы разведчиков под видом обычных граждан, награжден орденом «Славы III степени».

В районе крепости Дуннин существовал тайный ход, который был обнаружен совсем недавно благодаря воспоминаниям одного ветерана. По нему разведчики из 88-й бригады переходили границу и передавали Разведотделу полученные ими сведениями. Японская разведка за время войны не раскрыла этот канал связи [На границе 2015].

Накануне победы в войне в 88-й бригаде были введены занятия по административно-хозяйственному управлению. Китайские коммунисты вели войны в течение десятилетий и не имели опыта работы в гражданских органах. В Вятском они приобрели начальные навыки административно-хозяйственной деятельности. Военнослужащие бригады в полном составе непосредственно не участвовали в военных действиях, оставались на советской территории. В сентябре они вернулись в Китай. Весь личный состав бригады удостоен медали «За победу над Японией», многие награждены орденами «Красная звезда», медалями «За боевые заслуги».

Китайские бойцы и командиры показали себя с лучшей стороны в период гражданской

войны с Гоминьданом (1946-1949), составив костяк Демократической армии. После образования КНР многие заняли руководящие посты в новых органах власти Северо-Востока, после образования КНР работали бок о бок с советскими специалистами, восстанавливая народное хозяйство, продемонстрировали, как боевое братство превращается в совместную работу в мирной жизни.

Память о советско-китайском боевом братстве

Сегодня многие японские укрепрайоны рассматриваются в Китае как важное свидетельство советско-китайского тесного взаимодействия в период Второй мировой войны и антияпонской войны китайского народа. Центральные и местные органы власти и общественность восстанавливают военные сооружения. На их месте открываются мемориальные парки, музеи под открытым небом, организовываются экспозиции с демонстрацией раритетов военного времени. Музеи несут истинные знания о прошлых событиях современным языком с использованием новейших технических достижений. На их площадках проводятся совместные российско-китайские акции в память о прошедшей войне. Многие таблички и музейные комментарии переведены на русский язык.

С 1990-е гг. ведутся восстановительные работы на месте крепости Хутоу. В настоящее время уже открыт музей, доступно посещение подземных помещений, что дает наглядное представление о толщине стен, ширине коридоров, глубине бункеров и вооружении, не позволяет забыть об агрессивных планах Японии

в отношении советского и китайского народов. Если бы Советский Союз не вступил в войну в августе 1945 г., Китаю грозило бы колониальное будущее и геноцид населения.

В 1995 г. территория крепости Хэйхэ объявлена правительством города базой патриотического воспитания и укрепления российско-китайского сотрудничества в области экономики, торговли, культуры, туризма, науки и образования, общественной дипломатии. Представители двух стран, встречаясь на месте прошлых боев, вспоминают историю и строят планы на будущее.

Крепость Шэншань в уезде Сунью в 2005 г. была превращена в Национальный лесной парк «Крепость Шэншань», стала не только важным историческим объектом, но и площадкой патриотического воспитания и исторического образования. Сохранившиеся руины военной крепости, одного из крупнейших фортификационных проектов Японии в Азии, помогают современникам представить масштабы подземного города, мощь его укреплений и исходившую от него опасность. Нынешние поколения не должны забывать историю, должны помнить, что сегодняшний мир достался ценой десятков миллионов жизней советских и китайских героев, завещавших беречь мир.

В районе Хайлар (Хулун-Буирский аймак АРВМ), где в 1945 г. проходили одни из самых кровопролитных боев, на горе Сяогушань, разбит мемориальный парк. Крепость сохранилась практически в первозданном виде и открыта для посещений. Она служит неопровержимым доказательством агрессивных планов Японии

в отношении СССР и Китая. Здесь похоронены более 1 тыс. советских офицеров и солдат, павших во время штурма укрепрайона. На 24 плитах высечены имена погибших. Ежегодно сюда приезжают россияне и китайцы, чтобы почтить память освободителей.

В России не забыты имена китайских участников совместных операций в 1945 г. Начиная с 1995 г., по юбилейным датам советское правительство награждает китайских ветеранов памятными медалями. О признании вклада китайских патриотов в победу в войне свидетельствует награждение в 1996 г. группы ветеранов медалью Жукова «за храбрость, стойкость и мужество, проявленные в боевых действиях» [Верченко 2020, 392]

Выводы

В Китае на государственном уровне поддерживается память о ведущей роли СССР и Китая в победе во Второй мировой войне, об освобождении Северо-Востока советской Красной армией. Однако прослеживается тенденция определенного преувеличения роли китайских вооруженных сил в первые дни Маньчжурской операции. Представляется, что это вызвано стремлением властей подчеркнуть героизм китайского народа в целях усиления патриотического воспитания и чувства гордости за свою нацию, которая в течение долгого времени подвергалась унижению, и впервые в истории одержала полную победу в войне.

Россию и Китай объединяет общее неприятие попыток отдельных стран переписать историю, назначить себя главными в завоевании

победы, считать себя вправе навязывать свои правила и принципы, ущемлять права наших народов на свободу и выбор своего пути, применять для этого вооруженные методы. Народы наших стран помнят ужасы войны и людские потери и не хотят повторения прошлого. Обе страны вместе отмечают дни победы 9 мая и 3 сентября, с вниманием относятся к памяти о войне и ее участниках. В Китае находятся 74 захоронения советских солдат и офицеров [Братская могила 2015]. Абсолютное большинство из них расположены на Северо-Востоке, там, где советская армия штурмовала укрепления и отвоевывала у японцев китайскую землю. Все могилы, памятники и обелиски подерживаются на должном уровне. Поисковики продолжают работу по выявлению имен и подвигов погибших.

Важно, что о прошедшей войне вспоминают не только по большим датам. Советских и китайских бойцов, погибших на Северо-Востоке, чтят и в дни официальных праздников, и в традиционные китайские праздники. Во многих местах в день поминовения усопших (4-5 апреля) около памятников школьники и молодежь проводят торжественные мероприятия, возлагают цветы, читают стихи, приводят захоронения в порядок. Так память о советско-китайской общей борьбе и дружбе во Вторую мировую войну передается из поколения в поколение.

Ежегодные патриотические мероприятия, проводимые совместно двумя странами с акцентом на молодежь, помогают сохранять память об истории, не дают забыть имена геро-

ев и их вклад в победу во Второй мировой войне.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Исследование и изучение темы началось в 1980-90-е годы и отчасти было стимулировано поездками японских ветеранов, приезжавших в Китай со старыми картами расположения укрытий и арсеналов
2. 8 сентября 1945 года Н.Д. Захватаеву было присвоено звание «генерал-полковник».
3. Гареев Махмут Ахметович — генерал армии, доктор исторических и доктор военных наук, долгое время был президентом Академии военных наук
4. Бригада была сформирована в 1942 г. на основании приказа № 00132 от 21 июля 1942 г. г., вошла в состав 2-го ДВФ, дислоцировалась в районе с. Вятское Хабаровского края. Расформирована в сентябре 1945 г. В Вятском сохранились несколько могил, где захоронены бойцы 88-й бригады
5. Сайт Память народа URL: <https://pamyat-naroda.ru/>

NOTES

1. Research and Study of the Topic Began in the 1980s and 1990s and Was Partly Stimulated by Visits by Japanese Veterans who Came to China with Old Maps of the Locations of Fortresses

2. On September 8, 1945, N. D. Zakhvataev was Promoted to the Rank of "Colonel General".
3. Gareev Mahmut Akhmetovich — General of the Army, Doctor of History and Doctor of Military Sciences, for a Long Time was President of the Academy of Military Sciences
4. The brigade was Formed in 1942 under the Order No. 00132 of July 21, 1942 as a Division of the 2nd FEF, was Stationed in the Area of the Village of Vyatskoye, Khabarovsk Region. It was Disbanded in September 1945. In Vyatskoye there are Several graves where the Soldiers of the 88th Brigade are Buried
5. website Pamyat naroda – URL: <https://pamyat-naroda.ru/>
4. Строительство и военное устройство крепости Дуннин (东宁要塞的修筑与军事部署). [www.dnysbwg.cn](http://dnysbwg.cn/?m=home&c=View&a=index&aid=132). URL: <http://dnysbwg.cn/?m=home&c=View&a=index&aid=132> (дата обращения: 14.05.2025) (на кит.яз.)
5. Цзе Ли. Япония в годы войны построили подземный форт на границе Китая и СССР. aif.ru. 29.06.2015. URL: <https://rg.ru/2015/05/06/krepost.html>(дата обращения: 10.04.2025)
6. Первая группа государственных мемориальных комплексов, посвященных антияпонской войне: экспозиция свидетельств преступлений японского вторжения в узде Сунью (第一批国家级抗战纪念遗址名录: 孙吴县日本侵华罪证陈列馆). www.抗战战斗纪念网. 06.07.2015. <https://www.krzzjn.com/show-2011-13644.html> (дата обращения: 11.05.2025)(на кит.яз.)

Список литературы

1. Заявление Советского правительства Правительству Японии. 8 августа 1945 года. Правда. 09.08.1945.
2. Маньчжурская стратегическая наступательная операция 1945 г. www.kvrf.org. 08.04.2025 URL: <https://kvrf.org/manchzhurskaya-strategicheskaya-nastupatel'naya-operatsiya-1945-g/> (дата обращения: 03.05.2025)
3. Грачев А.В. Участие пограничников дальневосточников в войне против милитаристской Японии в 1945 г. // Столетие образования пограничных органов (1918-2018): исторические чтения. Хабаровск. 2018. С. 19-25
7. Восточная линия Мажино (东方马奇诺防线.) URL: <https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%9C%E6%96%B9%E9%A9%AC%E5%A5%87%E8%AF%BA%E9%98%B2%E7%BA%BF/5677121>(дата обращения: 02.05.2025) (на кит.яз.)
8. Юй Цзиньтао (于津涛) Полевые исследования «Восточной линии Мажино» (路查“东方马奇诺防线”). Современные военные сообщения (当代军事文稿). 2005 (12):53-54 (на кит.яз.)
9. Последняя битва Второй мировой войны (第二次世界大战最后一战). Чжунго цзефан бао (中国国防报). 31.08.2023(на кит.яз.)

10. Крепость Хутоу предупреждает (虎头要塞警示录). [www. xinhua daily telegraph](http://www.xinhua daily telegraph). 21.07.2023.URL: [http://](http://www.xinhua daily telegraph) 虎头要塞警示录-新华每日电讯 (дата обращения: 15.03.2025) (на кит.яз.)
11. К 75-летию разгрома Японии. Сражение за Хайлар. [www. polkrf.ru](http://www.polkrf.ru). 18.08.2020. URL: <https://www.polkrf.ru/news/glavnye-sobytiya/k-75-letiyu-razgroma-yaponii-srazenie-za-xailar-3188?ysclid=mal0olfj9w68504733> (дата обращения: 20.03.2025) (на кит.яз.)
12. Краткая сводка обобщенного боевого опыта войны 35 А 1 Дальневосточного фронта за период 9-20 августа 1945 г. [www. память народа 1941-1945](http://www.pamyat-naroda.ru). URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=110453028&backurl=q%5CПриказ%20войскам%201%20Дальневосточного%20фронта::use_main_string%5Ctrue::group%5Ccall::types%5Copersvod-ki:rasporyajeniya:otcheti:peregovori:jbd:directivi:prikazi:posnatovleniya:dokladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani_operaciy:karti:shemi:spravki:drugie (дата обращения: 20.03.2025)
13. Ши Чжэнь(史贞). Записки об уничтожении «Восточной линии Мажино», построенной японскими агрессорами в Китае (侵华日军“东方马奇诺防线”覆灭记). 第二课堂 (小学内容. 2006 (Z1) : 59-60(на кит.яз.)
14. Кровавопролитное сражение за крепость Дуннин (血战之东宁要塞). [www. 新浪新闻](http://www.新浪新闻) 18.08.2005 URL: <https://news.sina.com.cn/c/2005-08-18/18207534689.shtml?from=wap> (дата обращения: 15.04.2025) (на кит.яз.)
15. Гареев М.А. Маньчжурская стратегическая операция 1945 года // Новая и новейшая история. 2005(5):3-9
16. Маньчжурская операция. [www. manzhuria.org](http://www.manzhuria.org). URL: <http://manzhuria.org/manchzhurskaya-operatsiya/> (дата обращения: 20.03.2025)
17. Герои «маньчжурского чуда»: амурчане зажгут свечи в честь окончания Второй мировой войны. [www. ampravda.ru](http://www.ampravda.ru) 02.09.2023. URL: <https://ampravda.ru/2023/09/02/0124071.html?ysclid=maky9ldr3y807799446> (дата обращения: 20.03.2026)
18. Кемеров И. 8 августа Советский Союз объявил войну Японии. www.fiski-net. 08.08.2019. URL: <https://fishki.net/3052584-8-avgusta-1945-goda-sovetskij-sojuz-objavil-voynu-japonii.html> (дата обращения: 20.03.2025)
19. Иванов В.И. В тылах Квантунской армии. М.: ИДВ РАН. 2009. 335 с.
20. Верченко А.Л. 88-я бригада и советско-китайское взаимодействие: единство целей и общая победа // Современные востоковедческие исследования. 2020(5): 62-75

21. Роянов Н. Вместе против фашизма. www.soyuzveteranov.ru 04.05.2019. URL: <https://soyuzveteranov.ru/content/vmeste-protiv-fashizma> (дата обращения: 03.05.2025)
22. На границе Приморского края и КНР нашли тайный подземный ход. www.sovsekretno.ru. 29.06.2015. URL: <https://www.sovsekretno.ru/news/na-granitse-kitaya-i-rossii-obnaruzhen-shpionskiy-podzemnyy-khod/#:~:text=B%20провинции%20Хэйлунцзян%20в%20районе,захватчиков%20в%201930-е%20годы> (дата обращения: 03.05.2025)
23. Братская могила советских солдат в Хэйхэ перестанет быть безымянной. www.RGRU. 06.05.2015. URL: <https://rg.ru/2015/05/06/bereg.html> (дата обращения :20.04.2025)
24. Верченко А.Л. Советско-китайское взаимодействие в годы японо-китайской войны (1931-1945) и сохранение исторической памяти // Китай с мировой и региональной политике. История и современность. 2020. № 25. С. 383-399. DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10023
3. Grachev A.V. Participation of Border Guards of the Far East in the War against Militaristic Japan in 1945. The Centenary of the Formation of Border Guards (1918-2018): Historical Readings. Khabarovsk. 2018:19-25 (In Russ.)
4. Construction and Military Deployment of the Dongning Fortress (东宁要塞的修筑与军事部署). www.dnysbwg.cn. URL: <http://dnysbwg.cn/?m=home&c=View&a=index&aid=132> (Data obrashcheniya: 14.05.2025) (In Chin.)
5. Jie Li. Japan Built Underground Fortresses on the Border of China and the USSR during the War. www.aif.ru. 29.06.2015. URL: <https://rg.ru/2015/05/06/krepost.html> (Data obrashcheniya: 10.04.2025) (In Russ.)
6. The First National List of Memorials Commemorating the Anti-Japanese War. Evidences of the Crimes of the Japanese Invasion in Sunwu County (第一批国家级抗战纪念遗址名录: 孙吴县日本侵华罪证陈列馆). www.抗战战斗纪念网 06.07.2015. URL: <http://dnysbwg.cn/?m=home&c=View&a=index&aid=> (Data obrashcheniya: 14.05.2025) (In Chin.)

References

1. Statement of the Soviet Government to the Government of Japan. August 8, 1945. Pravda. 09.08.1945 (In Russ.)
2. Manchurian Strategic Offensive Operation 1945. www.kvrf.org. 08.04.2025 (<http://dnysbwg.cn/?>
7. Eastern Maginot Line (东方马奇诺防线.) <https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%9C%E6%96%B9%E9%A9%AC%E5%A5%87%E8%AF%BA%E9%98%B2%E7%BA%BF/5677121>. www.baike.baidu.com (Data obrashcheniya: 02.05.2025) (in Chin.).

8. Yu Jintao (于锦涛). Field Studies of the "Eastern Maginot Line" (路查 "东方马奇诺防线"). Contemporary Military Reports (当代军事稿). 2005(12):53-54 (In Chin.)
9. The Last Battle of World War II (第二次世界大战最后一战). Zhongguo jiefang bao (中国国防报). 31.08.2023 (In Chin.)
10. Warning from Hutou Fortress (虎头要塞警示录). www.新华每日通讯. 21.09.2023. URL: http://www.news.cn/mrdx/2023-09/21/c_1310742324.htm (Data obrashcheniya: 10.04.2025) (in Chin.)
11. On the 75th Anniversary of the Defeat of Japan. Battle of Hailar. www. polkrf.ru. 18.08.2020. URL: <https://www.polkrf.ru/news/glavnye-sobytiya/k-75-letiyu-razgroma-yaponii-srazenie-za-xailar-3188?ysclid=mal0olfj9w68504733> (Data obrashcheniya: 20.03.2025) (In Russ.)
12. Brief Summary of the Generalized Combat Experience of War of 35 Army of the 1st Far Eastern Front for the period August 9-20, 1945. www. pamiat naroda. 1941-1945. URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=110453028&backurl=q%5CПриказ%20войскам%201%20Дальневосточного%20фронта::use_main_string%5Ctrue::group%5Ccall::types%5Copersvod-ki:rasporyajeniya:otcheti:peregovori:jbd:directivi:prikazi:posnatovleniya:dokladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani_operaciy:karti:shemi:spravki:drugie (Data obrashcheniya: 20.03.2025) (In Russ.)
13. Shi Zhen (史贞). Notes on the Destruction of the "Eastern Maginot Line" Built by Japanese Aggressors in China (侵华日军 "东方马奇诺防线" 覆灭记). Additional training. Primary school (第二课堂 (小学内容)) 2006 (Z1) : 59-60 (In Chin.)
14. The bloody battle for Dongning Fortress (血战之东宁要塞). www. 新浪新闻 18.08.2005. URL: <https://news.sina.com.cn/c/2005-08-18/18207534689.shtml?from=wap> (Data obrashcheniya: 15.04.2025) (in Chin)
15. Gareev M.A. Manchurian strategic offensive operation 1945. New and Modern History. 2005. № 5. S. 3-9
16. Manchurian operation. www. manzhuria.org. URL: <http://manzhuria.org/manchzhurskaya-operatsiya/> (Data obrashcheniya: 20.03.2025) (In Russ.)
17. Heroes of the "Manchurian miracle": Amur Residents will Light Candles in Honor of the End of the Second World War. www. ampravda.ru 02.09.2023. URL: <https://ampravda.ru/2023/09/02/0124071.html?ysclid=maky9ldr3y807799446> (Data obrashcheniya: 20.03.2025) (In Russ.)
18. Kemerov I. On August 8 the Soviet Union Declared War on Japan. www. fishki-net. 08.08.2019. URL: <https://fishki.net/3052584-8-avgusta-1945-goda-sovetskij-sojuz-objavil-voynu-japonii.html> (Data obrashcheniya: 20.03.2025) (In Russ.)
19. Ivanov V.I. In the rear of the Kwantung Army. M.: IDV RAN. 2009. 335 c.

20. Verchenko A.L. 88th Brigade and Soviet-Chinese Interaction: Unity of Purpose and Common Victory // Modern Oriental Studies. 2020. T.2. № 5. С. 62-75
21. Royanov N. Together against fascism. www.soyuzveteranov.ru 04.05.2019. URL: <https://soyuzveteranov.ru/content/vmeste-protiv-fashizma> (Data obrashcheniya: 03.05.2025) (In Russ.)
22. On the border of Primorsky Krai and China a secret underground passage was found. www.sovsekretno.ru. 29.06.2015. URL: <https://www.sovsekretno.ru/news/nagranitse-kitaya-i-rossii-obnaruzhen-shpionskiy-podzemnyy-od/#:~:text=B%20провинции%20Хэйлунцзян%20в%20районе,захватчиков%20в%201930-е%20годы> (Data obrashcheniya: 03.05.2025) (In Russ.)
23. The Mass Grave of Soviet Soldiers in Heihe will Cease to be Nameless. www. RGRU. 06.05.2015. URL: <https://rg.ru/2015/05/06/bereg.html> (Data obrashcheniya: 24.04.2025) (In Russ.)
24. Verchenko A.L. Sovetsko-kitayskoye vzaimodeystviye v period yapono-kitayskoy voyny (1931-1945 gg.) i sokhraneniye istoricheskoy pamyati // Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'. 2020(25): 383-399. (In Russ.) DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10023

Сведения об авторе

Алла Леонидовна Верченко

доктор исторических наук,
Институт Китая и современной Азии РАН,
Москва, Россия
veailan@yahoo.com

Information about the Author

Alla L. Verchenko

Institute of China and Contemporary Asia of
the RAS, Moscow, Russia
veailan@yahoo.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.03.2025.

Одобрена после рецензирования:
02.04.2025.

Принята к публикации: 10.04.2025.

Information about the article

The article was submitted 25.03.2025

Approved after reviewing 02.04.2025

Accepted for publication 10.04.2025

The rivalry between China and the United States in the Latin American region

Соперничество КНР и США в Латиноамериканском регионе

Александр Иванович Лычагин¹,

Дарья Григорьевна Меркулова²,

Егор Петрович Варюхин³

*^{1,2,3}Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского,*

Нижний Новгород, Россия

Автор, ответственный за переписку:

dgmerkulova@mail.ru

¹<https://orcid.org/0000-0002-2983-4557>

²<https://orcid.org/0009-0005-1544-9200>

³<https://orcid.org/0009-0002-2379-298X>

Alexander I. Lychagin¹,

Daria G. Merkulova²,

Egor P. Variukhin³

*^{1,2,3} Nizhny Novgorod State University named after
N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia*

¹ lychagin.a@bk.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-2983-4557>

² dgmerkulova@mail.ru,

<https://orcid.org/0009-0005-1544-9200>

³ egorvaryuhin@yandex.ru,

<https://orcid.org/0009-0002-2379-298X>

УДК 327 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-2-2025-94-103](https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-94-103)

АННОТАЦИЯ

В условиях стремительно меняющегося миропорядка, а также в связи с растущей напряженностью международных отношений, в Латинской Америке сходятся интересы США и КНР. С приходом администрации Дональда Трампа, США намерены исправить ошибки предыдущей администрации, благодаря которой влияние Штатов в регионе снизилось. Трамп намерен продвигать жесткую экономическую политику, в целях привлечения государств в коалицию против КНР. Китай, в свою очередь, рассматривает Латинскую Америку как перспективный регион для выстраивания

ABSTRACT

In the context of a rapidly changing world order, as well as in connection with the growing tension in international relations, the interests of the United States and China converge in Latin America. With the advent of the Donald Trump administration, the United States intends to correct the mistakes of the previous administration, which reduced the influence of the United States in the region. Trump intends to promote a tough economic policy in order to attract states into a coalition against China. China considers Latin America as a promising region for building a multi-vector foreign policy. The article examines the main

многовекторной внешней политики. В статье рассмотрены основные причины заинтересованности ключевых игроков в Иberoамериканском регионе.

Ключевые слова. Китайская Народная Республика, Латинская Америка, США, соперничество, торговые отношения.

Для цитирования: Лычагин А.И., Меркулова Д.Г., Варюхин Е.П., Соперничество КНР и США в Латиноамериканском регионе. *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (2). С. 94-103 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-94-103>

Финансирование: Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ, номер темы FSWR-2025-0003.

В условиях турбулентности международных отношений и меняющегося миропорядка, Латинская Америка — регион, представляющий собой плацдарм соперничества между Китаем и Соединенными Штатами. Латинская Америка обладает значительными запасами минеральных ресурсов, включая нефть, газ, цветные и редкоземельные металлы. Здесь сосредоточены крупнейшие в мире запасы пресной воды и биоресурсов, чье стратегическое значение продолжает расти. Ключевыми игроками региона выступают Мексика, Бразилия, Аргентина, а также Чили. Этим странам удалось достичь значительного успеха в промышленности, машиностроении, развитии ядерной энергетиче-

ских reasons for the interest of key players in the Ibero-American region.

Keywords: Chinese, People, Republic, Latin America, USA, rivalry, trade relations

For citation: Lychagin A.I., Merkulova D.G., Variukhin E.P., The rivalry between China and the United States in the Latin American region. *Modern Oriental Studies*. 2025; Volume 7 (№2). P.94-103 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-94-103>

Funding: The study was carried out within the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, number FSWR-2025-0003

ки и разработке альтернативных источников энергии.

Благодаря ускоренному экономическому росту в начале XXI века латиноамериканским государствам удалось значительно сократить уровень бедности и неграмотности, а также достичь преобладания среднего класса в социальной структуре общества. [1]

Зачастую Латиноамериканский регион относят к концепции «глобального юга». [2] На протяжении веков ресурсы и рабочая сила этого региона эксплуатировались европейскими державами, а позже он оказался заслоненным экономическим и политическим влиянием

Соединенных Штатов. Начиная с конца первой четверти XX века США навязывают свой внешнеполитический курс в Латинской Америки. Ярким примером подобного является доктрина Монро, принятая в декабре 1823 года. Суть доктрины заключалась в том, что Западное полушарие (Северная Америка, Южная Америка и острова Карибского бассейна) объявлялось сферой интересов США. При этом США обещали не вмешиваться в европейские дела. [3]

Этот опыт, отмеченный неравенством и зависимостью, связывает Латинскую Америку с другими регионами Глобального Юга, такими как Африка и Азия. Но ситуация меняется. Устав от старой динамики власти, латиноамериканские страны активно ищут более прочные связи за пределами своих традиционных «задних дворов». Несмотря на то, что США по-прежнему обладают высоким влиянием в регионе, страны упомянутого региона «наводят мосты» с международными группами и восходящими державами, чтобы построить более сбалансированное и независимое будущее. [4]

Такие группы, как БРИКС и Организация Шанхайского сотрудничества (ШОС), привлекли внимание Латинской Америки. К примеру, Бразилия уже давно является активным членом БРИКС, используя эту платформу для защиты интересов развивающихся стран. Кроме того, Куба и Боливия стали государствами-партнерами БРИКС. [5] Также Евразийский экономический союз (ЕАЭС), возглавляемый Россией, начал диалог с такими региональными игроками, как Никарагуа и Куба, — проба сил в тренде меняющихся геополитических тече-

ний. [6] Однако, на сегодняшний день одним из наиболее предпочтительных геополитических и экономических партнёров для стран Латинской Америки является КНР.

После визита президента США Ричарда Никсона в Пекин в 1972 г. Латиноамериканские страны в большинстве признали КНР и коммунистическое правительство Мао Цзэдуна. Однако, развитие многосторонних отношений началось только с 2001 г., со вступлением Пекина во Всемирную торговую организацию, что подтверждается ростом числа визитов высокопоставленных лидеров Китая и стран партнеров Латинской Америки. Таким образом, на сегодняшний день наиболее крупные китайские диаспоры находятся в таких странах как Бразилия, Куба, Парагвай, Перу и Венесуэла. Кроме того, с рядом ключевых партнеров подписаны соглашения о всеобъемлющем стратегическом партнерстве. Помимо вышеперечисленных стран латиноамериканского региона, также стоит отнести Аргентину, Эквадор и Чили. [7]

По достижении стратегических договоренностей, КНР добился поддержки стран региона в соблюдении принципа «одного Китая», закреплённого в «Политическом документе Китая в отношении Латинской Америки и Карибского бассейна». Подписанный в ноябре 2008 г. документ содержит в себе разъяснение внешнеполитических целей Китая в отношении со странами Латинской Америки, а также включает основополагающие принципы сотрудничества в перспективных направлениях и областях на данный период. [7] Подписанный в ноябре 2008 г. документ содержит в себе разъяснение

внешнеполитических целей Китая в отношении со странами Латинской Америки, а также включает основополагающие принципы сотрудничества в перспективных направлениях и областях на данный период.

В 2007 г. Коста-Рика объявила о разрыве дипломатических отношений с Тайванем и признала Китайскую Народную Республику, хотя в том же году правительство Сент-Люсии объявило о восстановлении дипломатических отношений с правительством Китайской Республики (Тайванем) [7]. Однако 12 латиноамериканских стран, признавших суверенитет Тайваня, открыли для них дипломатические каналы и связи, что также способствовало тому, что правительство КНР активизировало свои внешнеполитические усилия чтобы защитить свой статус единственного суверенного представителя Поднебесной и улучшить имидж Китая в мировом сообществе.

Одним из ключевых факторов в отношениях со странами Латинской Америки является стремление КНР изолировать Тайвань. Вследствие того, что Пекин отказывается от дипломатических отношений с игроками, признающими тайваньское правительство и поддерживающими с ними контакты, поддержка острова со стороны стран Латинской Америки сократилась. Тем не менее, наряду со странами карибского бассейна Сент-Китс и Невис, Сент-Люсия и Сент-Винсент, и Гренадины, Белиз, Гватемала, Гаити и Парагвай по-прежнему признают Тайвань.

В 2023 г. Гондурас стал последним, кто перешел «на сторону» Пекина после того, как

Тайбэй отклонил просьбу страны о помощи в развитии инфраструктуры. В том же году парламент Центральной Америки проголосовал за исключение Тайваня из числа постоянных наблюдателей и замену его Китаем. Между тем, эксперты, в частности профессор латиноамериканских исследований Эван Эллис, отмечают, что усиление отношений между Китаем и странами Латинской Америки повышают уровень доверия правительств в Венесуэле, на Кубе, а также Никарагуа, тем самым выступая в качестве «инкубатора популизма». [8]

За последние десятилетия Пекин стал ключевым инвестором и торговым партнером для многих латиноамериканских стран. В период с 2000 по 2018 год инвестиции Китая в местные сырьевые ресурсы достигли 773 миллиарда долларов США [8], включая строительство нефтеперерабатывающих заводов в странах, богатых углем, медью и другими полезными ископаемыми. В более широком плане Китай уделяет особое внимание разработке и строительству «современной инфраструктуры» в Латинской Америке, включая развитие технологий с использованием искусственного интеллекта (умных городов, технологии пятого поколения) [9]. По состоянию на 2024 г. Пекин подписал соглашения о свободной торговле с Чили, Коста — Рикой, Эквадором, Никарагуа и Перу. Переговоры о заключении соглашения с Уругваем провалились из-за противодействия торгового блока МЕРКОСУР.

В Аргентине совместные предприятия осваивают богатые литием Анды, чтобы поставлять батареи для электромобилей —

важнейшей части глобального перехода к «зеленой» энергетике [10]. Чили и Уругвай, обладающие ветровым и солнечным потенциалом, совместно с китайскими компаниями строят станции по производству возобновляемых источников энергии, снижая зависимость от ископаемого топлива [11].

Торговые отношения между Китаем и странами Латинской Америки (в сравнении с США и странами ЕС) также значительно возросла с 14,6 миллиарда долларов (по данным за 2001 г.) до 315 миллиардов долларов (согласно данным за 2020 г.), что в 21,5 раза больше, чем с момента вступления Пекина во Всемирную торговую организацию. [12]

Данное условие позволило Китаю занять второе (после США) место в рамках Латиноамериканского рынка, вытеснив позиции ЕС. Объём торговли достиг рекордного уровня (3,8% составил импорт, в то время как 3,2: составил экспорт), несмотря на экономический спад, вызванный распространением Covid-19. [12] В рамках регионального масштаба, Китай, по мнению экспертов, может опередить США и стать ведущим торговым партнёром стран латиноамериканского региона.

В другом направлении Пекин экспортирует в основном промышленные товары, которые становятся все более наукоемкими. Растущее присутствие китайских компаний в секторе информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в Лаке в сочетании с растущим вниманием Пекина с 2016 г. к «Цифровому шелковому пути» в этом регионе является огромной движущей силой этого экспорта. Несмотря на ри-

торику Пекина о взаимодополняемости торговых партнеров, структура торговли между Китаем и Латинской Америкой характеризуется асимметрией, отражающей структуру отношений Китая со странами, с которыми он наладил экономические связи в других частях мира, что, по мнению экспертов, может привести к повторению динамики «центр-периферия». [13] В начале 2000-х гг. расширение торговли с Пекином принесло некоторым из них экономические и социальные выгоды, в том числе в виде сокращения бедности. Например, экономика Бразилии выросла на 3,3%, а уровень бедности снизился с 13,6% в 2001 г. до 4,9% в 2013 г. [13]

Кроме того, КНР действует в рамках расширения инициативы «Пояса — пути» [14], к которой к настоящему времени уже присоединились двадцать две страны Латинской Америки и Карибского бассейна [14]. К примеру, перуанский Порт Чанкай за счёт инвестиций КНР стал одним из ведущих центров торговли в Тихоокеанском регионе, а также связующим звеном в рамках проекта «Морского Шёлкового пути XXI века», способным конкурировать с крупнейшими портами региона.

Сотрудничество с КНР предлагает альтернативу возглавляемым США институтам, таким как Всемирный банк или МВФ, которые многие в регионе считают устаревшими или предвзятыми. В то же время они отражают более широкую стратегию: использование сотрудничества «Юг-Юг» для решения общих проблем, от изменения климата до технологического неравенства. Кроме того, справедливо отметить, что политика Дональда Трампа положила начало

новому этапу в отношениях США и Латинской Америки, отмеченному как преемственностью, так и изменениями в экономической политике, политике безопасности и дипломатии.

По мнению экспертов аналитического центра E-International Relations, политика внутри самих Штатов станет одним из ключевых аспектов, формирующих последующие дипломатические шаги в их отношениях со странами Латинской Америки. [15] Хотя Трамп заменил NAFTA (Североамериканское соглашение о свободной торговле) на USMCA (Соглашение между Соединенными Штатами, Мексикой и Канадой) во время своего первого президентского срока, его возобновившееся стремление к введению высоких тарифов в отношении Мексики и Канады в начале его второго президентского срока угрожает стабильности торговых отношений в регионе. [15] Тенденция Трампа представлять Латинскую Америку как источник нелегальной миграции и организованной преступности вызывает обеспокоенность у региональных лидеров по поводу последствий такой риторики. Несмотря на масштабную милитаризацию границ, разделение семей и массовые депортации, эти меры не смогли сдержать миграционные потоки. Предложение администрации Трампа признать мексиканские наркокартели террористическими организациями также поднимает важные вопросы о потенциальных последствиях военных вмешательств — приведут ли они к дестабилизации местного и национального климата или к эскалации насилия в городах США.

Такой подход свидетельствует о стратегической корректировке региональных приоритетов, включая санкции в отношении Венесуэлы, взаимодействие с Аргентиной и изменение торговых переговоров с Мексикой и Колумбией, учитывая жёсткую миграционную политику президента США и введение новых торговых тарифов. Латиноамериканский регион, являющийся ключевой геополитической ареной на фоне растущего влияния Китая, имеет важное экономическое и стратегическое значение для США, в свою очередь довлеющих над доступом латиноамериканских стран к международным торговым площадкам, инвестиционными перспективами и региональной стабильностью. По мере того, как администрация укрепляет свою роль в регионе, понимание этой меняющейся динамики имеет решающее значение для формирования будущего межамериканских отношений и их глобальных последствий.

Список литературы

1. Современные международные отношения, 1991–2020 гг.: Европа, Северо-Восточная Азия, Ближний Восток, Латинская Америка: учебник / под ред. Б.Ф. Мартынова, Ю.В. Боровского, О.В. Шишкиной. — Москва: Издательство АСТ, 2021. — с. 633-641.
2. Яковлев Петр Павлович, Глобальный Юг: концептуальные подходы и социально-экономические процессы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalnyy-yug>

- kontseptualnye-podhody-i-sotsialno-ekonomicheskie-protsessy (Дата обращения: 18.03.2025).
3. Шихов В. А. Доктрина Монро: содержание и формирование Принципов // МНИЖ. 2017. №12-2 (66). - с. 120-121. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doktrina-monro-soderzhanie-i-formirovanie-printsipov> (Дата обращения: 27.03.2025).
4. Лавров заявил, что многие страны Латинской Америки стремятся уйти из-под влияния США. / ТАСС. // URL: <https://tass.ru/politika/17555305> (Дата обращения: 18.04.2025).
5. Куба и Боливия официально стали государствами-партнерами БРИКС. / Российская Газета.. // URL: <https://rg.ru/2025/01/02/kuba-i-bolivii-oficialno-stali-gosudarstvami-partnerami-briks.html>(Дата обращения: 17.04.2025).
6. Никарагуа хочет стать наблюдателем в ЕАЭС. / Известия. // URL: <https://iz.ru/1736795/2024-08-02/nikaragua-khochet-stat-nabliudatelem-v-eaesi> (Дата обращения: 27.04.2025).
7. 埃杜阿多·丹尼尔·奥维多, 中国与拉美国关系现实与发展 [Эдуардо Д.Овьедо, Реальное положение по развитию отношений между Китаем и странами Латинской Америки]. / Rosario National University. // URL: https://ri.conicet.gov.ar/bitstream/handle/11336/60827/CONICET_Digital_Nro.3c5a5bae-80ef-4323-921a- (Дата обращения: 27.04.2025). (На кит.)
8. Посол Китая в Бразилии рассказал о ключевых проектах сотрудничества КНР и латиноамериканской страны. / TV BRICS. // URL: <https://tvbrics.com/news/posol-kitaya-v-brazilii-rasskazal-o-klyuchevykh-proektakh-sotrudnichestva-knr-i-latinoamerikanskoj-s/> (Дата обращения: 22.04.2025).
9. 中国巨龙正在拉美地区扩大影响力：这是如何实现的 [Китайский дракон расширяет свое влияние в Латинской Америке: как это достигается?]. / Chinese Aljazeera. // URL: <https://chinese.aljazeera.net/news/political/2024/12/21/%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E5%B7%A8%E9%BE%99%E6%AD%A3%E5%9C%A8>(Дата обращения: 22.04.2025). (На кит.)
10. Китай атакует литиевый рынок Латинской Америки. / Pro Metal. // URL: https://www.prometall.info/analitika/china/kitay_atakuet_litievyy_rynok_latinskoj_ameriki (Дата обращения: 26.04.2025).
11. 习近平的拉美情缘 [Незрывная связь Си Цзиньпина с Латинской Америкой]. / Министерство Юстиции КНР. // URL: <https://www.moj.gov.cn/pub/sfbgw/gwxw/ttxw/202411/t202411> (Дата обращения: 16.04.2025). (На кит.)
12. S. Wintgens, China's footprint in Latin America. / European Institute for Security Studies. // 15 September 2022. — Электронный ресурс. URL: <https://www.iss.europa.eu/publications/briefs/chinas-footprint-latin-america> (Дата обращения: 16.04.2025).

13. D.Roy, China's Growing Influence in Latin America. / Council on Foreign relations. // URL: <https://www.cfr.org/backgrounders/china-influence-latin-america-argentina-brazil-venezuela-security-energy-bri> (Дата обращения: 16.04.2025).
14. 中国与拉美共建“一带一路”: 进展、挑战及前景展望 [Китай и Латинская Америка совместно строят "Пояс и путь": прогресс, вызовы и перспективы]. / Chinese International cooperation center. // URL: <https://www.icc.org.cn/publications/policies/2307.html> (Дата обращения: 16.04.2025). (На кит.)
15. Monroe Reinterpreted: Trump 2.0's Contemporary Approach to Latin America. / E-International Relations. // URL: <https://www.e-ir.info/2025/04/08/monroe-reinterpreted-trump-2-0s-contemporary-approach-to-latin-america/> (Дата обращения: 20.04.2025).
- (국가보훈부 공식블로그) 2020. <https://blog.naver.com/mpvalove/222053993143> (accessed: 21.08.2024) (In Kor.)
3. Nam Aeri. (남애리) The Formation of Women's Troop. (여군 창설) National Archives of the Ministry of Interior and Safety. (행정안전부 국가기록원) 2016. <https://theme.archives.go.kr/next/koreaOfRecord/femaleSoldier.do> (accessed: 21.08.2024) (In Kor.)
4. Kim Ellim. (김엘림) The Participation of Women in the Korean War 6.25 and Their Combat Experience: A Feminist Security Theory Approach. (전쟁기 여성의 참전과 그들의 전쟁 경험: 페미니스트 안보연구의 접근) Master's Thesis. (석사 학위논문) Seoul National University. (서울대학교) 2021. 236 p. <https://s-space.snu.ac.kr/bit-stream/10371/177376/1/000000168335.pdf> (accessed: 21.08.2024) (In Kor.)

References

1. Girls Who Joined the War... Meeting the Women Who Participated in Combat. (전쟁에 뛰어든 소녀들... 참전 여군을 만나다) KBS News. (KBS뉴스) 2020. <https://news.kbs.co.kr/news/pc/view/view.do?ncd=4479624> (accessed: 21.08.2024) (In Kor.)
2. Heroes to Remember: Women Who Participated in the Korean War 6.25. (기억해야 할 영웅, 6.25 전쟁 참전 여군) Official Blog of the Ministry of Patriots and Veterans Affairs.
5. Jin Hye Min. (진혜민) Forgotten Heroines – “Women Combatants”... Veterans Hide Their Participation Dues to the Prejudice that They Are “Too Strong”. (잊혀진 영웅 ‘참전 여군’... “기 세다” 편견에 참전 사실 쉬쉬) Women's Newspaper. (여성신문) 2021. <http://www.womennews.co.kr/news/articleView.html?idxno=213025> (accessed: 21.08.2024) (In Kor.)
6. Lee I. The Korean War and the Role of Women. The Review of Korean Studies. 2006;

9(2). P. 89-110.

7. Jeong Ui Jeon. (정의전) Women Soldiers Who Fought Without Military Numbers or Weapons: "To Survive, You Had to Go Through It" [70th Anniversary of the Korean War]. (국번도 총도 없이 싸운 여군 "살려면 돌아라도 들어야지" [한국전쟁 70주년]) Hankyung. (한경) 2020. <https://www.hankyung.com/article/202006155864i> (accessed: 21.08.2024) (In Kor.)
8. [70 Years Since the Korean War 6.25] "Cried at Night, Learned Combat Skills During the Day" – Female Soldier Chang Wo Sun, Who Endured the Entire War ([6.25전쟁 70년] "밤엔 울고 낮엔 총검술" 전장 누빈 여군 장원순) Yonhap News. (연합뉴스) 2020. <https://www.yna.co.kr/view/AKR20200611135400052> (accessed: 21.08.2024) (In Kor.)
9. Choi Sang Ho. (최상호) History of Women Soldiers' Participation in the Korean War 6.25. (6.25전쟁 여군 참전사) Seoul: Research Institute of Military History Ministry of National Defense. 2012. 498 p. (In Kor.)
10. Kim Sang Tae. (김상태) The Participation of Women in the Korean War 6.25. (6.25 전쟁시 여성의 참전활동) Region and Culture. (지역문화) 2018. <https://ncms.nculture.org/korean-war/story/4173> (accessed: 21.08.2024) (In Kor.)
11. Kim Song Yeong. (김성영) The Achievements of Women Participants in the Korean War 6.25 and National Security. (6.25 참전 여군의

활약상과 국가안보) Tongkwon. (통권) 2010; 9 (2). P. 41-69. (In Kor.)

Сведения об авторах

Александр Иванович Лычагин,

доктор исторических наук,
заведующий кафедрой восточных языков
и лингвокультурологии Нижегородского
государственного университета им. Н.И.
Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.
E-mail: lychagin.a@bk.ru

Дарья Григорьевна Меркулова,

ассистент кафедры восточных языков
и лингвокультурологии
Нижегородского государственного уни-
верситета им. Н.И. Лобачевского, млад-
ший научный сотрудник Агентства науч-
ных исследований и информации
«Лобачевский» ННГУ им. Н.И. Лобачевско-
го, Нижний Новгород, Россия.
E-mail: dgmerkulova@mail.ru

Егор Петрович Варюхин,

кафедра истории и теории международ-
ных отношений
Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского, Ниж-
ний Новгород, Россия.
E-mail: egorvaryuhin@yandex.ru

Information about the Authors

Aleksandr I. Lychagin, Doctor of History, Head of Oriental Languages Department of Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: lychagin.a@bk.ru

Darya G. Merkulova, Assistant of the Department of Oriental Languages of Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Junior Researcher at the Lobachevsky Scientific Research and Information Agency of the Lobachevsky National Research University, Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: dgmerkulova@mail.ru

Egor P. Variukhin, Department of History and Theory of International Relations of Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: egorvaryuhin@yandex.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.03.2025.

Одобрена после рецензирования: 02.04.2025.

Принята к публикации: 10.04.2025.

Information about the article

The article was submitted 25.03.2025

Approved after reviewing 02.04.2025

Accepted for publication 10.04.2025

The Problem of Social Inequality in the Republic of Korea in 20th-21st Centuries

Проблема социального неравенства в Республике Корея в XX-XXI вв.

¹Хренов Валентин Валерьевич,

²Орлова Ангелина Сергеевна

Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

Автор, ответственный за переписку:

val-khrenov@yandex.ru

¹<https://orcid.org/0000-0001-7632-6056>

²<https://orcid.org/0009-0000-9094-8345>

¹Valentin V. Khrenov,

²Angelina S. Orlova

Ural Federal University named after the First
President of Russia B. N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia

Corresponding author:

val-khrenov@yandex.ru

¹<https://orcid.org/0000-0001-7632-6056>

²<https://orcid.org/0009-0000-9094-8345>

УДК 94 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-23-2025-104-119](https://doi.org/10.24412/2686-9675-23-2025-104-119)

АННОТАЦИЯ

Предметом исследования является процесс изменения социально-экономической структуры Республики Корея в различных сферах жизни через призму социального неравенства.

Актуальность темы данной статьи определяется тем, что Республика Корея сталкивается с серьезными вызовами, связанным с возросшим уровнем социального неравенства. Социальное неравенство проявляется не только в материальной сфере, а преследует южнокорейцев на протяжении всей жизни во всех ее проявлениях. Многие страны, где сейчас неравенство достигает высокого уровня, уже сталкиваются с кризисом в различных секторах экономики. Несмотря на позитивный образ Республики Корея, который большинство из

ABSTRACT

The subject of the study is the process of changing the socio-economic structure of the Republic of Korea in various spheres of life through the prism of social inequality. The relevance of the topic of this article is determined by the fact that the Republic of Korea is facing serious challenges related to the increased level of social inequality. Social inequality is manifested not only in the material sphere but also haunts South Koreans throughout their lives in all its manifestations. Many countries where inequality is currently at a high level are already facing a crisis in various sectors of the economy. Despite the positive image of the Republic of Korea, which most of us perceive through the prism of popular culture, the Korean wave, and many examples of the successful

нас воспринимают сквозь призму массовой культуры, корейской волны и множество примеров успешного развития высокотехнологичной экономики этой страны, можно увидеть явные диспропорции как в экономическом развитии, так и благосостоянии граждан. Поэтому данная проблема в контексте развития Южной Кореи нуждается в дальнейшем исследовании.

Новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении проблемы социального неравенства в Республике Корея. Был проведен анализ основных факторов формирования и роста социального неравенства.

Ключевые слова. Социальное неравенство, южнокорейское общество, социальные проблемы, социальная дискриминация, Республика Корея

Для цитирования: Хренов В.В., Орлова А.С. Проблема социального неравенства в Республике Корея в XX-XXI вв. *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (2). С. 104–119 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-104-119>

Республика Корея стала одной из тех стран мира, которые показали пример форсированного экономического роста, проведя масштабные реформы в различных сферах жизни. Эта страна примечательна тем, что буквально за столетия она смогла выйти из списка самых бедных государств на планете, повысив уровень жизни населения. Такой прорыв в развитии часто называют «корейским чудом»,

development of the country's high-tech economy, one can see clear imbalances in both economic development and the well-being of citizens. Therefore, this problem in the context of South Korea's development needs further investigation.

Keywords. Social inequality, South Korean society, social problems, social discrimination, Republic of Korea

For citation: Khrenov V.V., Orlova A.S. The Problem of Social Inequality in the Republic of Korea in 20th-21st centuries. *Modern Oriental Studies*. 2025; Volume 7 (№2). P.104-119 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-104-119>

ведь уже в конце XX в. Республика Корея вошла в число самых быстро развивающихся стран мира. Однако по мере экономического роста многие страны сталкиваются с такой проблемой, как социальное неравенство по самым разным показателям, и Южная Корея, включенная в глобальную экономическую систему, здесь не стала исключением.

Одним из важнейших аспектов неравенства является неравенство экономическое, которое представляет собой явление, когда экономические единицы, то есть частные лица, целые домохозяйства, компании и т.д., распределяются по уровню доходов в результате изменений в их внутренней и внешней среде. Различие экономического положения определяется разными возможностями, уровнем образования и здоровья. Из-за неравенства, превышающего допустимые пределы, возникает опасность возникновения социальной напряженности, что перерастает в конфликты как на уровне народа, так и на уровне государства.

Самым базовым и общепринятым показателем распределения доходов во всех странах мира является коэффициент Джини. Чем он выше, тем больше разрыв между доходами самых богатых и самых бедных людей страны. Он может колебаться от 0 до 1, но также часто выражается в процентах. Так, для Республики Корея индекс Джини на 2023 г. составляет 35,4% [Gini coefficient by country 2023], что примерно равно индексу таких стран, как Австралия, Япония, Канада, Италия, Пакистан, Судан и т. д. Таким образом, данный коэффициент не имеет ничего общего с уровнем развития экономики страны, потому что страны с высоким доходом и страны с низким доходом могут иметь примерно одинаковые показатели.

Принято считать, что самой важной точкой отсчета, которая послужила резкому росту социального неравенства в Республике Корея, стал финансовый экономический кризис 1997–1998 гг., который затронул все страны Азиат-

ского региона, в особенности Южную Корею, из-за тесной взаимосвязи между южнокорейской воной и американским долларом. Однако, прежде чем перейти к анализу влияния кризисных проявлений на всю социально-экономическую структуру страны, необходимо исследовать более ранние проявления социальной поляризации на Корейском полуострове, т. е. рассмотреть социальную структуру периода Чосон (1392–1897 гг.) и найти корни современного южнокорейского неравенства в чосонской сословной системе.

Общество Чосон было обществом строгой социальной иерархии и сословий. У людей были разные социальные роли в зависимости от того, к какому сословию они принадлежали, к тому же между ними существовала «высокая стена», которую ни при каких условиях нельзя было преодолеть. Каждый человек старался довольствоваться тем, кем он является и что имеет.

Социальный статус в раннем Чосоне был представлен двумя основными категориями: янмин и чхонмин. Янмин соревновались за долгосрочные правительственные посты, более высокий статус в обществе, поддержание своего лучшего происхождения из поколения в поколение. Со временем сформировался исключительный правящий класс, поскольку янмин стали делиться на несколько классов. В итоге появились янбан, которые служили в бюрократических структурах государства в качестве гражданских или военных чиновников. Позже появилось сословие чунин, что означает «средние люди», которые занимали должности мелких

чиновников или хорошо обученных квалифицированных рабочих. Остальные же янмин приобрели статус простых свободных людей. Чхонмин, в свою очередь, были самым низшим социальным сословием в Корее, а позднее появилось понятие «ноби». Ноби — это обычные крестьяне, которые составляли порядка 30% от общей численности населения во времена династии Чосон [Юн Джи Ен]. Ноби могли быть куплены, проданы или подарены как движимое имущество, и их статус передавался по наследству. Некоторые южнокорейские исследователи утверждают, что ноби были настолько важны как личная собственность, что их можно сравнить с недвижимостью в современной Корее [Reiw Ho-seon]. Их использовали как рабочую силу в сельском хозяйстве. Так, в одной благородной семье число ноби могло достигать 1 тыс. человек [Юн Джи Ен].

Конфуцианское учение стало главной идеологией государства Чосон, а обучение, согласно конфуцианским нормам, являлось основой для социального продвижения. Янбаны высшего сословия учредили различные экзамены (как гражданские, так и военные), бюрократические учреждения и разработали подробные правила, ограничивающие доступ представителей низших классов к образованию и сдаче экзаменов на чиновничью должность соответственно. В Кодексе законов Чосон говорится: «Право сдавать экзамены на высшие гражданские и военные должности предоставляется всем янмин, за исключением преступников, лишенных права занимать государственные должности, сыновей лиц, из-за которых государство понесло финансовые потери, сыновей

женщин, которые повторно вышли замуж или прелюбодействовали, а также сыновей наложниц» [Reiw Ho-seon].

Однако уже в поздний период Чосон, по сравнению со средним периодом, простым людям и крестьянам стало уделяться больше внимания со стороны государства, они перестали быть настолько угнетенной частью общества. Происходило это потому, что экономическая мощь янбан постепенно стала снижаться. Классовый порядок и дискриминация сильно пошатнулись. Так, например, ноби могли сбежать от своих хозяев и начать более свободное существование. К тому же профессия стала более важным фактором статуса, чем социальное сословие. Однако случаи перехода на более высокую ступень социальной иерархии даже тогда были нечастыми. Напротив, многие янмин, которые столкнулись с финансовыми трудностями в конце периода Чосон, продавали себя в личное пользование в качестве ноби.

Безусловно, такая социальная система периода Чосон значительно отличается от социальной системы современной Южной Кореи, однако те черты, которые были ей присущи, формируют не только облик сегодняшней Республики Корея, но и отношения внутри различных социальных групп, будь то семья, школа или рабочий коллектив. Конфуцианство сыграло в данном случае решающую роль — четко определенная иерархия, большие трудности в процессе социальной мобильности, наследственность социального статуса и привилегий по сей день являются тем, что поддерживает растущее социальное неравенство в Республике Корея. И неравенство заключается не только

в разном уровне доходов, но еще и в дискриминации, притеснении со стороны власть имущих, страхом перед тем, кто стоит выше по должности и т. д. Об этом пишут и сами корейцы, вспоминая атмосферу, в которой им приходится работать: «Когда вы читаете о ноби в период Чосон, то невольно на ум приходят трудящиеся нашего нынешнего общества. Конечно, современные люди не порабощены, они работают в гораздо лучших условиях, чем в прошлом. Однако суть работы не изменилась: сейчас работники, как и ноби в эпоху Чосон, буквально получили свои жизни от своих работодателей» [Юн Джи Ен].

Таким образом, истоки социального неравенства в южнокорейском обществе лежат в социальной структуре периода Чосон. Конечно, нынешнее социальное неравенство, которое имеет место быть в Южной Корее, является гораздо более комплексным понятием, чем сословия периода Чосон, однако его принципы развития с четкой социальной иерархией заложены в основу современного государства.

Переходя к анализу того, как социальное неравенство начало проявлять себя в разных сферах жизни современного южнокорейского общества, следует отметить несколько ключевых аспектов экономики вскоре после образования отдельного государства на юге Корейского полуострова. Ориентация производства на отрасли легкой промышленности и феноменальный рост наряду с высокой конкурентоспособностью отечественных товаров в 1960-х гг. сменились в 1970-х гг. усилением мощи знаменитых сегодня на весь мир финансово-промышленных конгломератов чеболь. Ставка

была сделана на тяжелую промышленность. Около пятидесяти чеболь производили почти половину ВВП страны [Иванов, С. 67], что способствовало институционализации коррупции. Для 1980-х гг. характерен быстрый рост производства в области высоких технологий, экспортоориентированность, а также предоставление работодателем гарантии пожизненного найма своим работникам, трудившимся за не очень высокую заработную плату. Наконец, в 1990-е гг. развитие экономики Южной Кореи перешло из стадии индустриализации в стадию модернизации и неолиберализации [Иванов, С. 68], когда финансовые рынки и рынки труда получили больше свободы, а корейские компании стали ориентироваться в своем развитии на глобальный рынок.

До этих пор Республика Корея, несмотря на свой быстрый экономический рост, была одной из немногих развивающихся стран Азии с относительно равномерным распределением доходов. Так, в период с 1965 по 1993 гг. не наблюдалось существенных изменений в распределении расходов населения [Lee Hyun-hoon, P. 4], при этом доходы всех групп населения росли примерно одинаковыми темпами: у 90% беднейших слоев населения темпы роста заработной платы были такими же, как и у представителей верхушки [Koo Ha-gen, P. 11]. Распределение доходов меняется вместе с уровнем безработицы, а в течение 20 лет, предшествовавших Азиатскому финансовому кризису 1997-1998 гг., уровень безработицы в Республике Корея был очень низким по сравнению с другими странами, что и объясняет низкий индекс неравенства [Kang Seog-hoon,

Р. 23]. Более равномерному распределению доходов также способствовало развитие начального и среднего образования.

Придя к власти в 1987 году, администрация Президента Ро Дэ У приняла закон о минимальной заработной плате и внедрила национальную пенсионную программу для работников частного сектора. В свою очередь, правительство Президента Ким Ён Сама ввело систему социального страхования по безработице и распространило введенную ранее пенсионную программу на фермеров и рыбаков [Lee Hyun-hoon, P. 12]. Тем самым можно говорить о достаточном внимании государства к распределению доходов и проблеме бедности.

Событием, которое стало отправной точкой усиления социального неравенства, стал Азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг., когда произошло стремительное падение производства, финансовая инфраструктура ослабла, а многие крупные компании обанкротились (из 30 крупнейших финансово-промышленных групп перестали существовать 11) [Ким, С. 183]. В рамках политики Международного валютного фонда, направленной на стабилизацию валютного курса, процентные ставки были резко повышены более чем на 10%, и, как следствие, число банкротств предприятий всего за один месяц (с ноября по декабрь 1997 г.) возросло с 1469 до 3197, а ВВП страны упал на 5,8% в 1998 г. после роста на 5% в 1997 г. [Kwang Soo-cheong, P. 40]. Тогда правительство Республики Корея вынуждено обратиться в Международный валютный фонд для стабилизации экономической ситуации, однако для получения помощи

стране пришлось пойти на проведение структурных экономических реформ [Ан Чхунён].

Большинство потерявших работу во время кризиса были работниками финансового сектора, так как именно он пострадал больше всего – множество банков оказались за гранью финансирования, поэтому мелкие банки были объединены в более крупные, а некоторые просто обанкротились и перестали функционировать. Кризис безусловно отразился и на заработной плате работников: среднегодовая зарплата, которая увеличилась на 11,9% в 1996 г. снизилась на 2,5% в 1998 г., однако уже в 1999 г. уровень зарплат увеличился на 12% [Kwang Soo-cheong, P. 43].

Несмотря на серьезные последствия кризиса, южнокорейская экономика оправилась от потрясений за относительно небольшой период времени. Исследователи называют это явление «V-образным восстановлением». Признаки экономического подъема были очевидны уже в середине 1998 г., когда восстановилось частное потребление домашних хозяйств, а инвестиции в основной капитал набирали прежние обороты. ВВП и средняя заработная плата начали расти, уровень безработицы и количество банкротств снижались в течение 1999 г. вслед за снижением процентных ставок во второй половине 1998 г. [Kang Seog-hoon, P. 25]. Правительство Республики Корея сыграло отнюдь не последнюю роль в восстановлении экономики страны. Так, был осуществлен ряд антикризисных мер и политических реформ в финансовой системе, корпоративном секторе, на рынке труда, системе социальной защиты

и государственном регулировании экономики. Прежде всего, правительство страны расширило участие государственного бюджета в экономическом развитии.

Однако даже несмотря на общее улучшение, южнокорейская экономика не смогла приобрести докризисный облик. Социальное неравенство не только увеличилось в численном выражении, но существенно изменилась и его структура по причине активного вовлечения страны в глобальное экономическое пространство. После кризиса произошло множество структурных сдвигов в занятости корейского населения. Так, в Южной Корее все более четко стала прослеживаться социальная поляризация: множество представителей среднего класса столкнулись со снижением зарплат, поэтому стали переходить в разряд бедного населения, постоянные работники переводились на неполную занятость, что способствовало притоку иностранных рабочих.

После финансового кризиса доля доходов среднего класса существенно снизилась как по абсолютной величине, так и по отношению к богатым, при этом значительно снизившись по отношению к бедным. Так, в 1999 г. самые богатые домохозяйства стали примерно в 10,3 раза богаче самых бедных групп населения, при этом они увеличили свои доходы в 6,7 раза по сравнению с докризисными временами [Kwang Soo-cheong, P. 50]. Однако показательно то, что уровень расходов на потребление товаров и услуг как богатыми, так и бедными после финансового кризиса не изменился при одновременном росте уровня доходов населения. Это

послужило причиной для еще большей концентрации капитала в руках самой богатой части населения страны.

Кроме того, на ухудшение распределения доходов повлияли не только экономические факторы, но и демографические сдвиги в 2000-х гг., такие как снижение рождаемости из-за переориентации большого количества женщин на получение образования и профессиональную карьеру, старение населения, уменьшение количества людей, желающих работать в сфере промышленности.

Неравенство доходов, с которым сталкивается пожилое население Южной Кореи, является более серьезным, чем в любой другой возрастной группе. Так, по оценкам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) 2020 г. уровень бедности среди людей старше 65 лет был равен 0,4 или 40% [Poverty rate]. Хотя он несколько меньше показателя 2013 г. — 48,1% [Ku In-hoe, P.684], данный показатель остается самым высоким среди всех стран, входящих в ОЭСР. По данным бюджетного управления Национального собрания, общий объем резервов Национальной пенсионной службы достигнет нуля уже в 2054 году, при том, что число получателей национальных пенсий, вероятно, продолжит увеличиваться, а количество налогоплательщиков, наоборот, будет неуклонно уменьшаться [Jung Suk-yee]. При этом уровень занятости среди пожилого населения остается на достаточно высоком уровне, и по состоянию на 2022 г. этот показатель для людей в возрасте 65–69 лет в Южной Корее составил 50,4%, что было вторым по величине

показателем среди членов ОЭСР после Японии (50,9%) [Каждый второй человек в возрасте 76 лет...]. Можно только догадываться о том, насколько низко оплачивается труд пожилых людей в Южной Корее, если они, даже работая, остаются самой бедной частью населения.

К тому же, доля пожилых людей, живущих самостоятельно, выросла с 36,8% в 1995 году до 58,2% в 2015 г. [Ku In-hoe, P. 686]. Это важный показатель, потому что в прошлом финансовая поддержка пожилых людей рассматривалась как моральная обязанность взрослых детей. Несмотря на то, что в современной Южной Корее проживание детей с их пожилыми родителями помогает вторым преодолеть порог бедности, сегодня многие корейцы считают, что ответственность за поддержку пожилых людей должна быть разделена между правительством, семьей и самими пожилыми людьми. Очень резкий скачок в статистике доли граждан, считающих, что семьи должны оказывать поддержку пожилым людям, произошел около 10 лет назад: доля снизилась с 89,9% в 1998 году до 31,7% в 2014 году [Ku In-hoe, P. 686]. Это вызвано тем, что самим детям пожилых родителей иногда самим удается с большим трудом справляться с финансовыми проблемами, к тому же многие стараются переезжать ближе к столичному региону и в сам Сеул, где больше рабочих мест, чем в провинциях, из-за чего они не могут часто навещать своих родителей.

Численность экономически активного населения по состоянию на апрель 2024 г. от 15 лет и старше в Республике Корея составляет

29,06 млн чел, что равно 64% от общей численности населения данной возрастной группы, а экономически активного населения, которое не занято на работе, всего 3,1%. Этот показатель достаточно положительный и коррелирует со снижением уровня безработицы до 2,4% [Общая численность экономически активного населения]. Однако не все так однозначно, поскольку в Южной Корее наблюдается дефицит рабочей силы в важнейших отраслях производства, который компенсируется притоком мигрантов.

Еще одной проблемой, показывающей растущее социальное неравенство после кризиса 1997–1998 гг., стало несправедливое перераспределение собственности, в частности недвижимости. По состоянию на 2006 г. 1% наиболее обеспеченных жителей страны имели в своем распоряжении 51,5% всех частных земель [Ким, С. 183].

Во время Азиатского финансового кризиса владельцы малого бизнеса серьезно пострадали от резкого повышения процентных ставок и сокращения потребительского спроса. Так, в период с декабря 1997 г. по июнь 1998 г. число работодателей сферы малого бизнеса, в чьих компаниях трудилось менее пяти человек, сократилось с 13,5% до 1,42%. Но число самозанятых лиц увеличилось с 4,3 млн в июне 1997 г. до 4,5 млн в июне 1999 г., так как многие из ранее уволенных работников решили открыть свой малый бизнес. Многие белые воротнички и управленческие работники, которые были уволены, не нашли альтернатив на рынке труда и решили начать новое дело, зачастую

практически не имея опыта ведения бизнеса. В основном эти самозанятые уходили в пищевое производство, открывая самые разные виды закусочных, в которых конкуренция была чрезвычайно высокой, поскольку жители Южной Кореи все чаще стали питаться вне дома. Многие из тех, кто начал свой небольшой стартап, потерпели неудачу и потеряли огромные сбережения, изначально предназначенные для выхода на пенсию [Нуриева, С.154]. В свою очередь чеболь в постоянно захватывали сектор малого бизнеса: рестораны и бары, супермаркеты и предприятия сферы услуг все чаще переходили под контроль огромных сетевых магазинов, управляемых крупными компаниями. Естественно, что в таких рыночных условиях процент банкротств стал очень высоким, а уровень доходов самозанятых — очень низким. Согласно национальной статистике Республики Корея, начиная с 2000 г. более половины открываемых малых предприятий становятся банкротами в течение трех лет после открытия [Koo Ha-gen, P. 11].

Финансовый кризис дал возможность не очень состоятельным людям страны увеличить свой капитал, а в некоторых случаях даже стать на одну из самых высших ступеней социальной стратификации. Малоимущие же слои населения, столкнулись с еще большей нехваткой средств к существованию. Некоторое улучшение ситуации произошло в 2009 г., когда рост доходов бедных по темпам превысил рост доходов богатых. С 2009 по 2010 гг. доходы самых бедных слоев населения увеличились примерно на 8%, в то время как рост доходов самых богатых был ниже и составил примерно 5,5%.

Однако снижение неравенства в доходах носило временный характер и было возможно благодаря проекту «Надежда и работа», который был реализован в 2009-2010 гг. и способствовал созданию рабочих мест для людей с низким уровнем дохода [Lee Hae-young, P. 99].

Средний показатель располагаемого дохода среднего класса (включающий в себя социальные льготы, такие как пенсии и субсидии) за последние 10 лет увеличился и в 2023 г. 61,1% южнокорейцев относились к среднему классу. При этом стоит отметить, что Статистическое управление Республики Корея к среднему классу относит людей, зарабатывающих от 50 до 150 процентов среднего дохода страны [Lee Sang-ryeol]. Поскольку средний ежемесячный доход семьи из четырех человек в 2022 г. составлял 5,3 млн вон, то семьи, чей доход составляет от 2,7 до 7,9 млн вон в месяц, можно считать относящимися к среднему классу. Однако многие корейцы не согласны с таким определением среднего класса, потому что немалую роль здесь играют субъективные факторы. Ведь нижняя граница дохода среднего класса в 2,7 млн вон лишь незначительно превышает минимальную заработную плату в 1,8 млн вон в месяц, поэтому такой уровень дохода не позволяет человеку чувствовать свою экономическую стабильность. Именно поэтому согласно опросу, проведенному в 2022 г., 45,6% представителей среднего класса на самом деле считали себя бедными [Lee Sang-ryeol].

Финансовые проблемы простых людей и компаний малого и среднего бизнеса остаются актуальными и по сей день. Корейские домохозяйства сейчас сталкиваются с рекордным

уровнем долгов [Kwang Soo-cheong, P. 54]. Люди в возрасте от 30 до 40 лет являются наиболее уязвимой группой из-за многочисленных ипотечных кредитов, которые могут в итоге привести к жилищному кризису, что в свою очередь может стать причиной увеличения числа бездомных людей.

Показательно и то, как разные категории населения говорят о бедности. По результатам опроса, 20–40-летние считают, что люди сталкиваются с бедностью из-за недостатка усилий (30% опрошенных) и из-за тех внешних факторов, которые препятствуют улучшению благосостояния (другие 30%). А вот люди старше 50 лет посчитали именно недостаток усилий главной причиной бедности (40%), а за то, что к бедности приводит внешняя среда, проголосовали всего 20% из них. Согласно ответам состоятельных людей получается, что, если в 1993 г. 70% богатых считали именно собственные усилия и способности в качестве обязательного условия благосостояния, то в 2019 г. 57% посчитали, что именно семейное происхождение влияет на хорошую безбедную жизнь [Восприятие бедности, 1990–1923]. Но здесь не все так однозначно, поскольку в Южной Корее очень высока конкуренция за лучшее место в жизни, и чтобы выйти из бедственного положения не всегда достаточно быть умным и иметь хорошее образование. Так в Сеуле был проведен опрос общественного мнения относительно реалистичности фильма «Паразиты». Все говорили о том, что фильм хоть и насыщен странными поворотами событий, все же показывает Южную Корею такой, какая она есть. Один из респондентов высказался: «Я не ду-

маю, что все события, происходившие в фильме, точно передают корейскую реальность, но то, что фильм отражает, социальные проблемы, это правда. Социальная стратификация между экономическими классами существует. И я сам осознаю и чувствую эти разделения и разграничения. Я думаю, что существует недостаток во взаимодействии между различными социально-экономическими классами. Я считаю, что они даже не пытаются понять друг друга» [Koreans react to the movie Parasite]. И то, что они действительно не всегда могут понять друг друга, подтверждает 57% богатых, считающих, что успех равен только приложенным усилиям, опровергая существование других вышеупомянутых факторов.

Помимо экономического неравенства, население Республики Корея подвергается различным видам социальной дискриминации. Например, по национальному признаку. Так, статья 37 Конституции страны гласит, что «свободы и права граждан не могут не соблюдаться на основании того, что они не перечислены в Конституции» [Конституция Республики Корея]. Использование такого рода терминов можно наблюдать в тексте всей Конституции, когда упоминаются не все люди, а только граждане. Говоря о статусе иностранных граждан, в пункте 2 статьи 6 закреплено: «государство гарантирует, что иностранным гражданам будет предоставлен статус, установленный международным правом и международными соглашениями» [Конституция Республики Корея]. Казалось бы, что такие законодательные нормы вполне соответствуют развитому демократическому обществу, а Южную

Корею действительно можно считать государством социальным. Однако приведенные выше нормативные акты не всегда отражают реальность, так как в этой стране национальная дискриминация остается насущной проблемой.

Даже если не делать акцент на иностранных гражданах, дискриминации подвергаются и сами корейцы. Так, так называемые «чхинильпха», т.е. корейцы, которые работали в японской колониальной администрации и занимавшие должности в госаппарате Японской империи в колониальный период, повсеместно отвергаются обществом, а само слово «чхинильпха» носит негативный оттенок [Павлова, С. 122].

Конечно, как и в большинстве современных государств, в Республике Корея запрещена дискриминация человека в политической, экономической, социальной или культурной сферах в связи с его принадлежностью к определенному гендеру (статья 11 пункт 1) [Конституция Республики Корея]. Утверждается, что женщины имеют равные возможности с мужчинами, однако в Корее все еще сильно влияние конфуцианства, которое сформировало облик всех сфер жизни общества и многие ценности южнокорейцев. Причем такие конфуцианские ценности оказались сильно искаженными и потерявшими сквозь века свой прежний благой смысл, превознеся права мужчин выше прав женщин. По этой причине зачастую происходят случаи, показывающие, что дискриминация по половому признаку имеет место быть в корейском обществе.

Таким образом, корейское общество всегда характеризовалось сильной социально-

экономической поляризацией — еще во времена Чосон на Корейском полуострове большую роль начало играть конфуцианство в качестве главной государственной идеологии. Благодаря конфуцианским ценностям традиционная культура до сих пор проявляется во всех сферах жизни южнокорейского общества. Превосходство мужчин над женщинами, руководителей над подчиненными играют гораздо большую роль, чем в других странах, что еще больше усиливает рост социального неравенства в тех условиях, с которыми сталкивается Южная Корея. Такое неравенство в Республике Корея хорошо заметно именно в неравенстве экономическом, которое означает наличие разных возможностей для получения дохода и накопления активов для определенных категорий населения. Особенно быстро рост экономического неравенства произошел после финансового кризиса 1997–1998 гг., когда множество предприятий вынуждены были закрыться из-за банкротств, а огромное число людей были уволены с прежнего места работы.

Конец XX в. ознаменовался глобальной перестройкой в структуре общества и экономики страны. Усиленная поляризация внутри среднего класса, разрыв в уровне экономических возможностей для молодежи 1970-х гг. и молодежи 2000-х гг., а соответственно рост бедности и безработицы среди экономически активного населения страны привели к такому экономическому неравенству, о котором мало кто мог задумываться в годы «экономического чуда» Республики Корея. Новые структурные изменения еще больше закрепили превосходство огромных финансово-промышленных

групп и других фирм крупного бизнеса над малыми и средними предприятиями, тем самым усилив поляризацию работников чеболей и сотрудников небольших компаний, что выражается не только в разном уровне заработной платы, но и в разном доступе к экономическим благам, качественному здравоохранению, несоизмеримых возможностях в накоплении капитала и обеспечении лучшей жизни для будущих поколений.

Кроме того, социальное неравенство настолько сильно влияет на самих южнокорейцев, что с его ростом происходит непринятие одних людей другими. Это проявляется, прежде всего, в недоверии со стороны состоятельных южнокорейцев к тем, кому приходится каждый день бороться за то, чтобы получить хотя бы минимальные возможности для накопления капитала. Подобные случаи нередки среди тех людей, которые еще в докризисные времена получили большие возможности для улучшения собственного благосостояния и которым повезло остаться на прежнем рабочем месте. Однако такие люди отказываются учитывать факт глобальных изменений в социально-экономической структуре Южной Кореи, продолжая верить лишь в усердный труд, который решает все.

Список литературы

1. Gini coefficient by country 2023. *World Population Review*. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/gini-coefficient-by-country> (accessed 05.11.2024).
2. Юн Джи Ен (윤지연). Современное общество напоминает систему сословий прошлого (과거의 신분제를 닮은 현대사회.). *Газета женского университета Токсон* (덕성여대신문). 2024. URL: <https://www.dspress.org/news/articleView.html?idxno=5524> (дата обращения 05.03.2025). (на кор. яз.).
3. Reiw Ho-seon. Joseon society and the social class system. *National Museum of Korea*. URL: <https://webzine.museum.go.kr/eng/sub.html?amIdx=15453> (accessed 15.03.2025).
4. Иванов Д. В. По следам «тигра»: анализ траекторий социальных изменений в Южной Корее. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. № 1. 2013. С. 64–80.
5. Lee Hyun-hoon, Lee Min-soo, Park Dong-hyun. Growth policy and inequality in developing Asia: lesson from Korea. *ERIA Discussion paper series*. 2012. 33 p.
6. Koo Ha-gen. Rising inequality and shifting class boundaries in South Korea in the neo-liberal era. *Journal of Contemporary Asia*. № 1. 2021. P. 1–19.
7. Kang Seog-hoon. Globalization and income inequality in Korea: an overview. *FDI, Human capital and education in developing countries: technical meeting, 13–14 December 2001*. Paris, 2001. 38 p.
8. Ким Х. К. Корея. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. № 3 (42). 2013. С. 181–185.
9. Kwang Soo-cheong. Economic crisis and

- income inequality in Korea. *Asian economic journal*. 2011. P. 39–60.
10. Ан Чхунён. Рынок тигра: как Южной Кореи удалось построить успешную экономику. *Проектно-учебная лаборатория экономической журналистики*. URL: <https://economics.hse.ru/ecjourn/news/567538869.html> (дата обращения 22.03.2025).
11. Poverty rate. URL: <https://data.oecd.org/inequality/poverty-rate.htm#indicator-chart> (accessed 14.02.2025).
12. Ku In-hoe, Kim Chang-o. Decomposition analyses of the trend in poverty among older adults: the case of South Korea. *Journals of Gerontology: Social Sciences*. № 3. 2018. P. 684–693.
13. Jung Suk-ye. South Korea's Elderly Poverty Rate Highest in OECD. *Business Korea*. 2019. URL: <http://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html?idxno=38882> (accessed 25.01.2025).
14. Каждый второй человек в возрасте 76 лет и старше является «бедным». Уровень бедности среди пожилых снова на первом месте в ОЭСР (76세 이상 2명 중 1명은 '가난'. 노인 빈곤율 또 OECD 1위). *KBS 뉴스 (Новостной портал KBS)*. 2023 URL: <https://news.kbs.co.kr/news/pc/view/view.do?ncd=7845224> (дата обращения 22.02.2025). (на кор. яз.).
15. Общая численность экономически активного населения (연령별 경제활동인구 총괄). *Корейская служба статистической информации KOSIS (KOSIS)*. URL: https://kosis.kr/statHtml/statHtml.do?orgId=101&tblId=DT_1DA7002S&conn_path=I2 (дата обращения 21.02.2025). (на кор. яз.).
16. Нуриева А. Р., Буланова А. А. Изменение уровня неравенства в Южной Кореи в эпоху глобализации. *Современные востоковедческие исследования*. Т.2. № 3. 2020. С. 152–159.
17. Lee Hae-young, Kim Jong-sung, Cin Beom-cheol. Empirical analysis on the determinants of income inequality in Korea. *International journal of advanced science and technology*. 2013. P. 95–110.
18. Lee Sang-ryeol. The shaky Korean middle class. *Korea JoongAng Daily*. 2023. URL: <https://goo.su/5je33I> (accessed 25.02.2025).
19. Восприятие бедности, 1990–2023 (빈곤에 대한 인식, 1990–2023). *Институт общественного мнения Гэллуп (한국갤럽조사연구소)*. 2023. URL: <https://www.gallup.co.kr/gallupdb/reportContent.asp?seqNo=1418> (дата обращения 20.01.2025). (на кор. яз.).
20. Koreans react to the movie Parasite. Street interview. *YouTube*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FoTuKQVUFQQ> (accessed 07.05.2024).
21. Конституция Республики Корея. URL: <https://vseokoree.com/vse-o-koree/zakony-i-normativnye-pravovye-akty/konstituciya->

respubliki-koreya?

ysclid=impshumbua518151981 (дата обращения 07.03.2025).

23. Павлова К. В. Конституционное законодательство Японии и Республики Корея как источник и фактор преодоления социального неравенства. *Неравенство как историческая, социальная, политическая проблема*. № 1. 2011. С. 115–126.

References

1. Gini coefficient by country 2023. *World Population Review*. <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/gini-coefficient-by-country> (accessed 05.11.2024).
2. Yoon Ji-yeon. Modern society resembles the system of estates of the past. *Deoksung Yeodae Shinmun*. 2024. <https://www.dspress.org/news/articleView.html?idxno=5524> (accessed 05.03.2025). (In Korean)
3. Reiw Ho-seon. Joseon society and the social class system. *National Museum of Korea*. <https://webzine.museum.go.kr/eng/sub.html?amIdx=15453> (accessed 15.03.2025).
4. Ivanov D. V. In the footsteps of the "tiger": an analysis of the ways of social change in South Korea. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*. 2013. No.1, pp. 64–80. (In Russ.)
5. Lee Hyun-hoon, Lee Min-soo, Park Dong-hyun. Growth policy and inequality in developing Asia: lesson from Korea. *ERIA Discussion paper series*, 2012, 33 p.
6. Koo Ha-gen. Rising inequality and shifting class boundaries in South Korea in the neo-liberal era. *Journal of Contemporary Asia*. 2021. No. 1, pp. 1–19.
7. Kang Seog-hoon. Globalization and income inequality in Korea: an overview. *FDI, Human capital and education in developing countries: technical meeting, 13–14 December 2001*. Paris, 2001, 38 p.
8. Kim H. K. Korea. *Vestnik mezhdunarodnykh organizacij: obrazovanie, nauka, novaja jekonomika*. 2013. No. 3 (42), pp. 181–185. (In Russ.)
9. Kwang Soo-cheong. Economic crisis and income inequality in Korea. *Asian economic journal*, 2011, pp. 39–60.
10. Ahn Chun-yeon. The Tiger's Leap: how South Korea managed to build a successful economy. *Proektno-uchebnaja laboratorija jekonomicheskoy zhurnalistiki*. <https://economics.hse.ru/ecjourn/news/567538869.html> (accessed 22.03.2025). (In Russ.)
11. Poverty rate. <https://data.oecd.org/inequality/poverty-rate.htm#indicator-chart> (accessed 14.02.2025).
12. Ku In-hoe, Kim Chang-o. Decomposition analyses of the trend in poverty among older adults: the case of South Korea. *Journals of Gerontology: Social Sciences*. 2018. No. 3, pp. 684–693.
13. Jung Suk-ye. South Korea's Elderly Poverty Rate Highest in OECD. *Business Korea*. 2019.

- <http://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html?idxno=38882> (accessed 25.01.2025).
14. Every second person aged 76 and over is "poor." The poverty rate among the elderly is back in first place in the OECD. *KBS News*. 2023. <https://news.kbs.co.kr/news/pc/view/view.do?ncd=7845224> (accessed 22.02.2025). (In Korean)
 15. Total number of economically active population. *KOSIS*. https://kosis.kr/statHtml/statHtml.do?orgId=101&tblId=DT_1DA7002S&conn_path=I2 (accessed 21.02.2025). (In Korean)
 16. Nurieva A.R., Bulanova A.A. Changes of inequality in South Korea in the age of globalization. *Modern Oriental Studies*. 2020. Vol. 2. No. 3, pp. 152–159. (In Russ.)
 17. Lee Hae-young, Kim Jong-sung, Cin Beom-cheol. Empirical analysis on the determinants of income inequality in Korea. *International journal of advanced science and technology*. 2013, pp. 95–110.
 18. Lee Sang-ryeol. The shaky Korean middle class. *Korea JoongAng Daily*. 2023. <https://goo.su/5je33I> (accessed 25.02.2025).
 19. Perception of poverty, 1990-2023. *Hangook Gallup Josa Yeonguso*. <https://www.gallup.co.kr/gallupdb/reportContent.asp?seqNo=1418> (accessed 20.01.2025). (In Korean)
 20. Koreans react to the movie Parasite. Street interview. *YouTube*. <https://www.youtube.com/watch?v=FoTuKQVUFQQ> (accessed 07.05.2024).
 21. The Constitution of the Republic of Korea. <https://vseokoree.com/vse-o-koree/zakony-i-normativnye-pravovye-akty/konstituciya-respubliki-koreya?ysclid=impshumbua518151981> (accessed 07.03.2025). (In Russ.)
 22. Pavlova K. V. Constitutional legislation of Japan and the Republic of Korea as a source and factor of overcoming social inequality. *Neravenstvo kak istoricheskaja, social'naja, politicheskaja problema*. 2011. No. 1, pp. 115–126 (In Russ.)

Сведения об авторах

Хренов Валентин Валерьевич,

Кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

E-mail: val-khrenov@yandex.ru

Орлова Ангелина Сергеевна,

Востоковед-переводчик

ООО «Ресторанный центр»

620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 25

E-mail: orelina712@gmail.com

Information about the Authors

Khrenov Valentin Valeryevich

PhD in History, Associate Professor, Chair

of Oriental Studies

Ural Federal University named after the First

President of Russia B. N. Yeltsin

51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia

E-mail: val-khrenov@yandex.ru

Orlova Angelina Sergeyevna

Orientalist-Interpreter

“Restaurant Center” Ltd

25, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia

E-mail: orelina712@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.03.2025.

Одобрена после рецензирования: 02.04.2025.

Принята к публикации: 10.04.2025.

Information about the article

The article was submitted 25.03.2025

Approved after reviewing 02.04.2025

Accepted for publication 10.04.2025

Traditional spiritual and moral values as a factor of mutual understanding between President Xi and President Trump

Традиционные духовно-нравственные ценности как фактор взаимопонимания между председателем КНР Си Цзинпином и президентом США Дональдом Трампом

Лычагин Александр Иванович

*Нижегородский государственный научно-
исследовательский университет*

им.Н.И. Лобачевского, Россия

Автор, ответственный за переписку:

kaf.vostok@mail.ru

Aleksandr I. Lychagin

*Nizhny Novgorod State Scientific Research University
named after N.I. Lobachevsky, Russia*

Corresponding author:

kaf.vostok@mail.ru

УДК 327 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-2-2025-120-127](https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-120-127)

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются духовно-нравственные ценности КНР и США. Анализируется «поворот Трампа» от неолиберальных таковых к традиционным, и перспективы влияния радикальной смены вектора внутренней политики Америки на китайско-американские отношения. Хронологические рамки работы определяются периодом с 2016 г. по 2025 г. Нижняя граница обусловлена началом первой президентской каденции Дональда Трампа. Верхняя — началом второго срока пребывания последнего на посту президента США.

На примере существенно отличной от внутренней политики демократов, в лице президентов Барака Обамы (2008-2016 гг.) и Джозефа Байдена (2020-2024гг.) внутренней политики Д.Трампа, анализируется влияние возврата

ABSTRACT

The article examines the spiritual and moral values of China and the United States. The article analyzes Trump's "turn" from neoliberal to traditional ones, and the prospects for the impact of a radical change in the vector of America's domestic policy on Sino-American relations. The chronological scope of the work is determined by the period from 2016 to 2025. The lower limit is determined by the beginning of the first presidential cadence of Donald Trump. The upper one is the beginning of the latter's second term as president of the United States. Using the example of D. Trump's domestic policy, which is significantly different from the domestic policy of the Democrats, represented by Presidents Barack Obama (2008-2016) and Joseph Biden (2020-2024), the impact of the return of the political elites of the

политических элит Соединенных Штатов Америки к традиционным духовно-нравственным ценностям на китайско-американские отношения.

Источниковая база представлена, главным образом, публикациями и выступлениями глав упомянутых государств.

Ключевые слова. Китайская Народная республика, Соединенные Штаты Америки, мировоззрение, визиты, противостояние, пролив, дипломатия.

Для цитирования: Лычагин А.И. Традиционные духовно-нравственные ценности как фактор взаимопонимания между председателем КНР Си Цзинпином и президентом США Дональдом Трампом. *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (2). С. 120–127 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-120-127>

Очевидно, что исходя как из заявлений, так и вполне конкретных действий, а также из опыта первой каденции, возвращение президента Дональда Трампа в Белый Дом несет Китаю снижение градуса конфронтации в части принципиального невмешательства новоизбранного лидера во внутреннюю политику КНР.

Нынешний, куда более радикальный внутривластный разворот, дает китайскому руководству все основания надеяться на последовательность президента Трампа этом, крайне болезненном для Коммунистической партии Китая вопросе.

United States of America to traditional spiritual and moral values on Sino-American relations is analyzed. The source base is mainly represented by publications and speeches of the heads of the mentioned States. Keywords. Chinese People's Republic

Keywords. People's Republic of China, United States of America, worldview, visits, confrontation, strait, diplomacy.

For citation: Lychagin A.I. The rivalry between China and the United States in the Latin American region. *Modern Oriental Studies*. 2025; Volume 7 (№2). P.120-127 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-120-127>

В качестве плохого, в контексте двусторонних отношений примера, можно привести переговоры 18 марта 2021 в Анкоридже (штат Аляска США) между Государственным секретарем США Энтони Блинкеном и министром иностранных дел КНР Ван И. Таковые не принесли никакого конструктива, именно по причине оскорбительного для китайской стороны вмешательства американского визави во внутренние дела Китая. А именно, будировании ситуации с правами человека в Гонконге, Синьцзянь-Уйгурском автономном районе и Тибете. [1] Незамедлительная отповедь главе американского Foreign Office со стороны китайского

коллеги моментально накалила отношения и, уже в самом начале встречи стало очевидным, что ожидать позитивного результата вряд ли стоит. Понятно, что руководители дипломатических ведомств обозначают и отстаивают принципиальную позицию в том или ином вопросе главы государства их уполномочившего.

Здесь важно учитывать две составляющие. Собственное мировоззрение президента Соединенных Штатов Америки и дипломатию. Одно дело являться ортодоксом консервативных ценностей и приносить это в дипломатический дискурс, не обременяя себя лукавством. (А, чем весомее политический деятель, тем сложнее ему мимикрировать.) Другое дело — говорить то, что думаешь, в чем убежден и непоколебим. Разумеется, идеология «свободного общества», представителем которой является республиканец Дональд Трамп и коммунистическая (в чем есть большие сомнения применительно к нынешнему Китаю) идеология есть вещи весьма и весьма далекие, более того — противоборствующие. Впрочем, эта вчерашняя данность сегодня претерпевает существенную трансформацию. Дело в том, что наряду с коммунистической, в современном китайском ее понимании, идеологией (в отличие от периода Культурной революции — компания критики Конфуция и Линь Бяо) таковая сегодня спокойно уживается с учением античного философа и государственного деятеля Конфуция. Традиционные, конфуцианские морально-нравственные ценности служат прочным идеологическим фундаментом нынешней государственности КНР. Конфуцианская модель общества, берущая начало в глубокой

древности и по сей день является нарративом морально-нравственных устоев ханьцев. И одной из составляющих такового понимания является принципиальное неприятие интернационализма. Напротив, великоханьский национализм, провозглашенный еще приснопамятным Сунь Ят-сеном и вполне уживающийся с конфуцианством, является приоритетным в самоидентификации жителей Поднебесной, вкупе с иными традиционными ценностями. Не только благосклонное отношение к мигрантам-иждивенцам, как к легальным, так и нелегальным, но и нетрадиционная сексуальная ориентация, трансгендеры и прочие отклонения от общепринятых норм – все это не только порицается, но и преследуется в административном и уголовном порядке. Негры и прочие цветные фактически являются людьми второго сорта, причем как на материке, так и на острове.

Следует констатировать, что само понятие «национализм» трактуется в выгодном для всякого интересанта понимании. Например, японский и германский национализм вековой давности — принято считать шовинизмом в крайне радикальной его форме. А китайский национализм, в контексте «освобождения от неравноправных договоров» [2] и японской агрессии — есть необходимое благо. Однако, совершенно очевидно, что если бы Китайская республика воевала во Второй Мировой войне на стороне гитлеровской коалиции, то и национализм Суня трактовался бы диаметрально иначе. В нашем случае, великоханьский нарратив представал как безусловно допустимое, более того, единственно возможное и самое эффективное средство борьбы с иноземным угнетением.

В силу политкорректности в целом, и итогов Второй Мировой войны в частности, вспоминать о «неравноправных договорах» заключенных во второй половине 19-го – начале 20-го века Цинской империей с одной стороны и европейскими государствами (включая Россию), а также Соединенными Штатами с другой, как-то не принято. Осталась на слуху только японская оккупация. Принцип национализма при этом никак не пострадал.

На сегодняшний день в этом плане мало что изменилось. Инициатива «Пояс- путь», декларирует (но, конечно же, не предполагает на самом деле) «сообщество интересов...на основе взаимной выгоды и совместного выигрыша» и даже построения «сообщества единой судьбы человечества» [3]. Ученый из КНР Чен Хунцзе отметил, что «Инициатива «Пояс — путь» не будет подразумевать взаимодействия путем учреждения наднациональной управляющей структуры» [4]. Но это уже что-то из области ненаучной фантастики. Априори, все потенциальные участники этой инициативы не могут преуспеть. Выигрывает, если выигрыш вообще возможен, лишь тот, кто вкладывает деньги и устанавливает правила. Очевидно, что бенефициаром как экономическим, так и политическим, должен стать Китай. Возможно, и кто-то еще, но в несравнимо меньшей степени. А кто-то может утратить суверенитет. Опять же, в большей или меньшей степени. «Пояс и путь» — очередная версия панasiatства, но уже не под эгидой Японии, а Китая. То есть, все тот же великоханьский национализм, но в максимальной политкорректной обертке.

В этом аспекте идеология Дональда Трампа в основе своей принципиально не отличается от китайского внутреннего мироустройства.

Теперь, что касается свободы вообще и либерализма в частности. Примечательно, что сторонники либеральных ценностей преподносят таковые как некую константу безотносительно ко времени. Это выгодно носителям подобной идеологии. Очень удобно не замечать колоссальную разницу в сегодняшних повседневных реалиях и тем, каковыми они были, скажем, полвека назад. Не говоря уже о более продолжительном временном лаге. Особенно удобно не замечать, что происходит вне элитного района некоей европейской столицы, который напичкан электроникой и полицейскими и мигранты, и прочие нежелательные социальные группы, преимущественно криминальные, туда не вхожи. Это совершенно разные общества. Степень свободы зашкаливает. Особенно для незваных гостей, которые, ничтоже сумняшеся, живут за счет «хозяев» и преступают права своих благодетелей во всем и повсюду. Это и многое, многое другое, противное традиционным христианским и общечеловеческим ценностям активно культивируется. Что это, как не безрассудное расширение прав и свобод, явно выходящее за рамки западных конституций? Свобода, неизбежно ограничиваемая правом - первостепенным атрибутом государственности, превратилась в злокачественную опухоль, которую уже невозможно лечить «терапевтическими» методами. И это не преувеличение. При этом мигранты едут и едут, и размножаются не в пример коренному населению. Проблема в том, что «хирургия»,

это гражданская война. Никак не меньше. И эти самые европейские элиты прекрасно это понимают, но оставляют «в наследство» будущим поколениям. «После нас хоть потоп».

Именно в этом нежелании должным образом исполнять свои обязанности и потакательстве цветным агрессивным тунеядцам прямо и без обиняков обвинил правящие элиты Европейского Союза вице-президент США Джей Ди Вэнс в своей мюнхенской речи.[5]

В этом смысле стремление Дональда Трампа пресечь нелегальную и сократить легальную миграции, и в целом вернуться к традиционным ценностям, схожи с ситуацией в Китае, где всегда (за исключением периода маоистского правления) господствовали традиционные мировоззрения. При этом Китай никогда не являлся, и не является страной, притягивающей иммигрантские потоки.

Интересно, что по мнению господина Трампа и его администрации, равно как и руководства Коммунистической партии Китая во главе с ее Генеральным секретарем, радикальные исламисты представляют наибольшую угрозу безопасности упомянутых стран. С той лишь разницей, что в то время как последние, проживающие в Синьцзяне, Тибете и Гонконге исповедуют сепаратизм и ведут вооруженную борьбу с правительством, их единомышленники в США не стремятся отделиться от материальных благ свободного мира, но ставят целью нанести максимально возможный вред любому проявлению этой удобной для них свободы, этому образу жизни, не говоря уже о внешней политике Америки, как сосредоточию грехов-

ности, в их понимании добра и зла.

Упомянутые Тибетский автономный район, равно как и соседний Синьцзян-уйгурский (с аналогичной формой государственного устройства) унитарной Китайской Народной Республики, традиционно далеки как от коммунистической идеологии, так и от конфуцианских морально-этических норм. Большинство населения этих китайских регионов (в отличие от граждан острова Сянган (Гонконг)) не являются этническими ханьцами, что усугубляет неприязнь уже на межэтническом уровне и усиливает стремление вновь обрести независимость. Видимо еще и потому, что таковая была утрачена сравнительно недавно — в 1949-м, 1950-м годах. В обоих случаях речь идет не о географической дислокации проблемы и не о коренном населении. Не о ханьцах, собственно китайцах, составляющих 92% населения Поднебесной. Таким образом экзистенциальные проблемы для партии и моноэтнического государства создают чужеродные этносы, которые, в подавляющем большинстве своем стремятся к «самоопределению, вплоть до отделения» [6], чего китайские коммунисты никогда не допустят. Формально провозглашенные автономии Синьцзяна и Тибета не более чем фигура речи, вернее политического дискурса, причем, главным образом для внешнего потребления.

Что касается Соединенных Штатов, то автор считает, что подавляющее большинство американских традиционалистов (консерваторов) во главе с Дональдом Трампом придерживаются той точки зрения, что пресловутый «melting pot» [7] уже «переварил» в общем

и целом все необходимые и достойные США ингредиенты-нации, и если и нуждается еще в ком-либо, так это исключительно в «высоколобых» интеллектуалах и, по возможности, белых.

Изначально иммигранты, — инициативные, трудолюбивые и энергичных людей (зачастую с криминальным прошлым) не удовлетворенные возможностями на своей Родине, где верховодили тесно переплетенные и взаимодополняющие друг друга аристократия и потомственные богачи. Эти люди приехали на малозаселенные первобытные этносы — индейцами землю, избавились от них (в основном уничтожая и создавая резервации), затем освободились от колониальной зависимости от Британской империи, и построили к середине 20-го века самое мощное в мире государство. Реализуя при этом уже собственную колониальную политику. То есть, эти кривотолпы были прежде всего созидать и отстаивать ими созданное. И это были белые европейцы. Сегодняшние цветные-нелегалы рвутся в благополучную страну чтобы «сидеть на вэлфере» [8] и требовать его увеличения.

Свобода, как известно, есть осознанная необходимость. И она должна иметь ограничение. Легализованное властями ряда стран употребление так называемых легких наркотиков неизбежно сопровождается и ослаблением борьбы с наркопреступностью в целом. Где грань между допустимой и недопустимой наркоманией? Почему в стране, где культивируется верховенство закона президент Байден до оглашения судом приговора за непредумышленное убийство полицейским преступника-рецидивиста Джорджа Флойда осуждает

Дерека Шовина? И последнему выносят приговор — 22,5 лет лишения свободы. Это приговор суда? Нет, конечно. Далеко не всегда за умышленное убийство суды приговаривают к такому сроку. Очевидно, что это политическое решение, дабы умаслить чернокожих и предотвратить беспорядки, в коих полиция ограничивается водометами и слезоточивым газом, либо просто бездействует. Так из американского магазина реально можно открыто выносить товар не расплатившись, т.е. грабить, на сумму не более \$1.000. Но только неграм. Теперь в США расизм, наоборот. Очевидно, что протрампиистским элитам «не по душе» перманентное расширение таковых «свобод», приведшее к неконтролируемому нашествию нелегалов, засилью трансгендеров и ЛГБТ, отсутствию должной реакции властей всех уровней на негритянскую и прочую «цветную» преступность, включая растущий наркотрафик и тому подобные, ранее просто немыслимые явления.

Изменились Европа и США, вот что важно понимать. Достаточно сказать, что в 1952 году известный британский физик, разгадавший секрет германской «Энигмы», Алан Тьюринг был осужден уголовным судом за гомосексуальную связь. Он не демонстрировал своей нетрадиционной ориентации, а был лишь уличен в таковой. Автор не утверждает, что это хорошо. Речь о том, что степень свободы была другой. Эта свобода не дискриминировала подавляющее большинство членов общества.

Совершенно очевидно, что демонстрация однополых отношений, равно как и любая демонстрация чего-либо, направлена на культивирование образа жизни, идеологии и т.п.

и привлечение новых, преимущественно молодых людей. Не лишне упомянуть, что в этих «безгранично свободных» (для меньшинства) странах и без того демографический кризис.

В середине прошлого века любые кварталы Парижа или Нью-Йорка были доступны и безопасны для обывателей. А сегодня полиции нужно согласовывать с вожаками тамошних банд (состоящих из мигрантов и местных цветных преимущественно) свое появление. И это правовое государство? Это свобода? Это правосудие?

Главный персонаж Шолоховского «Тихого Дона» Григорий Мелехов, не будучи сильно обремененным социально-юридическими знаниями продемонстрировал исчерпывающе правильное понимание свободы: «Земли у нас, хоть заглонишь ею. Воли больше не надо, а то на улицах будут друг дружку резать».[9]

Перманентное расширение прав и свобод, как нечто самим собою разумеющееся превратилось в самоцель либерализма, подобно тому, как наркоману требуется все большая и большая доза. Финал известен. Насильственное отмирание государственности посредством аннигиляции права неизбежно приведет к деградации общества в целом. В этой связи трудно не согласиться с мнением экс.-министра культуры РФ Владимира Мединского, что это Россия соответствует традиционным и общепринятым когда-то в Европе пониманиям прав и свобод, но никак не коллективный Запад, включая США.

Характерны заявления главы министерства эффективности государственного управле-

ния США Илона Маска в этой связи. Вначале о неизбежности вымирания коренного европейского населения и последующей деградации «Старого света», затем о том, что он «потерял» сменившего пол сына, а 06.01.2025 года обвинившего британского премьера Кира Стармера, в том, что тот, будучи генеральным прокурором Великобритании, не возбуждал, как того требовал закон, уголовные дела по фактам «тысяч изнасилований мигрантами британских девушек». Стармер, в свою очередь заявил, что Маск лжет, однако не обратился в суд на предмет защиты чести, достоинства и деловой репутации, а то и с обвинением американского бизнесмена в клевете, что наказуемо уже в уголовном порядке. Это, по меньшей мере странно, если бы Маск лжесвидетельствовал.

В этой связи обвинения в адрес президента Д. Трампа и его сторонников в том, что они представляют угрозу демократии, правам и свободам выглядят по-меньшей мере безосновательными и нелепыми. Предсказуемо, что поскольку критиковать китайские порядки, будучи противниками собственной преступной и аморальной вседозволенности президенту Д. Трампу и его администрации, и просто единомышленникам, а таких большинство в Соединенных Штатах, представляется неправильным и нерациональным, то эта, весьма болезненная для китайской стороны тема вновь, как и в первой каденции Д. Трампа, устранилась из дискурса означенных субъектов. Таким образом, есть основания полагать, что и в целом отношения КНР и США приобретут менее конфронтационный, по крайней мере по форме, характер.

Примечания:

1. США и Китай обмениваются гневными репликами на переговорах на высшем уровне на Аляске. BBC News. 21.03.2021.21.
2. Си Цзинпин. Руководящему составу нужно немного почитать историю//Сюэси шибао. 05.09.2011.С.1.
3. Си Цзиньпин. Совместное строительство Экономического пояса Шелкового пути// Партнерство цивилизаций. 2015. № 1-2. С. 152.
4. Хунцзе Чен. «Экономический Пояс Шелкового пути и Морской Шелковый путь 21-го века» с точки зрения экспертов КНР// Наука и мир.2015. №7(23). С. 184.
5. rbc.ru>politics.14.02.2025.
6. Ленин В.И. О праве наций на самоопределение. Т.30 С.117
7. Плавильный котел. Прим. автора
8. Пособие для малоимущих в США. Прим. автора
9. М. Шолохов. Тихий дон. М. Т.3, Часть 6, глава XX.

Сведения об авторе

Лычагин Александр Иванович,

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой восточных языков и лингвокультурологии Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского,

603022, Нижний Новгород, пр. Гагарина 23

E-mail: kaf.vostok@mail.ru

Information about the author

Aleksandr I. Lychagin,

Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Oriental Languages and Linguoculturology Institute of International Relations and World History of N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University 23 Gagarin Ave., 603022 Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: kaf.vostok@mail.ru,

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.03.2025.

Одобрена после рецензирования: 02.04.2025.

Принята к публикации: 10.04.2025.

Information about the article

The article was submitted 25.03.2025

Approved after reviewing 02.04.2025

Accepted for publication 10.04.2025

Japan's Policy Towards South Korea under the Abe Shinzo administration

Политика Японии в отношении Южной Кореи в период премьерства Синдзо Абэ

Шуплецова Ксения Васильевна

*Институт Китая и современной Азии
Российской академии наук, Москва, Россия*

Автор, ответственный за переписку:

k.shupletsova@iccaras.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1056-4788>

Ksenia V. Shupletsova

*Institute of China and Contemporary Asia of the
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Corresponding author:

k.shupletsova@iccaras.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1056-4788>

УДК 94 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-2025-128-146](https://doi.org/10.24412/2686-9675-2025-128-146)

АННОТАЦИЯ

Статья представляет собой попытку проанализировать внешнеполитическую стратегию кабинетов премьер-министра Абэ Синдзо в отношении Республики Кореи. Для Токио Южная Корея является важным политическим партнером, с которым, однако, не удалось достичь добрососедских отношений. Япония рассматривала Сеул как неотъемлемую составляющую архитектуры безопасности в Восточной Азии и стремилась сохранить баланс сил в регионе.

В период премьерства С. Абэ японо-южнокорейские отношения находились в кризисе как из-за проблем исторической памяти, так и из-за территориальных противоречий. Обе стороны пытались улучшить отношения, поддерживая диалог на высоком уровне, одна-

ABSTRACT

The article represents an attempt to analyze the foreign policy strategy of Prime Minister Abe Shinzo's office towards the Republic of Korea and summarize its achievements in bilateral relations. South Korea was considered by Tokyo as an important political partner, with which, however, it was not possible to achieve good neighborly relations. Japan viewed Seoul as an important component of the region's security architecture and sought to maintain the balance of power in East Asia.

Under Abe administration Japanese-South Korean relations were in crisis due to problems of historical memory and territorial problems. Both sides tried to improve relations by maintaining high-level dialogue, but a clear solution was impossible to achieve due to the different positions of the states. S. Abe sought to overcome the complex of

ко однозначного решения было невозможно достичь в связи с принципиально разными позициями государств. С. Абэ стремился преодолеть комплекс проигравшей войну страны и не считал необходимым возвращаться к вопросу решения старых проблем, однако ему приходилось считаться с мнением партнера для поддержания диалога и стабильности в регионе.

К концу пребывания на должности премьер-министра С.Абэ отношения между государствами находились на самом низком уровне за послевоенный период.

Ключевые слова: внешняя политика Японии, Абэ Синдзо, японо-южнокорейские отношения, безопасность в Восточной Азии, проблемы исторического прошлого.

Для цитирования: Шуплецова К.В. Политика Японии в отношении Южной Кореи в период премьерства Синдзо Абэ. *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (2). С. 128-146 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-128-146>

В период премьерства С. Абэ главной внешнеполитической задачей являлось укрепление позиций Японии в регионе, хотя при условии соседства со стремительно усиливавшимся Китаем это являлось непростой задачей. Составить конкуренцию Китаю Японии, испы-

a country that lost the war and did not consider it necessary to return to the issue of solving old problems, but he had to take into account the opinion of his partner in order to maintain dialogue and stability in the region.

In 2015, consensus was reached on the Ianfu issue, but with the advent of a new government in South Korea, the progress made was almost undone. The crisis in bilateral relations reached its peak and led to the boycott of Japanese goods by Koreans and the removal of South Korea from the favored trade list.

In 2019, the only military agreement with the Republic of Korea, GSOMIA, came under threat of existence, which ran counter to Tokyo's vision of the region's security architecture.

By the end of Prime Minister S. Abe's tenure, relations between states were at their lowest level in the post-war period.

Keywords: Japanese foreign policy, Shinzo Abe, Japanese-South Korean relations, security in East Asia, historical issues.

For citation: Shupletsova K.V. Japan's policy towards South Korea under the Abe Shinzo administration. *Modern Oriental Studies*. 2025; Volume 7 (№2). P. 128-146 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-128-146>

тывавшей экономические трудности после землетрясения в 2011 году и не имеющей полноценной армии, было невозможно, поэтому Токио рассматривал союз с США как возможность сохранения баланса сил в Восточной Азии. Для С. Абэ релевантным являлись сохранение

стабильности в регионе, решение вопросов безопасности в контексте ядерных разработок КНДР и стремительно растущего военного потенциала КНР. Для достижения этих целей японский премьер-министр стремился найти поддержку у другого союзника США в регионе — Республики Кореи.

Тесное соседство Японии и Южной Кореи не стало гарантом дружественных отношений между двумя странами. Несмотря на ряд проблем, которые не были решены в течение нескольких десятилетий, правительства Республики Кореи и Японии уделяли особое внимание сотрудничеству в области безопасности с США. Посредничество США обеспечивало устойчивое взаимодействие Республики Кореи и Японии. Более того, и Япония, и Южная Корея, являясь союзниками Вашингтона, высоко оценивают военное присутствие США в регионе в контексте противостояния с КНР. (Green 2022, 162)

При администрации С. Абэ Республика Корея рассматривалась как государство-сосед, сотрудничество с которым осуществлялось по широкому кругу вопросов: так, предпринимались обсуждения ситуации в КНДР, вопросы построения мира, изменения климата и пр. После запуска баллистических ракет КНДР в 2013 г. в краткие сроки была организована консультация министров иностранных дел Южной Кореи и Японии по данному вопросу, что показывает высокий уровень дипломатического диалога двух стран.

Отношения с Южной Кореей были восстановлены в 1965 году, когда был подписан Базовый договор об отношениях между Япони-

ей и Южной Кореей, и традиционно оставались на низком уровне, несмотря на периодические попытки обоих государств наладить диалог.

В отношениях между Республикой Кореей и Японией сложился ряд проблемных вопросов, которые до сих пор не удалось преодолеть: проблемы исторического прошлого (прежде всего проблема «женщин для утешения» ианфу) и территориальный спор вокруг островов Лианкур (яп. Такэсима, кор. Токто).

Абэ Синдзо был последователен в своей политике по отношению к Южной Корее. Сеул рассматривался как важный политический и экономический партнер и союзник в треугольнике США-Япония-Республика Корея. В то же время позиция Токио по решению вопросов исторического прошлого и территориальной проблемы претерпела мало изменений. С. Абэ считал, что Япония должна побороть комплекс проигравшей войну страны и оставить проблемы прошлого позади. В выстраивании диалога с Сеулом он руководствовался положением, что условия Базового договора урегулировали все вопросы выплат пострадавшим от японского колониального гнета.

В XXI в. Республика Корея показала стремительный экономический рост и укрепление своих позиций на мировой арене. Более не являясь слабым, зависимым экономически государством, Южная Корея почувствовала в себе силы выступить против бывшей метрополии и напомнить Токио о военных преступлениях. Проблемы исторического прошлого стали камнем преткновения в двусторонних отношениях,

которые в итоге привели оба государства-соседа в тупик. (Проблемы исторического прошлого, 89)

В японо-южнокорейском внешнеполитическом диалоге можно выделить две главные темы: проблемы исторического прошлого и проблемы безопасности (прежде всего, формирование архитектуры безопасности, противостоящей растущей мощи КНР и корейской ядерной угрозе).

Проблемы исторического прошлого

С 2010-х гг. в южнокорейском обществе повышается запрос на разрешение проблемы «женщин для утешения» в связи с тем, что южнокорейские внутриполитические силы (как прогрессисты, так и консерваторы) смогли вывести антиколониальный, а следовательно, антияпонский нарратив в массы. (Асмолов, Пугачева 2024, 120) Корейцы требовали компенсаций пострадавшим женщинам и извинений со стороны японского правительства, посчитав принесенные ранее извинения японскими политиками недостаточными.

Антияпонская риторика и оценка колониального прошлого стали лейтмотивом южнокорейской внутренней политики. Различные политические силы выстраивали собственную линию взаимоотношений с Японией на базе исторического прошлого двух стран. Т.н. «антияпонский национализм» стал одним из способов мобилизации и объединения южнокорейского общества, а также привлечения голосов избирателей. (Дьячков 2019, 80)

В 2013 году к власти в Республике Корея пришла Пак Кын Хе. Отличительной чертой ее

внешней политики стали: 1) нежелание вступать в активный диалог с японским правительством в связи с неурегулированными проблемами и 2) стремление к достижению «исторической справедливости», которую требовали южнокорейцы, т.е. выплата компенсаций *ианфу* и раскаяние японского правительства за совершение преступлений в военный период. В отличие от своих предшественников президент Пак ни разу не посетила Японию, и в целом проявляла жесткую позицию в отношении Токио. (Дьячков 2019, 95)

Одной из причин такой позиции Пак Кын Хе называют ее происхождение. Она является дочерью президента-диктатора Пак Чжон Хи, который в 1965 г. несмотря на протесты в стране подписал Базовый договор с Японией, поэтому ей часто приписывали прояпонские взгляды, что было невыгодно для ее политической карьеры, так как в южнокорейском обществе доминировали антияпонские настроения. (Narushige 2014, 24) Также в период до вступления в должность президента Пак Кын Хе подвергалась критике со стороны политических оппонентов за то, что она являлась потомком *чхинильпха* (якобы прояпонски настроенного отца). (Асмолов, Пугачева 2024, 120)

В свою очередь, в японском обществе наблюдались другие тенденции. Японцы стремились к образу «процветающей нации мирового сообщества» (Япония в эпоху..., 299), оправившейся от поражения в войне и ошибок прошлого. Еще в 1990-е годы в японском обществе укрепилось мнение, что послевоенная эпоха закончилась. Высказывалась точка зрения, что

наступило новое время, в котором создаются новые условия для сосуществования государств, когда японская нация и ее соседи должны были бы перешагнуть через факты военных преступлений и не вспоминать о трагических событиях прошлого. (Мори 2018, 129)

С. Абэ придерживался аналогичных взглядов и предпринимал попытку пересмотреть официальную политику «признания вины». Это можно проследить по его выступлениям по случаю окончания Второй мировой войны в 2013-2014 гг., где премьер-министр избегает традиционных выражений, касающихся японской агрессии. С.Абэ стремился не только усилить Японию в военном отношении, но и «перешагнуть» через груз тяжелого прошлого и начать строительство новой Японии. (Батакова 2016, 110) В своем выступлении перед Палатой советников в марте 2014 г. С. Абэ подчеркнул, что разделяет позиции премьер-министра Т. Мураямы¹, которой принес извинения корейскому и китайскому народам, но считает, что проблемы истории должны остаться проблемами, которые решают ученые-историки, а не дипломаты и политики. (Выступление премьер-министра Абэ... 2014) Подобное расхождение взглядов лидеров двух стран неизбежно привело к кризису двусторонних отношений.

Несмотря на неготовность Сеула к диалогу, Япония демонстрировала свое желание

сохранить и даже укрепить диалог с соседним государством. В феврале 2013 г. на инаугурации президента Пак Кын Хе присутствовал японский вице-премьер Асо Таро, который в ходе частной встречи предпринял попытку донести до нового корейского президента позицию Японии по проблемам исторического прошлого. Однако позиция президента Пак осталась непоколебима. (Narushige 2014, 25)

Благодаря посредничеству США президенту РК и премьер-министру Японии удалось встретиться за столом переговоров в марте 2014 г. на полях Саммита по ядерной безопасности в Гааге (Нидерланды). Стороны обсудили северокорейскую проблему и подтвердили важность сотрудничества по этой проблеме. Однако центральным вопросом в японо-южнокорейском диалоге стало урегулирование вопроса женщин для утешения *ианфу*. (Голубая книга по внешней политике 2015)

2015 год сыграл важную роль в истории японо-южнокорейских отношений. Прежде всего в этот год страны отмечали 50-летие со дня установления дипломатических отношений и подписания Базового договора, также в том году отмечалось 70-летие завершения Второй мировой войны, и Сеул ожидал от Токио извинений по этому случаю.

В своем заявлении, опубликованном 14 августа 2015 г., С.Абэ проявил смягчение своей

¹ Премьер-министр Т. Мураяма принес официальные извинения народам Азии за преступления, совершенные в период колониализма, в своей официальной речи на церемонии в честь годовщины окончания войны 15 августа 1995 г. Заявление Т. Мураяма считается наиболее сильным признанием военных преступлений японским правительством, и все последующие японские лидеры выражали свою приверженность данному заявлению.

позиции по вопросу пересмотра оценки прошлого, однако в нем не содержалось прямого признания агрессии и извинений пострадавшим народам, которых ожидали Сеул и Пекин. (Голубая книга по внешней политике 2015)

Пак Кын Хе в своей речи, посвященной освобождению Кореи от японского колониального господства, 15 августа выразила свое разочарование речью японского премьер-министра. Она подчеркнула, что «история не может быть скрыта», и выразила надежду, что японское правительство в ближайшее время решит проблему «женщин для утешения» и будет следовать политике, которую установили кабинеты премьер-министра Т.Мураяма. В заключение она добавила, что надеется на дальнейшее сотрудничество с Японией, имея «правильный взгляд на историю», соответствующий ожиданиям южнокорейцев. (Commemorative address...)

В ноябре 2015 г. состоялся японо-южнокорейский саммит в Сеуле. В первый день состоялась встреча на уровне министров иностранных дел, во второй — встреча на уровне глав государств. Это была первая встреча Пак Кын Хе и С.Абэ без посредников. Помимо обсуждения проблемы ианфу, стороны обсудили сотрудничество в вопросах безопасности, гуманитарных обменов, экономики. (Голубая книга по внешней политике 2016)

В декабре 2015 г. на встрече министров иностранных дел удалось достичь компромисса по проблеме ианфу: японская сторона вновь принесла извинения пострадавшим в период Второй мировой войны женщинам, а Южная

Корея обещала ликвидировать памятник женщинам для утешения перед японским посольством. Оба государства признали, что соглашение является окончательным и необратимым решением проблемы ианфу. (Совместное выступление министров иностранных дел..., 2015) Однако, данное решение столкнулось с критикой со стороны оппозиции как в Республике Корея, так и в Японии. Лидеры государств обвинялись в измене национальным интересам, недостаточном отстаивании позиции своего государства, что привело к замедлению процесса урегулирования вопроса. (Дьячков 2019, 80)

Япония продолжила работу в рамках соглашения, достигнутого в 2015 г. В ноябре 2016 г. был создан «Фонд примирения и исцеления». Но уже в декабре напротив генерального консульства Японии в Пусане был установлен памятник ианфу. Это вызвало недовольство японской стороны, и она выразила требование убрать памятник. (Голубая книга по внешней политике 2016)

Вопрос женщин для утешения стал вопросом международной повестки дня. Памятники ианфу появлялись в разных частях света: Лос-Анджелесе, Сиднее, Сан-Франциско. Это привело к очередному витку напряженности в японо-южнокорейских отношениях, японский МИД отозвал своих дипломатов из Республики Кореи. (Дьячков 2019, 80)

Как отмечает И.В. Дьячков, южнокорейская межпартийная борьба не позволяет прийти к однозначному компромиссу по тому или иному вопросу. Практически любое решение будет подвергаться критике со стороны

оппозиции. В связи с этим, с приходом к власти президента Мун Чжэ Ина в 2018 г. соглашение 2015 г. не было поддержано новым правительством. (Дьячков 2019, 82) Президент Мун поддерживал антияпонский нарратив и был намерен его использовать в развитии северокорейского диалога. (Асмолов, Пугачева 2024, 122)

В январе 2018 г. министр иностранных дел Южной Кореи Кан Гён Хва заявила, что соглашение 2015 г. не отображает «истинной воли пострадавших [от японской колониальной политики в период Второй мировой войны]» и не решает проблемы, существующей в японо-южнокорейских отношениях. Одновременно с этим корейское правительство, в том числе и президент Мун, утверждали, что не отказываются от Соглашения 2015 г. и не требуют возобновления переговоров для решения проблемы. В свою очередь, японское правительство подчеркивало приверженность своим обязательствам, установленным в Соглашении. (Голубая книга по внешней политике 2019)

С. Абэ традиционно стремился поддерживать диалог на высоком уровне: в 2017 г. он встретился с президентом Муном на полях Восточного экономического форума, корейский президент, в свою очередь, в 2018 г. поздравил премьер-министра Абэ с победой ЛДП на выборах. (South Korean leader congratulates) В феврале 2018 г. С.Абэ посетил Пхёнчхан во время Олимпиады. Там он встретился в очередной раз с корейским президентом, где стороны выразили приверженность Соглашению 2015 г. Тем не менее, при администрации Мун Чжэ Ина не уда-

лось избежать дальнейшего обострения проблемы.

В ноябре 2018 г. Министерство по делам женщин и семьи Республики Кореи начало процедуру по расформированию «Фонд примирения и исцеления». В июле 2019 г. Мун Чжэ Ин принял решение закрыть фонд. Договоренности, достигнутые в 2015 г., не исчерпали разногласий сторон в решении исторической проблемы.

В декабре 2018 г. начался новый виток напряженности. В 2018 году Верховный Суд Южной Кореи вынес решения, обязывающие японские компании, такие как Mitsubishi Heavy Industries и Nippon Steel & Sumitomo Metal, выплатить компенсации корейским рабочим, принудительно мобилизованным на производство в колониальный период. В связи с отказом компаний выплачивать компенсации в 2019 г. родственники бывших рабочих подали в южнокорейский суд иск с требованием наложить арест на активы компании. Японский МИД пытался урегулировать вопрос через дипломатические каналы, но безуспешно. (Кистанов 2019, 41)

Осложнялась ситуация также позицией Японии по данному вопросу. МИД Японии считал, что все вопросы были урегулированы в 1965 г. вместе с подписанием Базового договора и более не требуют обсуждений. С. Абэ продолжал придерживаться взглядов, что Японии необходимо избавиться от груза прошлого. Попытки Сеула вернуть Токио к старым проблемам кардинально расходились с японскими представлениями.

В итоге проблемы исторического прошлого привели к состоянию «торговой войны»

между Японией и Южной Кореей летом 2019 г. Южнокорейцы начали бойкот японских товаров и туризма в Японию. (South Korean boycott of Japanese goods...) В ответ Япония объявила о введении экспортных ограничений на поставки в Южную Корею ключевых материалов для производства полупроводников и дисплеев, таких как фоторезисты, фторированный водород и полиимиды под предлогом того, что РК перепродает эти материалы в КНДР. Эти материалы критически важны для высокотехнологичной южнокорейской промышленности, в частности для таких гигантов, как Samsung и SK Hynix, что могло привести к негативным последствиям. (Update of METI's licensing policies...)

Напряженность в японо-южнокорейских отношениях достигла беспрецедентно высокого уровня. Южная Корея в ответ заявила о намерении снизить зависимость от японских технологий, диверсифицировать цепочки поставок и расширить собственное производство. В августе 2019 г. Сеул пригрозил не продлевать «Соглашение об общей безопасности военной информации» (General Security of Military Information Agreement — GSOMIA), в рамках которого две страны осуществляли обмен информацией по вопросам безопасности.

Взаимодействие Японии и Южной Кореи в области безопасности

В 2011 г. министры обороны двух стран Китадзава Т. и Ким Гван Чжин договорились расширить сотрудничество в сфере безопасности. (Итоги встречи министров обороны Япо-

нии и Кореи) Японская сторона поднимала вопрос о заключении соглашения еще в 1989 г., однако не смогла договориться с Южной Кореей о его необходимости. С ростом военного потенциала Пхеньяна вопрос укрепления сотрудничества в области безопасности стал ощущаться более остро.

В 2016 г. было произведено два запуска баллистических ракет Северной Кореей, в связи с чем были в кратчайшие сроки организованы телефонные консультации глав государств и министров иностранных дел двух стран по вопросу обеспечения безопасности. В том же году удалось заключить «Соглашение об общей безопасности военной информации» (GSOMIA).

Соглашение призвано наладить взаимодействие между Токио и Сеулом в рамках обеспечения безопасности в условиях совершенствования КНДР своего потенциала в области ядерного оружия и ракетных технологий и дополнить системы безопасности двух стран. Японский военный бюджет превышал военные расходы Сеула, также Япония обладала высококачественными средствами наблюдения и обнаружения, включая разведывательные спутники, корабельную многофункциональную боевую информационно-управляющую (обменную) систему оповещения о ракетных и воздушных угрозах между судами, систему противоракетной обороны «Иджис».

Обмен данными с Японией, обладающей передовыми возможностями сбора и анализа разведывательной информации, мог бы помочь вооруженным силам Республики Кореи в отслеживании и анализе траекторий северокорей-

ских баллистических ракет и для анализа ядерного потенциала КНДР. Выгодным представлялось Сеулу получение данных о северокорейских подводных лодках, для получения которых у Японии были ресурсы. (Defense White Paper 2016)

В свою очередь, Южная Корея имеет человеческий ресурс для проведения разведки, которого у Японии нет. С тех пор установилась практика срочных телефонных переговоров по вопросам безопасности, регламентируемых GSOMIA. (Голубая книга по внешней политике 2016)

GSOMIA позволяло оперативно получать доступ к необходимым разведывательным данным двух государств и должно было обеспечить устойчивое информационное взаимодействие в условиях северокорейской ядерной угрозы.

К лету 2019 г. (моменту, когда Южная Корея заявила о намерении более не продлевать GSOMIA) было зарегистрировано 29 случаев обмена информацией между Японией и Южной Кореей. Несмотря на то, что Соглашение было направлено на обмен данными о запусках северокорейских ракет, известно, что страны обменивались информацией разного характера в зависимости от ситуации. Однако южнокорейское общество не видело необходимости в Соглашении и считало его неэффективным. (Южная Корея пытается разрушить...) Япония рассматривала GSOMIA как один из механизмов поддержания региональной безопасности, а также как один из столпов «треугольника безопасности» США-Япония-Южная Корея.

Позиция Японии в данном вопросе вторила официальной позиции США, которые были намерены построить «устойчивую структуру безопасности» в Восточной Азии и Индо-Тихоокеанском регионе. В «Стратегии Индо-Тихоокеанского региона» отмечается важность расширения взаимодействия с ключевыми союзниками в ИТР, включая Южную Корею и Японию, в том числе по вопросам сдерживания КНДР, а также в условиях наращивания военного потенциала КНР и России. (Indo-Pacific Strategy Report)

Угрозой стабильности в Восточной Азии, по мнению Токио, также могло стать потепление отношений между Сеулом и Пхеньяном. В апреле 2018 г. стороны подписали «Соглашение о реализации исторической Пханмунджомской декларации в военной сфере», которое стало считаться дипломатическим прорывом в межкорейских отношениях. Также прошел ряд встреч президента США Д. Трампа и главы КНДР Ким Чен Ына. Для Японии это могло открыть возможность значительно продвинуться в развитии диалога с КНДР, как это произошло в межкорейском и американо-северокорейском взаимодействии, однако этого не произошло. С.Абэ не удалось принять активного участия в диалоге с Северной Кореей. Наоборот, у японского правительства возникли опасения, что у Японии и Южной Кореи появятся разные подходы к решению северокорейской проблемы. (Белая книга обороны 2019)

Япония придерживалась теории «баланса сил», и в соперничестве между США и КНР считала верным присоединиться к США для того, чтобы не допустить укрепления

Пекина. В своей речи в аналитическом институте «Центр стратегических и международных исследований» (Center for Strategic and International Studies) в феврале 2013 г. Абэ Синдзо заявил, что Япония не станет «страной второго ранга», тем самым объявив всему миру о своих амбициях как премьер-министра вернуть Японии региональное лидерство и сделать ее второй экономикой мира. Он не забыл упомянуть о необходимости кооперации с США и Южной Кореей для решения северокорейской ядерной проблемы. («Japan is Back», Policy Speech by Prime Minister Shinzo Abe)

В то же время Сеул не проявлял желания укреплять связи с Японией не только из-за проблем исторического прошлого, но и исходя из своих внешнеполитических приоритетов. Южная Корея считала необходимым занять промежуточную позицию между Китаем и США, стремясь сохранить высокий уровень сотрудничества с обеими державами. Стремление Токио занять лидирующую роль в регионе не вызывала симпатии в корейском МИД.

При Пак Кын Хе главной дипломатической задачей являлись гармонизация и развитие союза с США и партнерства с Китаем. Сотрудничество с Японией не являлось приоритетным направлением.

При правительстве Мун Чжэ Ина сотрудничество с Японией также не рассматривалось как стратегическое. Президент Мун предложил «Новую северную политику», подразумевающую укрепление отношений с КНДР и Россией, и «Новую южную политику», целью которой являлось крепкое сотрудничество со странами

ЮВА и более активное включение в Индо-Тихоокеанский регион. Япония вновь не рассматривалась политической элитой Южной Кореи как стратегический партнер, с которым необходимо углублять экономическое и политическое партнерство. (Цой 2022, 171-172)

Для Токио, рассматривающего трехстороннее сотрудничество США-Япония-Южная Корея в качестве важной составляющей архитектуры безопасности региона, нестабильность в военном сотрудничестве между США и Республикой Кореей была крайне нежелательна. Как считалось, это могло бы стать ободрить потенциальных противников — Китай и Северную Корею, которые могли бы расценить это как слабость позиций США в регионе.

Антияпонские настроения развивались в Южной Корее не только из-за колониального прошлого, но из-за растущего военного потенциала Японии. По результатам опроса, проведенном в 2018 г. совместно японской НКО «Genron NPO» и корейским аналитическим центром «Исследовательский институт Восточной Азии», 45% корейцев считали Японию милитаристским государством, 39% — националистическим. (Икэгами 2019, 141-145)

Разговоры о милитаризации Японии были вызваны политикой С.Абэ в сфере безопасности. Прежде всего, японский премьер-министр неоднократно поднимал вопрос о необходимости внесения изменений в конституцию Японии, в частности, 9 статью, которая лишает Японию права на ведение боевых действий как средства решения международных конфликтов. Также в 2016 г. в Японии

вступил в силу пакет законов, который расширил полномочия японских Сил самообороны за рубежом. На протяжении всего премьерского срока С.Абэ наблюдался рост военного бюджета. В совокупности подобная политика японского правительства, получившая название политики «активного пацифизма», трактовалась как наращивание военного потенциала Японии. Республика Корея рассматривала данную политику как часть военной гонки в регионе и видела в этом дестабилизацию безопасности в Северо-Восточной Азии. (Defense White Paper 2014)

С. Абэ был известен своими националистическими взглядами. К обострению отношений с Китаем, Южной Кореей приводили посещение премьер-министром в 2006 и 2013 годах и другими японскими чиновниками синтоистского храма Ясукуни, в котором почитаются души погибших японских воинов, в том числе тех, кто являлись преступниками категории «А» в период Второй мировой войны. Южнокорейское правительство обвинило С.Абэ в историческом ревизионизме и подвергло жесткой критике его действия. (Заявление представителя правительства Южной Кореи....)

Если говорить о территориальной проблеме, то она продолжала оставаться камнем преткновения. В 2018 г. во время Пхёнчханской олимпиады в Южной Корее во время церемонии открытия спортсмены сборных РК и КНДР совместно прошли под флагом единой Кореи, на котором также были изображены о-ва Лианкур, являющиеся спорной территорией. Реакция японского правительства была незамедли-

тельной. Вследствие этого состоялись протестные акции напротив корейского посольства в Токио и японского посольства в Сеуле. Генеральный секретарь Кабинета министров Японии Суга Ёсихидэ выразил сожаление в связи с инцидентом и заявил, что Япония ожидает от южнокорейской стороны подходящее объяснение сложившейся ситуации с учётом законных прав Японии на территорию о-вов Лианкур (яп. Такэсима). Международный олимпийский комитет попросил РК воздержаться от политизации Олимпийских игр, и южнокорейское правительство приняло это, в дальнейшем удалив изображение островов Такэсима на флаге единой Кореи. (Siripala 2018)

Нередко случаются провокации на границе. Южная Корея регулярно проводит военные учения в районе о-вов Лианкур, что вызывает резкое недовольство Японии. Учения военно-морского флота Республики Корея по защите островов сопровождаются ежегодными дипломатическими протестами в адрес Сеула. (Протест против военных учений ВС РК... 2017, 2018, 2019)

В декабре 2018 г. военно-морской патрульный самолет японских Сил самообороны слишком близко подошел к границе Южной Кореи в районе спорных островов Токто/Такэсима, проигнорировав 20 предупреждений со стороны ВМФ РК. Министр обороны Японии Ивая Такэси заявил, что южнокорейский военный патрульный корабль определил координаты для отслеживания самолета Сил Самообороны с помощью радиолокационных станций управления огнем, в то время как самолет не

покидал территории исключительной экономической зоны Японии. Южнокорейское министерство обороны заявило, что японский самолет подошел к их кораблю слишком близко, и им было принято решение опубликовать записи с самолета в подтверждение своих слов. (Takahashi 2019) В январе 2019 г. президент Мун Чжэ Ин заявил, что истребители F-15K провели патрулирование воздушного пространства над спорными островами. (South Korean fighter jets patrol...)

Заключение

Главной внешнеполитической задачей Синдзо Абэ являлось в целом повышение роли Японии в регионе. Для этого он считал необходимым «переступить через прошлое» и выстраивать отношения с соседними государствами, забыв про проблемы исторического прошлого. Однако, это не соответствовало представлениям южнокорейской политической элиты о том, как должны развиваться японо-южнокорейские отношения.

Под давлением внутренних и внешних сил С.Абэ смягчил риторику и пошел на уступки Республике Корея, в итоге в 2015 г. была предпринята попытка урегулирования проблемы *ианфу*. Однако внутривнутриполитические противоречия в Республике Корея впоследствии привели к аннулированию соглашения 2015 г.; японский премьер-министр же сохранил свой внешнеполитический нарратив по отношению к Южной Корее. С.Абэ считал вопросы компенсаций урегулированными и не считал нужным вновь приносить извинения и идти на полити-

ческие уступки, что привело к кризису двусторонних отношений в 2019 г.

Важное место во внешней политике С.Абэ занимали вопросы безопасности. В результате ухудшения отношений с Сеулом на грани разрыва оказалось единственное военное соглашение GSOMIA, а на границе около спорных территорий наблюдались провокации с обеих сторон.

Япония поддерживала жесткую линию в отношении Северной Кореи, активно поддерживая санкции и давление на Пхеньян. В то время как Южная Корея при президенте Мун Чжэ Ине была склонна к диалогу и мирному урегулированию, что также стало источником некоторого несогласия между странами.

Политику кабинетов С.Абэ в отношении Республики Кореи нельзя назвать успешной. В медиапространстве ее нередко описывали как «провальную» и обвиняли бывшего премьер-министра в «худшем кризисе японо-южнокорейских отношений». (Park 2020) Однако важно отметить, что для дальнейшего развития отношений Токио и Сеула потребовались шаги, которые предпринимал в свое время С. Абэ. В настоящее время трехстороннее военное сотрудничество Японии-Республики Кореи-США расширяется, а проблема исторического прошлого не занимает центральное место во внешнеполитической повестке двух государств, хотя остается фактически нерешенной. Улучшению отношений способствовала смена власти в Республике Корея — к власти пришел «новый правый» Юн Сок Ель, сменивший риторику в отношении Токио.

В связи с категорически различными позициями общественности в Японии и Республике Корея по вопросам колониального прошлого достаточно трудно найти политический консенсус, который бы смог устроить одновременно обе стороны. Корейский национализм сформирован антияпонским движением, и по сей день тема борьбы за независимость (другими словами, борьбы с японскими колонизаторами) является государствообразующей в Южной Корее. Использование антияпонских настроений в качестве инструмента во внутриполитической борьбе в Республике Корея демонстрирует отсутствие долгосрочного плана южнокорейского правительства по решению данной проблемы (Асмолов, Пугачева, 121). Японские элиты, напротив, стремятся сбросить оковы вины за свое прошлое и нацелены на повышение роли Японии в настоящем и будущем. Японское правительство последовательно в своей позиции, что вопросы прошлого исчерпаны существующими соглашениями. Вследствие этого окончательное решение проблемы в ближайшей перспективе представляется недостижимым.

Список литературы

1. Green Michael J. Line of Advantage. Japan's Grand Strategy in the Era of Abe Shinzo. New York, Columbia University Press, 2022, 311 p.
2. Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями / под ред. Д.В. Стрельцова. Москва: Аспект Пресс, 2021. 336 с.
3. Асмолов К.В., Пугачева О.С. Политика Юн
4. Дьячков И.В. Историческая память и политика: проблема «женщин для утешения» в современных южнокорейско-японских отношениях *Японские исследования*. 2019. № 4. С. 72-87.
5. Narushige Michishita. Changing Security Relationship between Japan and South Korea: Frictions and Hopes. *Asia Pacific Review*. July 2014. Pp. 19-32.
6. Япония в эпоху великих трансформаций / под ред. Д.В. Стрельцова. М., АИРО-XXI. 2020. 320 с.
7. Мори Кадзуко. (毛里和子) Современная дипломатия Китая (現代中国外交). 東京、岩波書店, 2018.
8. Батакова А.А. Подходы правительства Японии к проблемам «исторического прошлого». *Вестник МГИМО*. 2016. № 1 (46). С. 106-117.
9. Выступление премьер-министра Абэ на заседании бюджетной комиссии Палаты советников 14.03.2014. (参議院予算委員会 (平成26年3月14日)における安倍総理答弁) https://www.mofa.go.jp/mofaj/a_o/rp/page23_000875.html (Дата обращения: 10.05.2025)
10. Голубая книга по внешней политике 2015. (外交青書 2015) <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/2015/html/index.html> (Дата об-

- ращения: 10.05.2025)
11. Commemorative address by President Park Geun-hye on the 70th anniversary of Liberation. https://overseas.mofa.go.kr/hk-en/brd/m_1494/view.do?seq=724698&srchFr=&3BsrchTo=&3BsrchWord=&3BsrchTp=&3Bmulti_itm_seq=0&3Bitm_seq_1=0&3Bitm_seq_2=0&3Bcompany_cd=&3Bcompany_nm= (Дата обращения: 10.05.2025)
 12. Совместное выступление министров иностранных дел Японии и Южной Кореи на пресс-конференции 2015. (日韓兩外相共同記者発表平成27年12月28日) https://www.mofa.go.jp/mofaj/a_o/na/kr/page4_001664.html (Дата обращения: 10.05.2025)
 13. Голубая книга по внешней политике 2016. (外交青書 2016) *Министерство иностранных дел Японии. (外務省)* <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/2016/html/index.html> (Дата обращения: 10.05.2025)
 14. Голубая книга по внешней политике 2019. (外交青書 2019) *Министерство иностранных дел Японии. (外務省)* <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/2019/html/index.html> (Дата обращения: 10.05.2025)
 15. South Korean leader congratulates Abe on ruling bloc's poll win. *The Japan Times*, 25.10.2017. <https://www.japantimes.co.jp/news/2017/10/25/nationateekol/politics-diplomacy/south-korean-leader-congratulates-abe-election-win/#.XnG366j7Q2w>. (Дата обращения: 10.05.2025)
 16. Кистанов В. О. Отношения между Японией и Южной Кореей: проблемы, тенденции, перспективы. *Японские исследования*. 2019. № 3. С. 33-48. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10019
 17. South Korean boycott of Japanese goods hits beer and carmakers. *The Guardian*, 04.09.2019. <https://www.theguardian.com/world/2019/sep/04/south-korea-boycott-japanese-goods-beer-car-sales>. (Дата обращения: 10.05.2025)
 18. Update of METI's licensing policies and procedures on exports of controlled items to the Republic of Korea. *Ministry of Economy, Trade and Industry*. https://www.meti.go.jp/english/press/2019/0701_001.html. (Дата обращения: 10.05.2025)
 19. Итоги встречи министров обороны Японии и Кореи (日韓防衛相会談の概要). *Министерство обороны Японии (防衛省)*. https://warp.da.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/11591426/www.mod.go.jp/j/approach/exchange/area/2011/pdf/20110604_kor-j.pdf. (Дата обращения: 10.05.2025)
 20. Defense White Paper 2016. *Ministry of National Defense of the Republic of Korea*. https://www.mnd.go.kr/user/mndEN/upload/pblictN/PBLICTNEBOOK_201705180354456380.pdf. (Дата обращения: 10.05.2025)

21. Южная Корея пытается разрушить «псевдосоюз» Японии, США и Южной Кореи. (GSOMIA 破棄、日米韓“疑似”同盟を打ち壊す韓国 = Отказ от GSOMIA.) *Business Nikkei*, 26.08.2019. URL: <https://business.nikkei.com/atcl/seminar/19/00023/082300090/>. (Дата обращения: 10.05.2025)
22. Indo-Pacific Strategy Report. Preparedness, Partnerships, and Promoting Networked Region. *The Department of Defense*. <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF> (дата обращения: 10.05.2025)
23. Белая книга обороны 2019. (令和元年版防衛白書) *Министерство обороны Японии. 防衛省* <https://www.mod.go.jp/j/publication/wp/wp2019/pdf/R01010203.pdf>. (Дата обращения: 10.05.2025)
24. "Japan is Back", Policy Speech by Prime Minister Shinzo Abe at the Center for Strategic and International Studies (CSIS). *Ministry of Foreign Affairs*. https://www.mofa.go.jp/announce/pm/abe/us_20130222en.html. (Дата обращения: 10.05.2025)
25. Цой Джэ Док. Стратегия Корейского полуострова. М.: ИДВ РАН, 2022. 288 с.
26. Икэгами Акира. (池上彰) Икэгами Акира спрашивает: истинные намерения Южной Кореи (池上彰が聞く韓国のホンネ) 東京: 朝日新聞出版, 2019, 200 p.
27. Defense White Paper 2014. *Ministry of National Defense of the Republic of Korea*. https://www.mnd.go.kr/user/mndEN/upload/pblicitn/PBLICTNEBOOK_201704260250138940.pdf. (Дата обращения: 10.05.2025)
28. Заявление представителя правительства Южной Кореи относительно визита премьер-министра Абэ в храм Ясукуни. (安倍総理の靖国神社参拝に対する韓国政府の報道官声明) *Посольство Республики Корея в Японии. (駐日本国大韓民国大使館)* https://overseas.mofa.go.kr/jp-ja/brd/m_1055/view.do?seq=703757&srchFr=&srchTo=&srchWord=&srchTp=&multi_itm_seq=0&itm_seq_1=0&itm_seq_2=0∓company_cd=&company_nm=. (Дата обращения: 10.05.2025)
29. Siripala, Thisanka. Dokdo or Takeshima? Japan and South Korea Reopen Territorial Row Ahead of Olympic Games. *The Diplomat*, 07.02.2018. <https://thediplomat.com/2018/02/dokdo-or-takeshima-japan-and-south-korea-reopen-territorial-row-ahead-of-olympic-games/> (Дата обращения: 10.05.2025)
30. Протест против военных (оборонных) учений ВС РК около островов Такэсима, 2017 год. (韓国軍による竹島軍事訓練 (防御訓練) に対する抗議) *Министерство иностранных дел Японии. (外務省)* https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/release/press4_004721.html. (Дата обращения: 10.05.2025)
31. Протест против военных учений ВС РК по обороне островов Такэсима, 2018 год. (韓国軍による竹島防御訓練に対する抗議) *Министерство иностранных дел Японии. (外務*

- 省) https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/release/press4_006137.html. (Дата обращения: 10.05.2025)
32. Протест против военных учений ВС РК около островов Такэсима, 2019 год. (韓国軍による竹島に関する軍事訓練に対する抗議) Министерство иностранных дел Японии. (外務省) https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/release/press4_008206.html. (Дата обращения: 10.05.2025)
33. Takahashi, Kosuke. Japan-South Korea Tensions Grow Over Radar Lock-on Incident. <https://japan-forward.com/japan-south-korea-tensions-grow-over-radar-lock-on-incident/> (Дата обращения: 10.05.2025)
34. South Korean fighter jets patrol over islands disputed by Japan. *Aljazeera*, 01.10.2019. <https://www.aljazeera.com/news/2019/10/south-korean-fighter-jets-patrol-islands-disputed-japan-191001064022495.html>. (accessed: 10.05.2025)
35. Park, S. Nathan. Abe Ruined the Most Important Democratic Relationship in Asia. *Foreign Policy*, September 4, 2020. <https://foreignpolicy.com/2020/09/04/shinzo-abe-japan-south-korea-war-nationalism/> (Дата обращения: 10.05.2025)
2. Historical issues in Japan's relations with neighboring countries. Moscow, Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2022. 336 p. (In Russ.)
3. Asmolov K.V., Pugacheva O.S. Yun Seok-yol's Policy Towards Japan: Reasons for the Change in Approach and Prospects. *Japanese Studies*. 2024. No. 3. P. 113-132. (In Russ.)
4. D'yachkov I.V. Historical memory and politics: the problem of "comfort women" in modern South Korean-Japanese relations. *Japanese studies*. 2019, No 4. Pp. 72-87. (In Russ.)
5. Narushige Michishita. Changing Security Relationship between Japan and South Korea: Frictions and Hopes. *Asia Pacific Review*. July 2014. Pp. 19-32.
6. Japan in the era of great transformations / edited by D.V. Streltsov. M., AIRO-XXI. 2020. 320 p. (In Russ.)
7. Mori Kazuko. China's Contemporary Diplomacy. Tokyo: Iwanami, 2018. Pp. 320. (In Japanese)
8. Batakova A.A. The approaches of the Japanese government to the problems of the "historical past. *Vestnik MGIMO*. 2016. No. 1 (46): 106-117. (In Russ.)
9. Prime Minister Abe's response at the Budget Committee of the House of Councillors (March 14, 2014). *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. https://www.mofa.go.jp/mofaj/a_o/rp/page23_000875.html (accessed: 10.05.2025). (In Japanese).
- References**
1. Green Michael J. Line of Advantage. Japan's Grand Strategy in the Era of Abe Shinzo. New York, Columbia University Press, 2022, 311 p.

10. Diplomatic Bluebook 2015. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/2015/html/index.html> (accessed: 10.05.2025). (In Japanese).
11. Commemorative address by President Park Geun-hye on the 70th anniversary of Liberation. *Consulate General of the Republic of Korea in Hong Kong*. https://overseas.mofa.go.kr/hk-en/brd/m_1494/view.do?seq=724698&srchFr=&3BsrchTo=&3BsrchWord=&3BsrchTp=&3Bmulti_itm_seq=0&3Bitm_seq_1=0&3Bitm_seq_2=0&3Bcompany_cd=&3Bcompany_nm= (accessed: 10.05.2025)
12. Joint press conference by the Foreign Ministers of Japan and the Republic of Korea, 2015. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. https://www.mofa.go.jp/mofaj/a_o/na/kr/page4_001664.html (accessed: 10.05.2025). (In Japanese).
13. Diplomatic Bluebook 2016. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/2016/html/index.html> (accessed: 10.05.2025). (In Japanese).
14. Diplomatic Bluebook 2019. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/2019/html/index.html> (accessed: 10.05.2025). (In Japanese).
15. South Korean leader congratulates Abe on ruling bloc's poll win. *The Japan Times*, 25.10.2017. <https://www.japantimes.co.jp/news/2017/10/25/nationateekol/politics-diplomacy/south-korean-leader-congratulates-abe-election-win/#.XnG366j7Q2w/> (accessed: 10.05.2025)
16. Kistanov V.O. Relations between Japan and South Korea: problems, trends, prospects. *Japanese studies*. 2019. No 3. Pp.33-48. (In Russ.)
17. South Korean boycott of Japanese goods hits beer and carmakers. *The Guardian*, 04.09.2019. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/sep/04/south-korea-boycott-japanese-goods-beer-car-sales>. (accessed: 10.05.2025)
18. Update of METI's licensing policies and procedures on exports of controlled items to the Republic of Korea. *Ministry of Economy, Trade and Industry*. https://www.meti.go.jp/english/press/2019/0701_001.html. (accessed: 10.05.2025)
19. Overview of the Japan-ROK Defense Ministers' Meeting. *Ministry of Defense of Japan*. https://warp.da.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/11591426/www.mod.go.jp/j/approach/exchange/area/2011/pdf/20110604_kor-j.pdf. (accessed: 10.05.2025). (In Japanese).
20. Defense White Paper 2016. *Ministry of National Defense of the Republic of Korea*. <https://www.mnd.go.kr/user/mndEN/upload/pblicitn/>

- PBLICTNEBOOK_201705180354456380.pdf (accessed: 10.05.2025)
21. South Korea scraps GSOMIA, destroys Japan-US-South Korea "quasi" alliance. *Business Nikkei*, 26.08.2019. <https://business.nikkei.com/atcl/seminar/19/00023/082300090/>. (accessed: 10.05.2025). (In Japanese).
22. Indo-Pacific Strategy Report. Preparedness, Partnerships, and Promoting Networked Region. *The Department of Defense*. <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF>. (accessed: 10.05.2025)
23. Defense White Paper 2019. *Ministry of Defense of Japan*. <https://www.mod.go.jp/j/publication/wp/wp2019/pdf/R01010203.pdf>. (accessed: 10.05.2025). (In Japanese).
24. "Japan is Back", Policy Speech by Prime Minister Shinzo Abe at the Center for Strategic and International Studies (CSIS). *Ministry of Foreign Affairs*. https://www.mofa.go.jp/announce/pm/abe/us_20130222en.html. (accessed: 10.05.2025)
25. Coj Dzhe Dok. Strategy of Korean Peninsula. Moscow, IDV RAN, 2022, 288 p. (In Russ.)
26. Ikegami, Akira. Ikegami Akira asks: What are South Korea's true intentions? Tokyo: Asahi shimbun shyuppan, 2019, 200 p. (In Japanese).
27. Defense White Paper 2014. *Ministry of National Defense of the Republic of Korea*. https://www.mnd.go.kr/user/mndEN/upload/pblictN/PBLICTNEBOOK_201704260250138940.pdf. (accessed: 10.05.2025)
28. Statement by the South Korean Government Spokesperson on Prime Minister Abe's visit to Yasukuni Shrine. *Embassy of the Republic of Korea in Japan*. https://overseas.mofa.go.kr/jp-ja/brd/m_1055/view.do?seq=703757&srchFr=&srchTo=&srchWord=&srchTp=&multi_itm_seq=0&itm_seq_1=0&itm_seq_2=0&company_cd=&company_nm=. (accessed: 10.05.2025). (In Japanese).
29. Siripala, Thisanka. Dokdo or Takeshima? Japan and South Korea Reopen Territorial Row Ahead of Olympic Games. *The Diplomat*, 07.02.2018. <https://thediplomat.com/2018/02/dokdo-or-takeshima-japan-and-south-korea-reopen-territorial-row-ahead-of-olympic-games/>. (accessed: 10.05.2025)
30. Protest against South Korean military exercises on Takeshima, 2017. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/release/press4_004721.html. (accessed: 10.05.2025). (In Japanese).
31. Protest against South Korean military's defense drills on Takeshima, 2018. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/release/press4_006137.html. (accessed: 10.05.2025). (In Japanese).

32. Protest against military drills by South Korean military on Takeshima, 2019. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/release/press4_008206.html. (accessed: 10.05.2025). (In Japanese).
33. Takahashi, Kosuke. Japan-South Korea Tensions Grow Over Radar Lock-on Incident. <https://japan-forward.com/japan-south-korea-tensions-grow-over-radar-lock-on-incident/> (accessed: 10.05.2025)
34. South Korean fighter jets patrol over islands disputed by Japan. *Aljazeera*, 01.10.2019. <https://www.aljazeera.com/news/2019/10/south-korean-fighter-jets-patrol-islands-disputed-japan-191001064022495.html>. (accessed: 10.05.2025)
35. Park, S. Nathan. Abe Ruined the Most Important Democratic Relationship in Asia. *Foreign Policy*, September 4, 2020. <https://foreignpolicy.com/2020/09/04/shinzo-abe-japan-south-korea-war-nationalism> (accessed: 10.05.2025)

Сведения об авторе

Шуплецова Ксения Васильевна,

научный сотрудник Центра «Государство и религия в Азии», соискатель Центра японских исследований

Институт Китая и современной Азии РАН
117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32

k.shupletsova@iccaras.ru

Information about the author

Kseniya V. Shupletsova

research associate of the Center "State and Religion in Asia", applicant of the Center of Japanese studies

Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation

k.shupletsova@iccaras.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.03.2025.

Одобрена после рецензирования: 02.04.2025.

Принята к публикации: 10.04.2025.

Information about the article

The article was submitted 25.03.2025

Approved after reviewing 02.04.2025

Accepted for publication 10.04.2025

**Historical aspects of the functioning of the idea of the "Turkic world"
in the foreign policy of the Republic of Turkey**

**Исторические аспекты функционирования идеи «тюркского мира»
во внешнеполитическом курсе Турецкой Республики**

Сафин Наиль Рашидович,

Нафиков Ильсур Закирзянович

*Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия*

Автор, ответственный за переписку:

safnail@mail.ru

Nail R. Safin,

Ilsur Z. Nafikov

*Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Russia*

Corresponding author:

safnail@mail.ru

УДК 93,94 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-2-2025-147-163](https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-147-163)

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена рассмотрению роли и особенности идеи «тюркского мира» во внешней политике Турции как инструменту воплощения экспансионистских устремлений Турецкой Республики. Политика Турции на постсоветском пространстве строится на культурно-цивилизационном родстве с тюркскими народами. Анкара в рамках ОТГ активно продвигает собственные проекты во всех сферах, увеличивая свое влияние в странах Прикаспия: оборонная промышленность, экономика, энергетика, образование и культура. Стратегия «мягкой силы» позволила Анкаре укрепить свои позиции в области образования и науки, к примеру открытие турецких университетов, школ, реализация грантов и стипендиальных программ, проведение международных

ABSTRACT

The article is devoted to the consideration of the role and features of the idea of the «Turkic world» in the foreign policy of Turkey as a tool for implementing the expansionist aspirations of the Turkish Republic. Turkey's policy in the post-Soviet space is based on cultural and civilizational kinship with the Turkic peoples. Ankara, within the framework of the United Territory, actively promotes its own projects in all areas, increasing its influence in the Caspian countries: defense industry, economy, energy, education and culture. The strategy of «soft power» allowed Ankara to strengthen its position in the field of education and science, for example, the opening of Turkish universities, schools, the implementation of grants and scholarship programs, holding international symposiums and conferences financed by the gov-

симпозиумов и конференций, финансируемые правительством (в т.ч. ТИКА, ТЮРКСОЙ и др.) в бывших советских республиках.

Пантюркизм, возникший как политическое движение национальной интеллигенции в Османской империи, проповедовал языковую, религиозную и культурную общность всех тюркоязычных народов, и выдвигал амбициозную цель создать тюркское квазигосударство — «Великий Туран», в состав которого должны были войти все тюркские народы. После распада СССР Турция одной из первых признала независимость бывших республик и активно включилась в процесс выстраивания отношений с новыми независимыми государствами. Основной упор во внешнеполитической стратегии Анкары делался на тюркские государства постсоветского пространства. Через создание блока тюркоязычных государств со своим лидерством Турция рассчитывала использовать исторический шанс по трансформации в крупного, трансрегионального игрока с глобальными амбициями и инструментами влияния на международной арене.

Ключевые слова. Турецкая Республика, геополитическая конкуренция, тюркский мир, пантюркизм, неоосманизм

Для цитирования: Сафин Н.Р., Нафиков И.З. Исторические аспекты функционирования идеи «тюркского мира» во внешнеполитическом курсе Турецкой Республики. *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (2). С. 147-163 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-147-163>

ernment (including TIKa, TURKSOY, etc.) in the former Soviet republics. Pan-Turkism, which emerged as a political movement of the national intelligentsia in the Ottoman Empire, preached the linguistic, religious and cultural community of all Turkic-speaking peoples and put forward the ambitious goal of creating a Turkic quasi-state – «Great Turan», which was to include all Turkic peoples. After the collapse of the USSR, Turkey was one of the first to recognize the independence of the former republics and actively joined the process of building relations with the newly independent states. The main emphasis in Ankara's foreign policy strategy was on the Turkic states of the post-Soviet space. By creating a bloc of Turkic-speaking states with its leadership, Turkey hoped to use the historical chance to transform itself into a major, trans-regional player with global ambitions and instruments of influence in the international arena.

Keywords. Turkish Republic, geopolitical competition, Turkic world, pan-Turkism, neo-Ottomanism

For citation: Safin N.R., Nafikov I.Z. Historical aspects of the functioning of the idea of the «Turkic world» in the foreign policy of the Turkish Republic. *Modern Oriental Studies*. 2025; 7 (2). P. 147-163 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-147-163>

На современном этапе во внешней политике Турция действует широким фронтом: страна имеет собственные внешнеполитические интересы в Европе, Азии, Ближнем и Среднем Востоке, Африке, Северной и Южной Америке.

Однако одним из ключевых направлений, где Турецкая Республика сосредотачивает значительную часть собственных дипломатических ресурсов и ресурсов влияния, является регион «тюркский мир». Любое усиление националистических элементов в турецких властных кругах или вовлечение в официальный дискурс националистических оттенков вызывает рост внимания к этому направлению внешнеполитической деятельности. Термин «тюркский мир» в его нынешнем социально-политическом понимании был создан в Турции для описания региональной общности тюркоязычных стран Центральной Азии, Азербайджана, а также некоторых регионов Российской Федерации с тюркским большинством населения.

Для того чтобы продолжить анализ пантюркизма в современной идеологии Турции, думается, что необходим небольшой экскурс в историю происхождения термина «тюрк». Вместе с тем, как будет указано ниже, история происхождения термина содержит немало спорных утверждений.

Первое упоминание понятия «тюрк» относится к 542 году. В начале XX века датский тюрколог В. Томсен предположил, что термин «түрк» или «түрук» имел первоначальное значение как «сила», «крепость». Советский тюрколог, академик В.В. Бартольд опровергает эту теорию и на основании детального анализа текстов тюркютов сделал вывод о более вероятном про-

исхождении термина от слова «түрү» («закон», «обычай») и об обозначении так народа, находящегося под правлением тюркского кагана — «түркім будуным», то есть, «управляемым мною народом» (Бартольд 1993, 23).

Советский лингвист-тюрколог А.Н. Кононов, рассуждая о термине-этнониме «turk», утверждал, что первоначально понятие было политическим термином, возникшим из слова «turkiin»/torkin I turgiin/ torgin и подразумевало под собой исключительно представителей знати/военной аристократии, затем трансформировавшись в символ господствующего, «княжеского» рода и подвластных ему племен (Кононов 1972, 14). Кроме того, ни в русской, ни в западной исторической науке не было традиции именовать печенегов или половцев как турков. Понятие «турки» было широко распространено в Европе в качестве обозначения народов сельджукской и впоследствии Османской империи. В.В. Бартольд настаивает, что в русских летописях упоминается термин «торки», но в качестве обозначения того народа, который в византийских источниках называется «узами», то есть, огузами (Бартольд 1993, 24).

Альтернативной теорией происхождения этнонима «тюрк» можно считать гипотезу об иранском происхождении термина, подтверждающаяся археологическими и палеоантропологическими данными. Так, Д. Е. Еремеев обращает внимание на то, что заимствования основополагающих терминов хозяйства, титулатур, числительных свидетельствуют не только о сильнейшем культурном влиянии этноса-донора (персы), но и о широком участии его

в генезисе этноса-реципиента (тюрки) (Еремеев 1990, 131). Более того, переход иранского «тур» в тюркское «тюр» закономерен фонетически: иранские широкие губные гласные трансформировались в тюркском языке в узкие (Еремеев 1990, 133).

История происхождения тюрков и их развития имеет многочисленные традиции и древние корни. В древних китайских летописях есть упоминания о тюрках (туцзюе), которые уже к третьей четверти VI века совершали регулярные опустошительные набеги на северные территории царства Вэй. Сообщается, что эти племена пришли откуда-то с севера-запада. По мнению исследователей, последующие события, связанные с развитием тюркских племенных объединений и государственности, предопределили развитие истории на всем континенте на несколько столетий вперед (Покровский 1977, 321). Тюрки сыграли значительную посредническую роль в выстраивании диалога между двух культур: средиземноморской и дальневосточной, развивали собственную культуру, способную, по их мнению, противопоставить культуре Китая, и Ирана, и Византии, и Индии. Русский историк Л. Н. Гумилев утверждает, что главная особенность древнетюркского общества была в сложных формах общественного бытия и социальных институтов тюрков: эль, удельно-лестничная система, иерархия чинов, военная дисциплина, дипломатия, а также наличие четко отработанного мировоззрения, противопоставляемого идеологическим системам соседних стран (Гумилев 1967, 6).

Наиболее ранним феодальным государством древних тюрков было государство Тюркский каганат (551-744 гг.) во главе с родом Ашина на Алтае. Ученые-востоковеды сходятся во мнении, что это государство уже через несколько лет после образования государственности претендовало на роль гегемона в регионе Центральной Азии (Кляшторный 1964, 214; Покровский 1977, 479; Акишев 2013, 192; Пигулевская 1946; Гумилев 1967, 504; Бартольд 1993, 192; Бичурин 1950; Малов 1951, 451; Токарев 1958, 615). Но просуществовать долго в первоначальном ее виде государство, основанное в результате покорения других племен, не могло. Таким образом, ввиду кризисных политических и социально-экономических явлений, древнее государство тюрков в 603-604 гг. было разделено на две автономных, политически целостные общности — Восточно-тюркский каганат с центром на прежних землях в Центральной Азии и Западно-тюркский каганат — в Средней Азии и Казахстане, в 630 и 659 гг. — к потере самостоятельности (правда, возвращенной в 679 году) и к гибели империи в 745 году.

Однако понятие «тюрк» не исчезло. Более того, оно распространилось на пол-Азии. По-видимому, присвоение слову «түрк» того лингвистического значения, которое оно имеет в настоящее время, было делом арабов-мусульман. Арабы обратили внимание на схожесть языков многих народов с языком тех тюрков, с которыми им приходилось иметь дело в VII и VIII вв., ввиду чего они стали называть тюрками всех воинственных кочевников. В дальнейшем этот термин еще не раз видоизменялся, приобретая, в итоге, статус языковой

семьи. По мере распространения ислама и сами турецкие народы стали именовать себя так. Таким образом, многие народы превратились в «тюрков», никогда не входившие в великий каганат VI–VII вв.

Вместе с тем ранние средневековые писатели Востока настаивали на том, что каждый из этносов, будь то монголы или турки, не представляли собой однородную массу. Документы Ибн Хордадбека (IX век), Рашид-ад-Дина свидетельствуют о том, что «хотя внешний вид, наречия и говоры тюрок близки друг другу, однако сообразно различию характера и естественных свойств климата каждой занимаемой ими области, во внешнем облике и в наречии каждого тюркского народа наблюдаются небольшие основные различия» (Рашид-ад-Дин 1952, 75). То, что древние турки никогда были единым «пранародом» советским этнографам абсолютно очевидно. По мнению советского этнолога Л.П. Лашука, «самое подходящее научное наименование для таких массивов племен — «этнолингвистическая группа», главной особенностью которой является родство составляющих ее племен по происхождению и языку, но обнаруживается это родство в самом общем плане (например, в генеалогической традиции), а не в узком смысле свойственного отдельному племени единства «крови и имени», отчетливо осознаваемого соплеменниками — членами данной локальной общности» (Лашук 1968, 98).

Не прекращаются научные дискуссии о принадлежности и соотношению языков и их диалектов внутри тюркских языков. В исторической науке существует множество классифи-

каций тюркских языков, мы считаем необходимым обратиться к научным трудам лингвистов-тюркологов Н.А. Баскакова (Баскаков 1969, 383), А.Н. Кононова (Кононов 1949, 47), Т. Текина (Текин 1980) о систематизации тюркских языков, позволяющих классифицировать тюркские народы по языковой системе.

Согласно Н. А. Баскакову, турки делятся на пять региональных групп. В состав первой региональной группы вошли татары из Литвы, Белоруссии, караимы, крымчаки, урумы, крымские татары, гагаузы. Вторую региональную группу составили азербайджанцы, относящиеся к огузской языковой группе Кавказского региона; представители кыпчакской группы — кумыки, карачай-балкары, ногаи. В третью региональную группу вошли представители болгарского языка в Волгоградском регионе — чуваш; представители кыпчакской группы — татары и башкиры. Четвертую региональную группу по этнолингвистической системе включают представители карлукской группы — узбеки и уйгуры; представители кыпчакской — казахи и каракалпаки; представители огузской — туркмены; представители кыпчак-киргизской группы — киргизы. К пятой группе относятся многочисленные восточные тюркоязычные народы, расположенные на территории Сибири. В том числе тувинцы, тофы (карагасы), составляющие Восточную уйгурскую часть; представители сахов — сахи, долганы; представители хакасов — хакасы, шорцы, северные алтайцы, чулымцы, камасинцы; представители киргиз-кипчаков — южные алтайцы (Баскаков 1960, 12).

В соответствии с классификацией А. Н. Кононова все тюркские языки систематизированы в семь больших групп:

1. Булгарская группа. В неё включен современный чувашский язык.

2. Огузская группа. К ней относятся на современном этапе азербайджанский, гагаузский, тюркский, туркменский языки.

3. Кыпчакская группа. Эта группа состоит из трех подгрупп: кыпчак-половецкий, кыпчак-булгарский и кыпчак-ногайский. Первую подгруппу составляют: языки каракаимов, карачаев, балкаров, кумыков, крымских татар, белорусских татар. А кыпчако-булгарскую подгруппу: языки башкирских и волжских татар. Третью, то есть, образующие кыпчак-ногайскую подгруппу: казахский, каракалпакский, ногайский языки.

4. Карлуко-уйгурская группа. Это современные узбекский, уйгурский, саларский, лобнорский языки, входящие в эту группу.

5. Уйгурско-огузская группа. К этой группе относятся языки карагасов (тофы), тувинцев, хакасов, шорцев, чулымцев, Сибирских татар.

6. Киргизско-кыпчакская группа. Эту группу составляют алтайский и киргизский языки.

7. К группе Саха (якутская) относится только один язык саха (Кононов 1949, 45).

Т. Текин подразделяет тюркские языки на двенадцать групп:

I группа включает в себя чувашский язык.

Во II группу входит только халаджский язык.

III группа состоит из якутского языка (саха тыла).

VI группу составляет тувинский язык.

V группа объединяет три подгруппы: 1) хакасский язык; 2) среднечулымский диалект чулымского языка и язык татаров Верней Оби; 3) язык желтых уйгурский.

VI группу составляет северо-алтайский язык.

VII группа состоит из языков Южного Алтая.

VIII группу составляет единственный киргизский язык.

IX группу образуют две общие подгруппы: 1) узбекский язык, 2) новый уйгурский язык.

X группа охватывает три подгруппы. Первая подгруппа состоит из двух ветвей: а) казахского и каракалпакского языков; б) ногайского языка. Вторая подгруппа состоит из трех ветвей: а) татарского; б) башкирского; в) барабинско-татарского языков. Третья подгруппа состоит из двух ветвей, к первой относятся: а) карачай-балкарский; б) северный крымско-татарский языки, а ко второй ветви относятся: а) хорезмский диалект узбекского языка; б) карагашский; в) южный крымско-татарский; в) кумыкские языки.

XI группа образует один саларский язык.

XII группа объединяет четыре подгруппы. В первую часть входит туркменский язык, во вторую часть хорезмско-огузский диалект узбекского языка, в третью - азербайджанский язык; четвертая подгруппа состоит из двух ветвей: а) тюркский; б) гагаузские языки (Текин 1980, 389).

Следует отметить общие черты классификационных систем Н. А. Баскакова и А. Н. Кононова. Вместе с тем, в классификацию Н. А. Баскакова не вошли представители многочисленного тюркского общества Западной Европы, Анатолии и полуострова Балкан; не упомянуты польские татары. Из систематизации по вышеперечисленным языкам А. Н. Кононова мы рассматривали только те языки, которые используются и поныне. Указанные обстоятельства позволяют прийти к выводу, что наиболее удачной классификацией тюркских языков считается классификация А. Н. Кононова.

Рассмотрим подробнее термин «пантюркизм» как обоснование идеи «тюркского мира». По определению советского исследователя Д.Е. Еремеева, «Пантюркизм — национал-шовинистическая буржуазная идеология, согласно которой все народы, говорящие на тюркских языках, и прежде всего, турки-мусульмане, являются якобы одной нацией и должны объединиться под главенством Турции в единое государство» (Еремеев 1975, 445), простирающееся от Балкан до Сибири государство Туран (отсюда применяемое иногда к пантюркизму название пантуранизм). Пантюркизм возник на рубеже XIX-XX вв. и развивался как

наслоение тюркизма — турецкого национализма. В нем было и некое подобие национализма «угнетенной нации», как в силу все большего подчинения Османской империи диктату западных держав, так и из-за пренебрежения интересами «простого» турка со стороны официальных властей. Именно потому в защиту этих интересов все активнее стала выступать национальная интеллигенция (Надеин-Раевский 2022, 65).

Младотурецкая революция 1908 года и, последовавшие за ней балканские войны (1912-1913 гг.), привели к окончательному отпадению от Османской империи балканских государств, а внутри страны — к крушению доктрины «османизма». Именно на смену этой доктрине и пришла идея пантюркизма, получившая распространение благодаря активной пропаганде как местных пантюркистов, так и эмигрантов из царской России. Не нашли поддержки в массах и идеи панисламизма. Арабские подданные империи постоянно восставали против произвола османов. Между тем империя могла пасть еще в начале XIX века в результате действий египетского правителя Мухаммеда Али, когда только вмешательство великих держав позволило сохранить целостность имперских владений (Надеин-Раевский 2022, 65).

Следует отметить, что пантюркистская доктрина наряду с панисламизмом сыграли решающую роль во вступлении Турции в Первую мировую войну (1914-1918 гг.). По словам советских историков, активная пропаганда велась некоторыми буржуазными националистическими партиями и движениями Поволжья, Средней Азии и Закавказья (например,

джадидизма) (И. Гаспринского, Г. Исхаки, Эмин-бек Расульзаде и др.) с целью отвлечения масс от революционного движения и, впоследствии, потери Россией ее национальных окраин (Еремеев 1975, 445). Как утверждает отечественный исследователь В.А. Надеин-Раевский, в период Первой мировой войны российские последователи пантюркизма, мигрировавшие в Турцию, оказали решающее влияние на становление идеи в Турции (Надеин-Раевский 2024, 20). В ходе общих сборов последователей движения обсуждалось создание будущего «государства Туран», а также то, на каком языке в нем будут говорить. Причем, почти единогласно на таких собраниях подчеркивалось, что основным языком для всех тюрков должен стать османский турецкий, а родные языки оставляются в средних школах в качестве «факультативов».

В брошюре Ю. Акчуры, Али Кемаля и Фериды Ахмеда «Три политические системы», вышедшей в 1911 году, авторы обосновывали приоритетность пантюркистской идеологии над панисламизмом и османизмом. Ю. Акчура выделял тюркизм как наиболее перспективный и реальный путь единения тюрков. Он выступал за создание политического Альянса всех тюркских народов с центром в Турции.

Наиболее ярко турецкий национализм проявился в трудах философа З. Гекалпа, который был противником как идей османизма, так и панисламизма. Он обосновывал необходимость разделения светской и духовной ветвей власти и развития турецкой нации на основе достижений европейской цивилизации. По его

мнению, главным условием этого было объединение всех тюркоязычных народов в рамках общего государственного формирования.

Создатель «Истории тюркского права» С. Максуди поддерживал теорию о древности тюркской цивилизации, предполагая, что этруски были прототюрками, кроме того, лексика и грамматика всех основных индоевропейских и в меньшей степени семитских языков пронизывают тюркские элементы, делающие вышеуказанные языки переполненными всевозможными грамматическими исключениями. Главное достоинство цивилизации того времени было в умении организовывать большие массы людей в развитые кочевые сообщества с большими познаниями о широком окружающем мире. Все это привело к более раннему, по сравнению с другими народами, формированию довольно совершенного и устойчивого языка.

Более того, пантюркисты возлагали надежды на помощь Германии в осуществлении своей идеологической экспансии на Восток. Однако реализации вышеуказанной идеи «Великого Турана» мешал «армянский клин», отделявший Османскую империю от остального тюркского мира. Пантюркистскими лидерами под руководством государственных структур в 1915 году были организованы массовые аресты и убийства армян в Османской империи.

После победы кемалистской революции (1918-1923 гг.) пантюркистское движение в стране было запрещено, как и пантюркистская и панисламистская пропаганда, однако фактически оба течения не исчезли. После поражения белого движения в России в Турецкую

республику стали пребывать пантюркисты и панисламисты. И хотя между РСФСР и Турцией действовал «Договор о дружбе и братстве» от 16 марта 1921 года, предусматривающий недопустимость создания враждебных для сторон-участников договора движений, официальные турецкие власти не пресекали деятельность антисоветских деятелей.

Советские исследователи настаивают, что после смерти Кемаля Ататюрка в 1938 году активизировалась пропагандистская и антисоветская работа турецких пантюрксистов, установивших тесные связи с немецкими фашистами (Еремеев 1975, 445).

После Второй мировой войны пантюркизм как явление вступил в этап своего затишья, по-настоящему расцветом пантюркизма стал период конца XX и начала XXI века. Распад Советского Союза, а в дальнейшем и формирование новой полицентричной системы международных отношений только подстегнули амбиции Турции на этом направлении. Начало XXI века, а именно приход Р. Т. Эрдогана к власти, вдохнул новую жизнь в достаточно на тот момент старую идеологию (Аватков 2022, 302). Для самой Турции тюркоязычные страны представляются собственной сферой влияния, интересы же других традиционных акторов этого региона, в первую очередь Российской Федерации, не принимаются турецким правящим классом во внимание.

Сосредоточим внимание на современной трактовке проблемы формирования «тюркского мира» как особого исторического типа этнической общности. Хотя часть исследователей современные границы «тюркского ми-

ра» устанавливают в границах Центральной Азии, нам представляется, что это не вполне справедливо, ввиду того, что он включает в себя все области, населенные тюркоязычными народами, в том числе автономные тюркские республики (автономное территориальное образование Гагаузия на юге Молдавии, Синьцзян-Уйгурский автономный район на северо-западе Китая), Азербайджан, Кавказ, Закавказье, тюркоязычные регионы Российской Федерации (Чувашия, Башкирия, Карачаево-Черкесия, Татарстан, Тува, Республика Саха, Республика Алтай, Кабардино-Балкария, Хакасия) (Таха 2009).

Турецкая официальная историческая наука постулирует, что турецкая нация берет начало от исторических тюркских народов. Отметим, что термины «турок» и «тюрк» в турецком языке обозначаются словом «тюрк» (Мустафаев, Старостов 1977, 876). Более того, обосновывается, что со временем турецкий народ мигрировал из Центральной Азии на запад, сохранив свою самобытность, расширил свою власть в регионе. Напротив, тюркские племена, оставшиеся в Центральной Азии, испытывали лишения и ограничения, чем воспользовалась Россия, «оккупировав» Азербайджан в первой половине XIX века и Центральную Азию во второй половине XX века (Притчин 2024, 53).

Российскими тюркологами выделяются три основных периода турецкой политики в отношении постсоветского пространства:

1) 1991–2002 — «эпоха надежд»: активная работа по созданию интеграционных

платформ для объединения усилий во всех сферах. На первом этапе Анкара позиционировала себя в качестве безоговорочного «старшего брата» для новых независимых государств после распада СССР. В общественно-политической среде тюркоязычные народы России и СНГ уже тогда именовались «внешними турками» (Грязев 2020). В практическом плане в 1992 году был проведен саммит лидеров тюркоязычных государств в Анкаре. За ним последовало целая серия встреч, но результат переговоров, как правило, ограничивался подписанием деклараций с набором необязательных к исполнению положений.

2) 2002–2014 — «эпоха поэтапности»: планомерная интеграция и воздействие на местную политическую элиту. Относительный прорыв произошел только в 2009 году, спустя почти двадцать лет после начала активного периода турецкой внешней политики на тюркском направлении. В качестве ключевого политического проекта для расширения влияния Турции в регионе стало подписание Нахичеванского соглашения о создании Совета сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ) в рамках VIII Саммита президентов тюркоязычных государств Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана и Турции. Тюркский совет стал постоянно действующей структурой для тюркского сотрудничества.

3) 2014 – н.в. — «эпоха туркоцентричной интеграции»: период, когда Анкара становится «хабом» (центром притяжения) и пытается заменить тюркское турецким, использовать ресурсы накопленного влияния (Аватков 2021).

С избранием Р. Т. Эрдогана президентом Турции в 2014 году в официальном политическом дискурсе стало укрепляться словосочетание «тюркский мир». Во внешнеполитическом курсе «новой Турция» Р. Т. Эрдогана доминируют две линии — имперскости (Ataç 2019, 65) и ущемленности системой международных отношений. Первая проявляется в радикальном переосмыслении исторического и пропаганде османского наследия в качестве «позитивного и идеализированного», а также «прогрессивного» (Надеин-Раевский 2020, 141). Вторая линия требует от властей символических шагов по укреплению положения Турции на международной арене и проявляется в том, что Анкара не боится бросать вызов всей системе международных отношений. Очевидно, что такого рода конструктом стала «многовекторность по-турецки», которая объясняется равноудаленностью от Запада и Востока и, одновременно, доминирование в трех пространственных измерениях, а также указывает на региональную великодержавность Турции.

В ноябре 2021 года ССТГ был переименован в Организацию тюркских государств (ОТГ). В настоящее время членами ОТГ являются Турция, Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан.

Согласно уставным документам ССТГ, основными целями учреждения являются: укрепление между сторонами взаимного доверия, дружбы и добрососедства; поддержание мира и укрепление безопасности в регионе и мире в целом; поиск общих точек зрения по внешнеполитическим вопросам; поощрение эффективного

регионального и двустороннего сотрудничества во всех областях, представляющих общий интерес (Соглашение 2022). То есть, помимо сугубо образовательных и культурных целей, Турция через создание и развитие организации продвигает идею создания политических институтов по координации внешней политики, а также формирования общего экономического пространства в противовес существующим интеграционным проектам, в первую очередь Евразийского экономического союза. В отношениях с региональными игроками, начавшими делать первые самостоятельные шаги на международной арене, Турция делала упор на культурную, языковую, ментальную близость, добиваясь, что такая неформальная основа позволит укрепить политическое и экономическое влияние в регионе.

Анализируя успехи Турции в транспортной и энергетической отрасли Евразии, а также учитывая конфронтацию между Россией и Западом в условиях украинского кризиса можно констатировать, что для стран Центральной Азии и Южного Кавказа роль Турции как альтернативного «нейтрального» партнера со временем будет возрастать.

Помимо вышеперечисленного на внешнеполитической арене Турция также выступает защитником мира и демократии. Например, на пространстве Ближнего Востока Турция вскоре после начала в регионе «арабской весны» и массовых антиправительственных выступлений приняла сторону оппозиции и протестующих (Глазова 2015, 94). Результатом подобных настроений и одним из векторов сирийского

направления внешней политики современной Турции стала поддержка деятельности населяющих север страны сирийских туркмен, или туркоманов, — тюркского народа, в составе вооруженных формирований воюющего против официального сирийского режима и курдов и по этой причине представляющего особый интерес для Турции (Волков 2020). Нельзя однозначно трактовать инициативность Турции в «потребности» защитить угнетенные тюркские народы, но необходимо отметить ее более заметный переход в военную плоскость с приобретением явного милитаристского оттенка. Обращаем внимание, что так называемые «антитеррористические» военные операции, которые проводятся ВС Турецкой Республики на территориях приграничных государств (Сирии и Ирака), проходят без соответствующего разрешения правительств этих государств, и уже вошли в повседневность, став неотъемлемой частью внешней политики страны.

Можно ли рассматривать пантюркизм как экспансионистскую доктрину современной Турецкой Республики? Очевидно, что Турция встраивает идеологию, ведущую свою историю с XIX века, в свою современную внешнюю политику. Таким образом, Турецкая Республика выводит в этой подсистеме себя на передний план, утверждает собственное лидерство, якобы поддерживаемое исторической, идущей с османских времен традицией возглавлять крупные многонациональные объединения.

Начало XXI века, а именно приход Р. Т. Эрдогана к власти, вдохнул новую жизнь в достаточно на тот момент старую идеологему.

На современном этапе пантюркизм стал неотъемлемой частью внешнеполитического дискурса турецких политиков. Пантюркизм наряду с неосманизмом позволил Анкаре заложить фундамент для реставрации своих имперских амбиций, которые по итогу вышли за рамки постосманского пространства. Сегодня Турция активно ведет работу по интеграции в свою сферу влияния всех тюркских государств на постсоветском пространстве. На этом поприще уже достигнуто заметное число успехов, среди которых очевидное и планомерное выстраивание концепции «Тюрки — это турки» посредством образования, экономики, культуры.

Нельзя не признать, что определенному прорыву в турецком подходе к региону способствует напряженная геополитическая ситуация в мире. В условиях украинского кризиса и возрастания конфронтации между Российской Федерацией и Западом для стран Центральной Азии и Южного Кавказа привлекательность Турции как альтернативного, относительно нейтрального партнера в политической сфере, а также альтернативного направления для транспортной и энергетической сфер многократно возрастает. Наличие платформы ОТГ позволяет выстраивать системный диалог, базы для координации усилий на международной арене. Все это в целом дает основание Турции выглядеть неформальным лидером тюркского мира.

Список литературы

1. Бартольд В.В. *Тюрки: Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии*. Алматы: Жалын, 1993.
2. Кононов А.Н. *История изучения тюркских языков в России: Дооктябрьский период*. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972.
3. Еремеев Д. Е. «Тюрк» — этноним иранского происхождения? (К проблеме этногенеза древних тюрков). *Советская этнография*. 1990; № 3. С. 129–135.
4. *История Казахской ССР: с древнейших времен до наших дней: в 5 томах* / гл. ред. колл. А. Н. Нусупбеков (гл. редактор), ред. колл. С.Н. Покровский и др.; Академия наук Казахской ССР, Институт истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова: Издательство Наука Казахской ССР, 1977.
5. Гумилев Л.Н. *Древние тюрки*. М.: Наука, 1967.
6. Кляшторный С.Г. *Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии*. М.: Наука, 1964.
7. Акишев К.А. *Древние и средневековые государства на территории Казахстана (этюды исследования) Монография*. Алматы, 2013.
8. Пигулевская Н.В. *Византия и Иран на рубеже VI и VII вв.*, М./Л., 1946.
9. Бичурин Н.Я. *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. Т. 1. М-Л.: Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1950.
10. Малов С.Е. *Памятники древнетюркской письменности: тексты и исследования* /;

- [отв. ред. А.Н. Кононов]; Акад. наук СССР, Ин-т языкознания. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951.
11. Токарев С.Е. *Этнография народов СССР: Ист. основы быта и культуры*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958.
12. Рашид-ад-Дин, *Сборник летописей*. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
13. *Материалы по истории туркмен и Туркмении*. Т. I. Волин С.Л., Ромаскевич А.А., Якубовский А.Ю. М.-Л., Издательство АН СССР, 1939.
14. Лашук Л.П. Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрок и монголов. *Советская этнография*, 1968; № 1. С. 95-106.
15. Баскаков Н.А. *Введение в изучение тюркских языков*. М.: Высш. школа, 1969.
16. Кононов А.Н. Опыт анализа термина «тюрк». *Советская этнография*. 1949; № 1. С. 40-47.
17. Текин Т. Проблема классификации тюркских языков. Проблемы современной тюркологии. Алма-Ата, 1980.
18. Баскаков Н.А. *Тюркские языки*. М.: Изд-во восточной литературы, 1960.
19. Еремеев Д.Е. *Пантюркизм*. БСЭ. М., 1975. Т.19.
20. Надеин-Раевский В.А. История пантюркизма и его современные сторонники. Часть 1. Пантюркизм: основные вехи истории. *Перспективы. Электронный журнал*. 2022; № 1 (28). С. 62-73.
21. Надеин-Раевский В.А. Пантюркизм в рамках идеологической экспансии Турецкой Республики. *Ближний и Постсоветский Восток*. 2024; № 1 (5). С. 17-24.
22. Аватков В.А., Сбитнева А.И. Новый национализм Турецкой Республики. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2022; Т. 24. № 2. С. 291-302.
23. Taha Akyol *Türk dünyası ne demek*. <https://www.milliyet.com.tr/yazarlar/taha-akyol/turk-dunyasi-ne-demek-1116027> (дата обращения: 18.02.2025).
24. *Турецко-русский словарь: 48 000 слов* / Ред.: Э. М.-Э. Мустафаев и Л.Н. Старостов; АН СССР. Ин-т востоковедения. М.: Рус. яз., 1977.
25. Притчин С.А. Турецкая стратегия в отношении Центральной Азии на современном этапе: сильные стороны и ограничители. Ойкумена. *Регионоведческие исследования*. 2024; № 2. С. 52-62.
26. Грязев А. Обыграть Москву: как Анкара строит тюркский мир. *Газета.ru*. <https://news.rambler.ru/middleeast/44528443-obygrat-moskvu-kak-ankara-stroit-tyurkskiy-mir/?ysclid=m84xghscps922020986> (дата обращения: 01.03.2025).
27. Аватков В.А. Постсоветское пространство и Турция: итоги 30 лет. *Контуры глобальных трансформаций: политика,*

- экономика, право. 2021; № 5. С. 162–176.
28. Ataç, C. A. Pax Ottomanica no more! The “peace” discourse in Turkish foreign policy in the post-Davutoğlu era and the prolonged Syrian crisis. *Digest of Middle East Studies*. 2019; (1). P. 48—69 (на тур. яз.).
29. Надеин-Раевский В.А. Политика Турции на Ближнем Востоке. *Пути к миру и безопасности*. 2020; № 1 (58). С. 139—156.
30. Нахичеванское соглашение о создании Совета сотрудничества тюркоязычных государств (г. Нахичевань, 3 октября 2009 года). https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30486433 (дата обращения 12.02.2025).
31. Глазова А.В., Иваненко В.И., Колесников А.А., Свистунова И.А. Влияние «арабской весны» на неарабские страны Ближнего Востока. *Россия и мусульманский мир*. 2015; № 4 (274). С. 94—117.
4. Eremeev D.E. «Turk» - an Ethnonym of Iranian Origin? (On the Problem of the Ethnogenesis of the Ancient Turks). *Soviet Ethnography*. 1990; No. 3. Pp. 129-135. (In Russ.)
5. *History of the Kazakh SSR: from ancient times to the present day: in 5 volumes* / ed.-in-chief of the coll. A.N. Nusupbekov (ed.-in-chief), ed.-in-chief of the coll. S.N. Pokrovsky et al.; Academy of Sciences of the Kazakh SSR, Institute of History, Archaeology and Ethnography named after Ch.Ch. Valikhanov: Publishing House Science of the Kazakh SSR, 1977. (In Russ.)
6. Gumilev L.N. *Ancient Turks*. Moscow: Nauka, 1967. (In Russ.)
7. Klyashtorny S.G. *Ancient Turkic Runic Monuments as a Source on the History of Central Asia*. Moscow: Nauka, 1964. (In Russ.)
8. Akishev K.A. *Ancient and Medieval States on the Territory of Kazakhstan (Research Sketches) Monograph*. Almaty, 2013. (In Russ.)
9. Pigulevskaya N.V. *Byzantium and Iran at the Turn of the 6th and 7th Centuries*, Moscow/ Leningrad, 1946. (In Russ.)
10. Bichurin N.Ya. *Collection of information about the peoples who inhabited Central Asia in ancient times*. T. 1. M-L: Publishing house and 2nd type. Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1950. (In Russ.)
11. Malov S.E. *Monuments of ancient Turkic writing: texts and studies* /; [ed. A.N. Kononov]; USSR Academy of Sciences, Institute of Linguistics. M-L: Publishing house of the

References

- USSR Academy of Sciences, 1951. (In Russ.)
12. Tokarev S.E. *Ethnography of the peoples of the USSR: Historical foundations of life and culture*. Moscow: Publishing house of Moscow University, 1958. (In Russ.)
13. Rashid-ad-Din, *Collection of chronicles*. M-L: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1952. (In Russ.)
14. *Materials on the history of the Turkmens and Turkmenistan*. T. I. Volin S.L., Romaskevich A.A., Yakubovsky A.Yu. M.-L., Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1939. (In Russ.)
15. Lashchuk L.P. *Experience of typology of ethnic communities of medieval Turks and Mongols*. Soviet ethnography, 1968; No. 1. P. 95-106. (In Russ.)
16. Baskakov N.A. *Introduction to the study of Turkic languages*. M.: Higher. school, 1969. (In Russ.)
17. Kononov A.N. *Experience in analyzing the term «Turk»*. Soviet ethnography. 1949; No. 1. P. 40-47. (In Russ.)
18. Tekin T. *The problem of classification of Turkic languages. Problems of modern Turkology*. Alma-Ata, 1980. (In Russ.)
19. Baskakov N.A. *Turkic languages*. M.: Publishing House of Eastern Literature, 1960. (In Russ.)
20. Ereemeev D.E. Pan-Turkism. *Great Soviet Encyclopedia*. M., 1975. Vol. 19. (In Russ.)
21. Nadein-Raevsky V.A. *History of Pan-Turkism and its Modern Supporters*. Part 1. Pan-Turkism: Main Milestones in History. Prospects. Electronic Journal. 2022; No. 1 (28). P. 62-73. (In Russ.)
22. Nadein-Raevsky V.A. *Pan-Turkism in the Framework of the Ideological Expansion of the Turkish Republic. The Middle and Post-Soviet East*. 2024; No. 1 (5). P. 17-24. (In Russ.)
23. Avakov V.A., Sbitneva A.I. *New Nationalism of the Turkish Republic. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia*. Series: Political Science. 2022; Vol. 24. No. 2. Pp. 291-302. (In Russ.)
24. *Taha Akyol Türk dünyası ne demek*. <https://www.milliyet.com.tr/yazarlar/taha-akyol/turk-dunyasi-ne-demek-1116027> (accessed: 18.02.2025).
25. *Turkish-Russian Dictionary: 48,000 words* / Ed.: E. M.-E. Mustafayev and L. N. Starostov; USSR Academy of Sciences. Institute of Oriental Studies. Moscow: Rus. lang., 1977. (In Russ.)
26. Pritchins S. A. *Turkish strategy towards Central Asia at the present stage: strengths and limitations*. Oikumena. Regional studies. 2024; № 2. P. 52-62. (In Russ.)
27. Gryazev A. *Beat Moscow: How Ankara is Building the Turkic World*. *Gazeta.ru*. <https://news.rambler.ru/middleeast/44528443-obygrat-moskvu-kak-ankara-stroit-tyurkskiy-mir/?ysclid=m84xghscps922020986> (accessed: 01.03.2025). (In Russ.)
28. Avatkov V.A. *Post-Soviet Space and Turkey: Results of 30 Years*. Outlines of Global Trans-

formations: Politics, Economics, Law. 2021; № 5. P. 162–176. (In Russ.)

29. Ataç, C.A. *Pax Ottomanica no more! The «peace» discourse in Turkish foreign policy in the post-Davutoğlu era and the prolonged Syrian crisis. Digest of Middle East Studies*. 2019; (1). P. 48–69 (In Turkish).
30. Nadein-Raevsky V.A. *Turkey's policy in the Middle East. Paths to peace and security*. 2020; № 1 (58). P. 139–156. (In Russ.)
31. *Nakhchivan agreement on the establishment of the Cooperation Council of Turkic-Speaking States* (Nakhchivan, October 3, 2009). https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30486433 (date of access 12.02.2025). (In Russ.)
32. Glazova A.V., Ivanenko V.I., Kolesnikov A.A., Svistunova I.A. *The Impact of the «Arab Spring» on Non-Arab Countries of the Middle East. Russia and the Muslim World*. 2015; No. 4 (274). Pp. 94–117. (In Russ.)
33. Volkov K. *What's All the Fuss Around Idlib* // Rossiyskaya Gazeta. 18.02.2020. <https://rg.ru/2020/02/18/zachem-turciia-prishla-vsiriiu.html> (date of access: 01.03.2025). (In Russ.)

Сведения об авторах

Сафин Наиль Рашидович,

кафедра международных отношений, мировой политики и дипломатии Института международных отношений, истории и востоковедения.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Россия, г.Казань, ул.Кремлевская 9.

E-mail: safnail@mail.ru

Нафиков Ильсур Закирзянович,

к.и.н., доцент, заведующий кафедрой алтаистики, тюркских и центральноазиатских исследований Института международных отношений, истории и востоковедения.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Россия, г.Казань, ул.Кремлевская 9.

E-mail: ilsur.nafikov@gmail.com

Information about the authors

Nail R. Safin,

Department of International Relations, World Politics, and Diplomacy

Institute of International Relations, History, and Oriental Studies.

Kazan (Volga Region) Federal University

9 Kremlyovskaya St., Kazan, Russia

E-mail: safnail@mail.ru

Ilsur Z. Nafikov,

Ph.D. in History, Associate Professor, Head of
the Department of Altaic Studies, Turkic, and
Central Asian Studies,

Institute of International Relations, History,
and Oriental Studies.

Kazan (Volga Region) Federal University

9 Kremlyovskaya St., Kazan, Russia

E-mail: ilsur.nafikov@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.03.2025.

Одобрена после рецензирования: 02.04.2025.

Принята к публикации: 10.04.2025.

Information about the article

The article was submitted 25.03.2025

Approved after reviewing 02.04.2025

Accepted for publication 10.04.2025

Pakistan-Russia Relations: Shared Regional Interests and Connectivity

Пакистано-российские отношения: общие региональные интересы и взаимосвязанность

Шабир Ахмад Хан

*Профессор, Центр региональных исследований
(Россия, Китай и Средняя Азия),
Пешаварский университет
shabirasc15@uop.edu.pk*

Shabir Ahmad Khan

*Professor, Area Study Centre
(Russia, China & Central Asia)
University of Peshawar,
shabirasc15@uop.edu.pk*

УДК 327 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-2-2025-164-180](https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-164-180)

АННОТАЦИЯ

Постсоветская разрядка в отношениях между Пакистаном и Россией трансформировалась в сердечные отношения антанты, кульминацией которых стали дружественные отношения в области безопасности, торговли и экономики. Интересы Пакистана и России в Афганистане и центральноазиатском региональном контексте в период после вывода войск США и НАТО решительно совпадают с точки зрения безопасности и взаимодействия. Изменения в глобальной и региональной ориентации мотивируют и призывают к сотрудничеству на двусторонней основе и на многосторонних форумах. Борьба с терроризмом и незаконным оборотом наркотиков из Афганистана и интеграция между Центральной и Южной Азией через стабильный Афганистан являются общей целью. Мирный Афганистан является необхо-

ABSTRACT

The post Soviet Pakistan-Russia détente has been transformed into entente cordial culminating in amiable security, trade and economic relations. Interests of Pakistan and Russia decisively converge in Afghanistan and Central Asian regional context in the post-US/NATO withdrawal period in terms of security and connectivity. Changes in global and regional orientations motivate and appeal for cooperative relations bilaterally and at multi-lateral forums. Countering terrorism and drug trafficking from Afghanistan and integration between Central and South Asia via stable Afghanistan is a shared objective. Peaceful Afghanistan is a pre-requisite to realize Central and South Asian integration complementing Eurasian integration. Bringing stability and development to Afghanistan is thus a shared responsibility of Pakistan and Russia along with Central Asian Republics, China and

димым условием для реализации интеграции Центральной и Южной Азии, дополняющей евразийскую интеграцию. Таким образом, обеспечение стабильности и развития Афганистана является общей ответственностью Пакистана и России, а также центральноазиатских республик, Китая и Ирана как соседей страны. Китайско-российское стратегическое сотрудничество в региональном контексте также укрепляет пакистано-российское сотрудничество. Евразийство прочно вошло в сферу международных отношений России в целях развития Большого Евразийского партнерства (БПЭ) в эпоху после войны на Украине. Старый план России по выходу к Южной Азии и Индийскому океану через Центральную Азию и Пакистан возрождается в изменившейся региональной геополитической и геоэкономической конфигурации. Пакистан является естественным партнером в рамках ГЭП, который свяжет Россию и Центральную Азию с Южной Азией и Индийским океаном. Новая пограничная политика Пакистана направлена на развитие "границы взаимодействия" в сердце Евразии в отличие от старой пограничной политики, которая была направлена на развитие "границы разделения". Пакистан желает служить связующим звеном между Центральной и Южной Азией. Сухопутный транспортно-логистический коридор Север-Юг может быть построен от Екатеринбурга до Гвадара и Карачи, чтобы эффективно связать евразийские трансконтинентальные торговые и логистические коридоры восток-запад с трансокеанскими.

Ключевые слова: Центральная Азия, региональный контекст, безопасность, Южная

Iran as neighbors of the country. Sino-Russian strategic cooperation in regional context also solidifies Pakistan-Russia collaboration. Eurasianism is strongly back in Russia's foreign relations to develop Greater Eurasian Partnership (GEP) in post-Ukraine war era. Russia's old plan to access South Asia and Indian Ocean via Central Asia and Pakistan is revitalized in altered regional geopolitical and geo-economic configuration. Pakistan is a natural partner in GEP to link Russia and Central Asia to South Asia and Indian Ocean. Pakistan's new Frontier Policy aims to develop 'frontier of connectivity' towards Eurasia's heartland in contrast to old Frontier policy that aimed to develop 'frontier of separation'. Pakistan desires to serve as a link between Central and South Asia. An overland North-South transport and logistics corridor can be developed from Yekaterinburg to Gwadar and Karachi to link the east-west Eurasian transcontinental trade and logistic corridors with transoceanic corridors efficiently.

Keywords: Central Asia, Regional Context, Security, South Asia, North-South Corridor, Connectivity.

For citation: Shabir Ahmad Khan. Pakistan-Russia Relations: Shared Regional Interests and Connectivity. *Modern Oriental Studies*. 2025; 7 (2). P. 164-180 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-164-180>

Азия, коридор Север-Юг, связанность.

Для цитирования: Шабир Ахмад Хан. Пакистано-российские отношения: общие региональные интересы и взаимосвязанность. *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (2). С. 164-180 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-164-180>

Introduction

Countries change and redirect foreign policies with changes in global and regional orientations. Pakistan and Russia started the process of trust building through persistent political and diplomatic engagements in post-Cold war era, during the 1990s. The post-Soviet Pakistan-Russia détente then transformed into entente cordial culminating in joint military exercises, trade and economic and security cooperation particularly after 2001. Both countries have commonality of views and approach on regional issues of security and connectivity in post-US/NATO Central Asia. Pakistan-Russia interests decisively converge in Central Asian regional context in particular and in Eurasian setting in general. Foreign policies evolve in a strategic regional context which exists and evolves in a global environment. Central Asia's regional context does not exist in a vacuum, rather it exists and evolves with in a larger Eurasian context which in turn exists and evolves in a global context. The global setting is rapidly changing; the world is more divided and unpredictable today. Likewise, the Central Asian regional geo-political circumstances have altered drastically in post US/NATO military drawl. The

regional geo-economic topography has also been changed due to integration and connectivity plans of Russia, China and European Union. Russia in the north and Pakistan in the South to a fundamentally changed Central Asian regional context have assumed added significance for each other. Russia's changed approach to South Asia influenced by a change in its policy goals and changes in global and regional orientations resulted in a shift to develop strategic and economic cooperation with Pakistan. Pakistan also made efforts to diversify its foreign relations and forge closer cooperation with Russia to manage uncertainty of great powers competition.

Pakistan, almost a decade ago, reversed the 200 years old Frontier Policy an imperial legacy which perceived Russia across the Amu Darya as an adversary¹. The change in Frontier policy played important role in enhancing mutual trust and intelligence cooperation. Kamal Alam claims that a significant development took place in 2018 when the spy chiefs of Russia, China and Iran met in Islamabad to discuss the situation in Afghanistan and Central Asia in the then anticipated US/NATO withdrawal². A new relationship with Russia is the New Frontier Policy in the Central Asian context supplemented

¹ Murtaza Ali Shah, "Pakistan Army has reversed Great Game: report", The News, (8 September 2018), https://www.thenews.com.pk/print/365389-pak-army-has-reversed-great-game-report?fbclid=IwAR3LH_YYa9F3rjWiAZcfzC7M564wmlsNIIndFKUqzmFsmE5p_nEk_OueJ44, accessed January 16, 2025

² Kamal Alam, "Pakistan's Army Reverses the Great Game: The Oxus meets the Indus", RUSI, (September 07, 2018), retrieved from <https://www.rusi.org/explore-our-research/publications/rusi-newsbrief/pakistans-army-reverses-great-game-oxus-meets-indus>

by Pakistan-China close strategic partnership and China-Pakistan-Economic-Corridor (CPEC)³. The old one was designed to develop 'frontiers of separation' while the new one aims to develop 'frontiers of connectivity' towards Eurasian heartland and beyond for Pakistan. Pakistan's New Frontier Policy is a State-Policy shaped by national interests and shared goals with Russia and Central Asia. The state-policies guided by national interests, pragmatism and shared goals do not change with a change of government. This might be one of the reasons that Pakistan's diplomacy is challenged by a strategic-friction between the old and the new frontier-policies. The challenge of changing orbit is complex because an order is being replaced by another. It has regional and trans-regional strategic and economic implications and therefore the transition is destabilizing politically as well as economically for Pakistan.

The post American Central Asia presents new opportunities as well as challenges to Pakistan, Russia, China and Central Asian Republics (CARs). Pakistan's interests are naturally converging with Russia along with China and Central Asian Republics in Afghanistan, Central Asia, South Asia and West Asia. Russia as an energy superpower has always shown interest to meet Pakistan's energy and wheat needs. Pakistan's diplomatic, strategic and intelligence cooperation with Russia and Central Asian Republics is now almost two decades old and is significant in time and space dimensions. It was mainly a regional consensus and understanding between Russia, Pakistan, CARs, China and Iran that avoided a much-anticipated civil war

in Afghanistan. Otherwise, the option seemed to escalate conflict in entire Central Asian region after devastating the Middle East. The option of escalating conflict in greater Central Asia still remains because of the presence of terrorist organizations in Afghanistan eliminating which is a shared goal and responsibility.

Central Asian regional geopolitical configuration has undergone significant change once again after the US/NATO withdrawal. The regional geo-economic landscape has been evolving with trans-regional integration and connectivity plans of major powers particularly of Russia, China and European Union. The changed regional geopolitical and geo-economic configuration in Central Asia including Afghanistan compels both Pakistan and Russia to develop closer strategic cooperation for the sake of regional stability and connectivity. Both the countries share common understanding of the threat posed by instability in Afghanistan. Joint military counterterrorism exercises, seven in a series, between Pakistan and Russia enhance their operational capabilities and symbolize joint commitment to address the issues of terrorism collectively with shared resolve. Drug-trafficking, presence of terrorist organizations in Afghanistan and its fragile economy amid institutional decay demand a collective regional approach to address the Afghan imbroglio. Pakistan and Russia share perspective on a regionally inclusive settlement of Afghanistan's imbroglio for sustainable peace as the 'layover' phenomenon has come to an end in the wake of US military withdrawal from the region. Roles of regional countries have increased

³Saeeda et al., "The Frontier Policy", The Dialogue, 16 (1), (January-March 2021), retrieved from https://www.academia.edu/45611762/The_Frontier_Policy, accessed January 16, 2025.

with the end of layover caused by direct intervention of extra-regional major power. Sino-Russian strategic collaboration also enforces and solidifies Pak-Russia cooperation. Russia had old plans to access South Asia and Indian Ocean which has been enforced by war with Ukraine and Western sanctions. Shared interests of peace and development in Central Asia and Afghanistan ultimately lead towards Central and South Asia integration and connectivity to link Russia via Central Asia to South Asia, Indian Ocean and beyond in post Ukraine war.

This research work, besides presenting a brief overview of overall bilateral relations, attempts to answer three main questions: first what are the areas of mutual interest between Pakistan and Russia bilaterally and in the changed regional context? How the changed global and regional circumstances impact Pak-Russia bilateral relations? How connectivity between Pakistan and Russia has been evolving in an altered regional configuration? Methodology adopted is qualitative in nature. The content and discourse analysis methods are employed to examine, interpret and reinterpret the documents/texts as well as the context. The approach is exploratory as well as explanatory aiming to explore the under studied aspects of Pakistan-Russia relations in regional context and explains the causes and consequences of evolving regional geopolitical and geo-economic landscape

for bilateral relations in terms of security and connectivity.

Theoretical Framework

Theories explain and predict a concept or a phenomenon. The theories of International Relations including realism, hedging and liberalism impact and guide the behaviors of Pakistan and Russia regarding their bilateral relations. This bilateral relationship is guided by realism at times as in the anarchic world, states try to maximize their power and interests through alliances to create and maintain balance when threatened by hegemony.⁴ Russia as a major power seems pursuing an offensive realism in the global arena while Pakistan seems pursuing defensive realism within the regional sub-system to maximize power for its security. Hedging is to synthesize the balancing and band wagoning concepts of international relations. Relatively weak countries also hedge at times in conducting relations with major powers to diversify their foreign relations, to mitigate risks, to maximize economic benefits and to avoid overdependence on a single power in order to manage uncertainty of abandonment. Hedging occurs when smaller states simultaneously cooperate with two major powers.⁵ Liberalism emphasizes on states' political and economic cooperation through institutions and economic connectivity⁶. Both the countries Pakistan

⁴ Shabir Ahmad Khan, "Russia's Changing Policy Towards South Asia: Options for Pakistan", Central Asia No. 79 (Peshawar: Area Study Centre, University of Peshawar, 2016), 9

⁵ Yuzhu Wang, "Hedging Strategy: Concept, Behavior, and Implications for China-ASEAN Relations", East Asian Affairs, vol. 1 No. 2, (2021), retrieved from <https://doi.org/10.1142/S2737557921500121>, accessed January 18, 2025

⁶ Jeffrey W. Meiser, "Introducing Liberalism in International Relations Theory", E-International Relations, (Feb. 18, 2018), retrieved from <https://www.e-ir.info/2018/02/18/introducing-liberalism-in-international-relations-theory/>, accessed January 21, 2025

and Russia are developing bilateral and multilateral cooperation through regional and international institutions including the SCO. The theory of regional integration based on the principles of 'open regionalism' also guides the bilateral relations in terms of connectivity and integration between Russia, Central Asia and South Asia. Open regionalism refers to bilateral, tri-lateral or multilateral project and sector specific regional integration arrangements, having no restrictions on non-regional states to join a particular regional integration arrangement or access to markets of regional states. Similarly, there are no supra-national institutions involved under the concept of open regionalism to surrender state sovereignty in some areas⁷.

Bilateral Trade and Economic Relations

Over the past decade, Russia and Pakistan have demonstrated strong political will for long term engagement through comprehensive bilateral relations in all spheres of life. Both the countries have thus taken initiatives to enhance trade and economic cooperation though the economic dimension of bilateral relations does not correspond to their potential. Pakistan's pursuit of economic re-

demption and energy supplies, plus the Russian aspiration to expand its economic footprints in Asia brings the two countries together. In 2010, Pakistan and Russia established Inter-Governmental Commission on trade and economic relations while Strategic Dialogue forum was established in 2013. In January 2018, State Bank of Pakistan and Central Bank of Russia signed MoU on banking cooperation paving ways for banks of both the countries to develop financial frameworks and credit lines to support trade. Both the countries resolved four decades old trade dispute in 2019.⁸ Shortly after that the Russian Minister of Industry and trade Denis Manturov led a large business delegation of 64-members on official four-day visit to Islamabad. Russia provided 200,000 doses of Sputnik V vaccine to Pakistan during Covid.⁹ During the year 2020-21 the bilateral trade surged to \$790 million with almost 50 percent increase from 2019-20.¹⁰

Pakistan and Russia signed the shareholders' agreement on July 15, 2021, which outlined the terms to construct the 1100 km long North-South natural gas pipeline worth \$3.4 billion in Pakistan renamed as Pak-Stream Gas Pipeline System (PSGP). This project is part of a Russian investment

⁷ Lolette Kritzingner –van Niekrek, Regional Integration: Concepts, Advantages, Disadvantages and Lessons of Experience, (Mozambique: Southern Africa Regional Poverty Network, 2005), http://www.sarpn.org/documents/d0001249/P1416-RI-concepts_May2005.pdf, accessed January 23, 2025

⁸ Zafar Bhutta, "Pakistan settles Soviet-era trade dispute with Russia", The Express Tribune, (7 November 2019), <https://tribune.com.pk/story/2095099/2-pakistan-settles-decades-old-trade-dispute-russia>, accessed January 18, 2025

⁹ Foreign Minister Sergey Lavrov's remarks and answers to media questions at a joint news conference with Foreign Minister of Pakistan Makhdoom Shah Mahmood Qureshi, Islamabad, (7 April 2021), The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, https://archive.mid.ru/en/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/4666612, accessed January 23, 2025.

¹⁰ Ibid

package worth \$18.7 billion in Pakistan's energy sector promised by Russia in 2019.¹¹ Pakistan and Russia signed the first ever MoU on barter trade in October 2024 covering agricultural products, agro-industry, metallurgy, textiles, sport goods, surgical equipments and pharmaceuticals for Pakistan's expanded share in Russia's market. The annual bilateral trade has exceeded \$1 billion for the first time in history during 2024.¹² The overland North-South trade corridor will enhance the bilateral trade between the two countries to efficiently utilize the recently signed (October, 2024) barter trade agreement between Pakistan and Russia. Simplification of custom and trade procedures will facilitate smooth and faster transactions. Both the countries can establish joint ventures in key sectors including agriculture, energy and technology. Pakistan with tremendous energy demands can be a new client of Russia while Russia seems eager to invest in the energy sector and provide LNG as Russian companies have filed proposals to supply more LNG to Pakistan.¹³ Russia-Central Asia-South Asia integration, as discussed below, will definitely enhance trade and economic cooperation and people to people contacts. Educational and cultural

exchanges including faculty and scholar exchange programs and joint research projects can build foundation for enhanced mutual understanding and people to people contacts.

Defense and Strategic Cooperation

Pakistan and Russia have smoothly enhanced bilateral defense relations, arms trade and military trainings through joint military exercises since the signing of strategic cooperation agreement in 2014. Russia as one of the leading exporter of arms in the world heavily depends on arms export while Pakistan as the seventh largest importer of arms can be an important market for Russia.¹⁴ Pakistan and Russia established Strategic Dialogue Forum in 2013 and next year Russia lifted self imposed embargo on arms supply to Pakistan in 2014. The Russian defense Minister visited Pakistan in 2014, the first such visit after 1969, and signed agreements on expansion of defense and military cooperation along with agreement on sale of Mi-35 helicopters to Pakistan.¹⁵ Both the countries established Joint Military Consultative commission in 2018 while the defense and strategic relations are governed by the 2014 agreement.

¹¹ B Claudia Chia and Zheng Haiqi, "Russia-Pakistan Economic Relations: Energy Partnership and the China Factor", (Institute of South Asian Studies, National University of Singapore, 6 October 2021), retrieved from <https://www.isas.nus.edu.sg/papers/russia-pakistan-economic-relations-energy-partnership-and-the-china-factor/> accessed January 16, 2025

¹² *Business Recorder*, (October 29, 2024), retrieved from <https://www.brecorder.com/news/40329447/pakistan-russia-trade-sees-50pc-hike-last-year-matviyenko>, accessed January 16, 2025

¹³ Claudia Chia and Zheng Haiqi, op.cited

¹⁴ M. Sarmad Zia. "Pak-Russia Defense Relations." *The Nation*, (Islamabad, March 27, 2017), retrieved from <https://www.nation.com.pk/27-Mar-2017/pak-russia-defense-relations> , accessed January 18, 2025

¹⁵ Khurram Abbas, "Russia's Revival: Opportunities and Limitation for Pakistan." IPRI. (Islamabad: Islamabad Policy Research Institute, February 4, 2017), retrieved from <http://www.ipripak.org/russias-revival-opportunities-and-limitations-for-pakistan/> , accessed September 11, 2017.

Pakistan received four Mi-35 helicopters in 2017 under a deal of \$153 million.¹⁶ Both Both the countries are regularly undertaking joint military exercises. The frequency of high-level military exchanges has increased during the last 10 years. In 2018, Pakistan and Russia signed the "Security Training Agreement" to train Pakistani military officers in Russian military institutions for the first time.¹⁷ The agreement was signed when USA terminated Pakistan's participation in its International Military Training Program in 1018.¹⁸ Counter terrorism joint military exercises in the name of Druzhba (friendship) have been conducted since 2016 and seven in a series completed in defiance of Delhi's objection. The Russian Navy's largest anti-submarine destroyer known as Severmorsk, participated in a multinational joint Naval 'Aman' (peace) exercises in Karachi during 2017.¹⁹ An Indian source argues that Russia's changed approach towards Pakistan is only market seeking for arms sale.²⁰ It is a fact that Pakistan finds a new arms supplier in the form of Russia while Russia finds a new market and an ally close to China in the form of Pakistan for its economic gains and security concerns. However, the context of bilateral security

and defense relations demonstrate that the security cooperation between Pakistan and Russia is much broader and deep than the arms trade.

Shared Regional Interests and Connectivity

Peaceful Afghanistan to serve as a link between Central and South Asia seems the foremost common interest. Russia considers the security and stability of Central Asia vital for its own security and therefore considers maintaining stability in Central Asia its own responsibility. Russia is sensitive to terrorist groups nurturing in Afghanistan and drug-trafficking from there. Pakistan's western border is resonating with the fear of militants' trespassing and creating mayhem in the two provinces bordering Afghanistan. Pakistan and Russia had concluded, since long, that America's war, its military involvement in Afghanistan has reached to its limits, and US/NATO will withdraw from Afghanistan. Russia, anticipating the strategic vacuum in post-US withdrawal Afghanistan and the decisive positioning of Pakistan and China in the Afghanistan conflict as neighbors, decided to align with China and Pakistan for managing security in the

¹⁶ Franz-Stefan Gaddy, "Pakistan Begins Receiving Advanced Attack Helicopters from Russia", The Diplomat, (April 12, 2018), retrieved from <https://thediplomat.com/2018/04/pakistan-begins-receiving-advanced-attack-helicopters-from-russia/> accessed January 18, 2025

¹⁷ Feroz Hassan Khan, "Russia-Pakistan Strategic Relations: An Emerging Entente Cordiale, Journal of Indo-Pacific Affairs, (Air University Press, January 15, 2021), retrieved from <https://www.airuniversity.af.edu/JIPA/Display/Article/2473361/russiapakistan-strategic-relations-an-emerging-entente-cordiale/> accessed January 18, 2025

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Usman Ali and Tauseef Javed, "Pakistan-Russia Emerging Cooperation: Opportunities and Challenges", Margalla Paper, Issue-1, (2024), retrieved from <https://margallapapers.ndu.edu.pk/site/article/download/245/164/433>, accessed January 18, 2025

²⁰ Sanjay Pulipaka, "Russia's New Approach to Pakistan: All About Arms Sales," The Diplomat, (September 28, 2016), <https://thediplomat.com/2016/09/russias-new-approach-to-pakistan-all-about-arms-sales/>, accessed January 22, 2025

region. Sustainable peace and economic development in Central Asia and Afghanistan and connectivity between Central and South Asia via stable Afghanistan are common interests.

Shared interests in post-US Afghanistan are: to counter terrorist organizations present in Afghanistan including Islamic State of Khorsan Province (ISKP), Tehrik-e-Taliban Pakistan (TTP), East Turkistan Islamic Movement (ETIM) and Islamic Movement of Uzbekistan (IMU) etc., to address Afghanistan imbroglio through a regionally coordinated approach, to effectively address the issue of drug trafficking and to include Afghanistan in regional economic process and weave Afghanistan in regional net of connectivity.²¹ One of the primary aims of Pakistan-Russia collaboration is to deal with several international terrorist groups present in Afghanistan. Moscow has already given credibility to Pakistan's counter terrorism efforts and has declared Pakistan a close counter terrorism partner.²² According to an Indian analyst at the Defense and Security Analysis Institute in Delhi, "Russia and China have found Pakistan to be a significant partner in stabilizing the region".²³ Russia along with China shares Pakistan's concerns over stabilizing the Pak-Afghan border and the return of

Afghan refugees.²⁴ Russia has declared Pakistan as a priority partner in South Asia during the Shanghai Cooperation Organization (SCO) Summit in September 2022.

Convergence of interests is a powerful idea while Pakistan-Russia security, trade, economic and connectivity interests decisively converge in Central Asian and South Asian geopolitical and geo-economic landscape. Russia's changed policy towards South Asia signified close cooperation with Pakistan and pursues a policy of balancing Pakistan and India to play a role in Pakistan-India détente by having military, strategic and economic cooperation with both the countries simultaneously.²⁵ This can be beneficial however if Russia agrees to mediate between Pakistan and India to pave way for Central and South Asian integration, Russia would require consent from both the countries. During 2017, Russia held military exercises with Pakistan and India while in 2018 military contingents from both Pakistan and India participated in joint military exercises under the SCO platform which was a positive development in view of Pakistan-India tension. Though Pakistan does not match India's military, political and economic influence, Pakistan has unique significance vis-à-vis the

²¹ Shabir Ahmad Khan, "Pakistan-Russia Collaboration: Implications for Afghanistan and Central Asia", Central Asia No. 84 (Peshawar: Area Study Centre, University of Peshawar, 2019), 11

²² Samuel Ramani, "What Driving Russia-Pakistan Cooperation on Afghanistan", The Diplomat, (May 09, 2017), retrieved from <https://thediplomat.com/2017/05/whats-driving-russia-pakistan-cooperation-on-afghanistan/> accessed January 16, 2025

²³ P. Stobdan, Russia's New Game Plan (New Delhi: Institute for Defense Studies and Analyses, 2015), https://www.files.ethz.ch/isn/193779/IB_pstobdan_180915.pdf

²⁴ Sundas Khizar and Rana Ijaz, "Pakistan's Engagement with China and Russia," Pakistan Social Sciences Review 5, no. 4 (2021), <https://pssr.org.pk/issues/v5/4/pakistan-s-engagement-with-china-and-russia-impacts-on-the-regional-order.pdf>

²⁵ Shabir Ahmad Khan, "Russia's Changing Policy Towards South Asia: Options for Pakistan", Central Asia No. 79 (Peshawar: Area Study Centre, University of Peshawar, 2016), 12

Eurasia's heartland in terms of Eurasian, Central and South Asian integration. Any overland connectivity from Russia and Central Asia to India has to pass through Pakistan. Russia supported Pakistan's membership in SCO which is an important forum for Pakistan and Russia to align priorities and develop a coordinated regional approach for security and connectivity in Eurasia's heartland with all other members states.

The contemporary era underlines interstate relations on the basis of geo-economics for socio-economic development as the Economic Cooperation Organization (ECO), Eurasian Economic Union, BRICS, SCO and BRI replaced the security centered organizations like SEATO and CENTO. Russia's pivot to east/Asia has been centered on Greater Eurasian Partnership (GEP) where Central Asian Republics and Pakistan have to play important roles. Russia invited Pakistan and India to the inaugural session of Eurasian Economic Union held in January 2015.²⁶ Central Asia's significance to Russia can also be judged by the fact that Russia initiated war with Ukraine when the US/NATO had already left Central Asia militarily. Importance of Central Asia for Russia will grow in the coming decades and likewise the need for stability in the region. Pakistan under its 'Vision Central Asia Poli-

cy' has focused to access strategically and economically important region while also aims to provide an outlet to the region by reviving the historical links. Pakistan-China strategic cooperation reinforces Pakistan-Russia collaboration while Sino-Russian condominium in Central Asia serves the interests of regional countries in terms of security and connectivity.²⁷ Sino-Russian cooperative management in Central Asia has gained added space in the wake of US military withdrawal from the region.²⁸ It can be safely argued that the concept of forming and developing a quadrilateral cooperation between Pakistan, Russia, Central Asia and China can be decisive in the security and connectivity of Eurasia's heartland. Joy Mitra has already declared the Russia, China, Pakistan triumvirate as a reality in 2015.²⁹ However I would add Central Asia also to this triumvirate as a converging space in terms of connectivity. Security, economic development and connectivity are considered shared goals to shape Russia-Central Asia-South Asia integration through trade and logistic corridors supplementing Silk Road Economic Belt and CPEC forging Greater Eurasian Partnership.

Russia's pivot to Asia has been re-enforced by Ukraine war and Western sanctions. Russia's plan to unify and integrate Eurasian space under

²⁶ Shabir Ahmad Khan, "Russia and China in the Shifting Geopolitics of Central Asia and Implications for Pakistan", Region 12 (2) July 2023, (Slavica: Indiana University, June 2024), 203

²⁷ Michael Clark, "The Neglected Eurasian Dimension of the 'Indo-Pacific': China, Russia and Central Asia in the Era of BRI," in "The Indo-Pacific: From Concept to Contest," special issue Security Challenges 16, no. 3 (2020): 32-38, <https://www.jstor.org/stable/10.2307/26924337>, accessed January 21, 2025

²⁸ Shabir Ahmad Khan, "Russia and China in the Shifting Geopolitics of Central Asia and Implications for Pakistan" op. cited, 205

²⁹ Joy Mitra, "Russia, China and Pakistan: An Emerging New Axis?" The Diplomat, (August 18, 2015), retrieved from <http://thediplomat.com/2015/08/russia-china-and-pakistan-an-emerging-new-axis/>, accessed 13/9/017

North-South Corridor to South Asia and Indian Ocean

Рис.1. Азиатская трасса 7: сухопутный путь «Север-Юг»

Figure 1. Asian Highway 7: Overland North-South Corridor

the Greater Eurasian Partnership (GEP) from Eastern Europe to East and South Asia has been absorbed by the countries in the region.³⁰ Russia's cooperation with China, Central Asia, Pakistan, Iran and India to develop trade and logistic corridors is focused under the GEP. Greater Eurasian Partnership seems to be based on the principles of open regionalism however Russia's Eurasian Economic Union is based on the principles of close regionalism as a custom union with supranational institutions. It will be relatively easier to develop Greater Eurasian Partnership on the principles of open regionalism i.e. project/activity specific bilateral, tri-lateral and multilateral regional integration arrangements having no supranational institutions as

China and European Union have been doing in Central Asia. However, it seems almost impossible to develop GEP on the principles of close regionalism having restrictions on non-member states and to surrender sovereignty in some cases to the supranational institutions. Therefore, it is advisable to focus on bilateral and multilateral projects and activity specific regional integration arrangements on the principles of open regionalism to forge Greater Eurasian Partnership.

The Asian Highway 7 (Figure 1) from Yekaterinburg via Astana, Bishkek, Tashkent, Kabul, Peshawar plus Kandahar, Gwadar and Karachi can be developed into an overland North-South trade and logistic corridor. Belarus also joined this

³⁰ Материалы Nikolai Sergeyevich Trubetzkoy, The Legacy of Genghis Khan and Other Essays on Russia's identity. ed. Anatoly Liberman (Michigan: Slavic Publications, 1991[1925]): 220

Рис.2. Евразийские коридоры «Восток-Запад»

Figure 2. East-West Eurasian Corridors

corridor which can also be termed as Belarus-India Ocean overland trade and logistic corridor. It is supplemented by Central Asian Regional Economic Cooperation's (CAREC) corridors 5 and 6 in addition to CPEC across Pakistan. It will efficiently link the East-West trans-continental (Eurasian) trade and logistic corridors from China via Central Asia, Caucasasia and Russia to Europe (Figure 2) with trans-oceanic corridors in a north-south direction. This overland North-South corridor from Russia to South Asia would serve as economic artery inter-linking northern, middle and southern Eurasian corridors to develop integration, trade, communication and cooperation. The Central Asian Republics have also adopted a regional economic approach for increased transit trade via Afghanistan

and Pakistan. Kazakhstan and Uzbekistan after removing Taliban from terrorist list have increased transit trade via Afghanistan. Russia, China, CARS, Iran and even India have taken steps to improve relations with Taliban.³¹

P. Stobdan of India has stated that Russia since long planned to access the great Ocean via Pakistan.³² Russia's plan of access to South Asia and Indian Ocean can be realized in the altered regional geopolitical circumstances. The Soviet era's trade and logistic infrastructure in Central Asia up to Amu Darya, China's connectivity infrastructure developed under Silk Road Economic Belt, proposed trans-Afghan railway line, Khyber-Pass Economic Corridor and CPEC, energy pipelines and power cables are the main components of

³¹ Harsh V. Pant and Shivam Shikhawar, "Back to Kabul", Observer Research Foundation, (January 18, 2025), retrieved from <https://www.orfonline.org/research/back-to-kabul> accessed January 21, 2025

³² P. Stobdan, *Russia's New Game Plan* (New Delhi: Institute for Defence Studies and Analyses, 2015), https://www.files.ethz.ch/isn/193779/IB_pstobdan_180915.pdf, accessed January 17, 2025

this overland North-South transport and logistics corridor. The World Bank approved Khyber-Pass Economic Corridor worth \$408 million to develop 4 lane highway linking Peshawar with Torkham (Pak-Afghan border) along with Special Economic Zones. This will be linked to Central Asian Regional Economic Cooperation (CAREC) corridors 5 and 6 via Kabul in addition to the Economic Cooperation Organization's highways 1 to 7 ultimately shaping Pakistan-Afghanistan-Central Asia Corridor.³³ China has shown interest in the development of trans-Afghan railway line while Russia supports the Trans-Afghan-Pakistan-India gas pipeline. Russia has already shown interest in the development of TAPI. Thus Pakistan can serve as a buckle in Sino-Russian convergence on Eurasian integration.

Russian analysts have long ago declared Pakistan as a zipper and trans-regional gateway state to link Russia with South Asia, West Asia and Indian Ocean through CPEC and Gwadar port.³⁴ Syed Fazle Haidar says that Russia's access to South Asia and Indian Ocean under the Greater Eurasian Partnership passes through CPEC. He argues that Russia's agreement with Interim Afghan government under the Taliban to supply discounted oil and grains, its understanding to export oil to

Pakistan on deferred payments in Chinese currency and Russia's plan to extend its Soviet era gas pipeline infrastructure in Central Asia to Pakistan are indications and preparations on part of Russia to join CPEC.³⁵ This is increasingly becoming a reality in the changed regional geopolitical landscape of Eurasian integration. The potential of CPEC to contribute significantly to the Eurasia's heartland connectivity and broader regional developments to influence international geo-economics provide important motivation for Russia's increasing cooperation with Pakistan.

Conclusion

It is obvious that Pakistan-Russia relations have seen unprecedented warmth and growth during the last two decades particularly since 2001, demonstrating high level of mutual trust. Both the countries are cooperating beyond the slogans. There are trade and economic complementarities in areas of agriculture, agro-industry, defense technology and energy in the context of bilateral relations. Similarly, the security and connectivity interests of both the countries decisively converge in the altered Central Asian regional context. According to Charles Hermann, countries change foreign policy when global

³³ Shabir Ahmad Khan, "Trans-Regional Connectivity in Eurasia's Heartland and the Role of Uzbekistan", *FWU Journal of Social Sciences*, Vol. 16, No. 2 (2022) Winter, 5

³⁴ Vladimir Morozov and Andrew Korybko, "Pakistan's Role in Russia's Greater Eurasian Partnership," *Russian International Affairs Council*, (June, 2020), <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/pakistan-s-role-in-russia-s-greater-eurasian-partnership/>, accessed January 17, 2025

³⁵ Syed Fazl-e-Haider, "Russia's Greater Eurasian Partnership Passes through the CPEC," *Eurasia Daily Monitor* 19 (161) (2022), <https://jamestown.org/program/russias-greater-eurasian-partnership-passes-through-the-cpec/>, accessed January 17, 2025.

³⁶ Charles Hermann, "Changing Course: When Governments Choose to Redirect Foreign Policy". *International Studies Quarterly*, 34(1). (USA: Georgetown University, 1990), retrieved from https://edisisciplinas.usp.br/pluginfile.php/7764298/mod_resource/content/2/Hermann-Changing%20Course%20When%20Governments%20Choose%20to%20Redirect.pdf, accessed January 19, 2025.

orientation changes forcing actors (countries) to redirect orientation towards world affairs.³⁶ Same can be applied to change in regional orientation. Foreign policies change with a change in regional strategic environment as foreign policies are regional as well as global. The global and regional (Central Asian) orientations have fundamentally changed in the wake of Russia-Ukraine war, US/NATO military withdrawal from Central Asia, CARs' consolidated nation and statehood, China's economic rise and end of war in Afghanistan motivating Russia and Pakistan for closer cooperation. Eurasianism is strongly back in the foreign policy of Russia in contrast to the Atlanticism of early 1990s. Russia's Greater European Program has been resolutely replaced by its Greater Eurasian Partnership in post-Ukraine war period. Russia is looking for new trade, energy and arms markets as well as for strategic and economic partners in Asia. Pakistan has been diversifying foreign trade, economic and defense relations particularly to utilize its important geographical location as multi-regional country on the basis of geo-economics.

The presence of terrorist groups in Afghanistan is a common concern for Russia and Pakistan along with Central Asian Republics, Iran and China. Pakistan and Russia are unanimous to counter terrorism with joint efforts and to address the Afghan imbroglio through a coordinated regional approach. Sino-Russian collaboration solidifies Pakistan-Russia cooperation in terms of security and connectivity in Eurasia's heartland. Only a secure and stable Afghanistan guarantee's Central and

South Asia economic connectivity and integration which in turn promises realization of Russia's old plans of access to South Asia and beyond. In this era of Eurasian integration, Russia-Central Asia-South Asia trade and logistic corridor complements the Northern, Central and Southern Eurasian corridors initiated by China, the CPEC, the rail and road corridors of ECO and CAREC efficiently.

Russia's Greater Eurasian Partnership plan makes Pakistan a natural partner. Pakistan would welcome to be a linking bridge between Russia-Central Asia and South Asia. The Asian highway 7 starting from Yekaterinburg in Russia via Astana, Tashkent, Kabul, Kandahar, Quetta and Gwadar/Karachi will take the form of overland North-South trade and logistic corridor from Belarus to Indian Ocean. It will also efficiently link the east-west trans-continental Eurasian trade and logistic corridors to the trans-oceanic corridors in a north-south direction enhancing trans-regional trade and economic activity. CARs desire to develop multi-dimensional routes for foreign trade to overcome their geographical challenge. CARs have shown renewed interests to engage Afghanistan in regional economic and connectivity processes to open up in southerly direction and revive the historical links with South Asia. The evolving relationship for enhanced trans-regional connectivity has the potential to turn into a quadrilateral coalition partnership amid Russia, Pakistan, Central Asia and China.

³⁶ Charles Hermann, "Changing Course: When Governments Choose to Redirect Foreign Policy". *International Studies Quarterly*, 34(1). (USA: Georgetown University, 1990), retrieved from https://edisciplinas.usp.br/pluginfile.php/7764298/mod_resource/content/2/Hermann-Changing%20Course%20When%20Governments%20Choose%20to%20Redirect.pdf, accessed January 19, 2025.

References

1. Abbas, Khurram. "Russia's Revival: Opportunities and Limitation for Pakistan." *IPRI*. Islamabad: Islamabad Policy Research Institute, February 4, 2017, retrieved from <http://www.ipripak.org/russias-revival-opportunities-and-limitations-for-pakistan/> , accessed September 11, 2017.
2. Alam, Kamal. "Pakistan's Army Reverses the Great Game: The Oxus meets the Indus", *Royal United Services Institute (RUSI)*, September 07, 2018, retrieved from <https://www.rusi.org/explore-our-research/publications/rusi-newsbrief/pakistans-army-reverses-great-game-oxus-meets-indus>, accessed January 21, 2025
3. Ali, Usman and Tauseef Javed. "Pakistan-Russia Emerging Cooperation: Opportunities and Challenges", *Margalla Paper* (Issue-1), 2024, retrieved from <https://margallapapers.ndu.edu.pk/site/article/download/245/164/433> accessed January 18, 2025.
4. Bhutta, Zafar. "Pakistan settles Soviet-era trade dispute with Russia", *The Express Tribune*, 7 November 2019, <https://tribune.com.pk/story/2095099/2-pakistan-settles-decades-old-trade-dispute-russia>, accessed January 18, 2025.
5. *Business Recorder*, October 29, 2024, retrieved from <https://www.brecorder.com/news/40329447/pakistan-russia-trade-sees-50pc-hike-last-year-matviyenko>, accessed January 16, 2025.
6. Chia, Claudia., and Zheng Haiqi, "Russia-Pakistan Economic Relations: Energy Partnership and the China Factor". *Institute of South Asian Studies, National University of Singapore*. 6 October 2021, retrieved from <https://www.isas.nus.edu.sg/papers/russia-pakistan-economic-relations-energy-partnership-and-the-china-factor/> accessed January 16, 2025.
7. Clark, Michael. "The Neglected Eurasian Dimension of the 'Indo-Pacific': China, Russia and Central Asia in the Era of BRI," in "The Indo-Pacific: From Concept to Contest," special issue *Security Challenges* 16, no. 3 (2020): 32-38, <https://www.jstor.org/stable/10.2307/26924337> , accessed January 21, 2025
8. Fazl-e-Haider, Syed. "Russia's Greater Eurasian Partnership Passes through the CPEC," *Eurasia Daily Monitor* 19 (161) 2022. <https://jamestown.org/program/russias-greater-eurasian-partnership-passes-through-the-cpec/>, accessed January 17, 2025.
9. Foreign Minister Sergey Lavrov's remarks and answers to media questions at a joint news conference with Foreign Minister of Pakistan Makhdoom Shah Mahmood Qureshi, Islamabad, 7 April 2021, The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, https://www.mid.ru/en/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4666612.
10. Gaddy, Franz-Stefan. "Pakistan Begins Receiving Advanced Attack Helicopters from Russia", *The Diplomat*, April 12, 2018, retrieved from <https://thediplomat.com/2018/04/pakistan-begins-receiving-advanced-attack->

- helicopters-from-russia/ accessed January 18, 2025.
11. Khan, Feroz Hassan. "Russia-Pakistan Strategic Relations: An Emerging Entente Cordiale, *Journal of Indo-Pacific Affairs*, Air University Press, January 15, 2021, retrieved from <https://www.airuniversity.af.edu/JIPA/Display/Article/2473361/russiapakistan-strategic-relations-an-emerging-entente-cordiale/> accessed January 18, 2025.
 12. Khan, Shabir Ahmad. "Russia's Changing Policy Towards South Asia: Options for Pakistan", *Central Asia* No. 79. Peshawar: Area Study Centre, University of Peshawar, 2016
 13. Khan, Shabir Ahmad. "Russia and China in the Shifting Geopolitics of Central Asia and Implications for Pakistan", *Region* 12 (2) July 2023. Slavica: Indiana University, June 2024
 14. Khan, Shabir Ahmad. "Pakistan-Russia Collaboration: Implications for Afghanistan and Central Asia", *Central Asia* No. 84 (Area Study Centre, University of Peshawar, 2019), 11.
 15. Khan, Shabir Ahmad. "Russia's Changing Policy Towards South Asia: Options for Pakistan", *Central Asia* No. 79. Peshawar: Area Study Centre, University of Peshawar, 2016
 16. Khan, Shabir Ahmad. "Trans-Regional Connectivity in Eurasia's Heartland and the Role of Uzbekistan", *FWU Journal of Social Sciences*, Vol. 16, No. 2 (2022) Winter, 5
 17. Khizar, Sundas and Rana Ijaz. "Pakistan's Engagement with China and Russia," *Pakistan Social Sciences Review* 5, no. 4 2021, <https://pssr.org.pk/issues/v5/4/pakistan-s-engagement-with-china-and-russia-impacts-on-the-regional-order.pdf>
 18. Meiser, Jeffrey W. "Introducing Liberalism in International Relations Theory", *E-International Relations*, Feb. 18, 2018, retrieved from <https://www.e-ir.info/2018/02/18/introducing-liberalism-in-international-relations-theory/>, accessed January 21, 2025
 19. Mitra, Joy. "Russia, China and Pakistan: An Emerging New Axis?" *The Diplomat*, August 18, 2015, retrieved from <http://thediplomat.com/2015/08/russia-china-and-pakistan-an-emerging-new-axis/>, accessed 13/9/017
 20. Morozov, Vladimir and Andrew Korybko. "Pakistan's Role in Russia's Greater Eurasian Partnership," *Russian International Affairs Council*, June, 2020, <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/pakistan-s-role-in-russia-s-greater-eurasian-partnership/>, accessed January 17, 2025
 21. Pant, Harsh V. and Shivam Shikhawar. "Back to Kabul", *Observer Research Foundation*, January 18, 2025, retrieved from <https://www.orfonline.org/research/back-to-kabul> accessed January 21, 2025
 22. Ramani, Samuel. "What Driving Russia-Pakistan Cooperation on Afghanistan", *The Diplomat*, May 09, 2017, retrieved from <https://thediplomat.com/2017/05/whats-driving-russia-pakistan-cooperation-on-afghanistan/> accessed January 16, 2025.
 24. Saeeda et al., "The Frontier Policy", *The Dialogue*, 16 (1), *January-March 2021*, retrieved from <https://www.academia.edu/45611762/>

- The_Frontier_Policy, accessed January 16, 2025.
25. Shah, Murtaza Ali. "Pakistan Army has reversed Great Game: report", *The News*, 8 September 2018, https://www.thenews.com.pk/print/365389-pak-army-has-reversed-great-game-report?fbclid=IwAR3LH_YYa9F3rjWiAZcfzC7M564wmldsNIIndFKUqzmFsmE5p_nEk_OueJ44, accessed January 16, 2025
 26. Stobdan, P. *Russia's New Game Plan*. New Delhi: Institute for Defence Studies and Analyses, 2015, https://www.files.ethz.ch/isn/193779/IB_pstobdan_180915.pdf, accessed January 18, 2025
 27. Trubetzkoy, Nikolai Sergeyevich. *The Legacy of Genghis Khan and Other Essays on Russia's identity*. ed. Anatoly Liberman (Michigan: Slavic Publications, 1991[1925]): 220
 28. Wang, Yuzhu. "Hedging Strategy: Concept, Behavior, and Implications for China-ASEAN Relations", *East Asian Affairs*, Vol 1 No. 2, 2021, retrieved from <https://doi.org/10.1142/S2737557921500121>, accessed January 18, 2025
 29. Zia, M. Sarmad. "Pak-Russia Defense Relations." *The Nation*. Islamabad, March 27, 2017, retrieved from <https://www.nation.com.pk/27-Mar-2017/pak-russia-defense-relations>, accessed January 18, 2025.
 30. Pulipaka, Sanjay. "Russia's New Approach to Pakistan: All About Arms Sales," *The Diplomat*, September 28, 2016, [https://thediplomat.com/2016/09/russias-new-](https://thediplomat.com/2016/09/russias-new-approach-to-pakistan-all-about-arms-sales/)

[approach-to-pakistan-all-about-arms-sales/](https://thediplomat.com/2016/09/russias-new-approach-to-pakistan-all-about-arms-sales/), accessed January 22, 2025

Сведения об авторе

Шабир Ахмад Хан,

Профессор, Центр региональных исследований (Россия, Китай и Средняя Азия),
Пешаварский университет

shabirasc15@uop.edu.pk

Information about the Author

Shabir Ahmad Khan,

Professor,
PhD in Central Asian Studies,
Area Study Centre (Russia, China & Central Asia)

University of Peshawar
shabirasc15@uop.edu.pk

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.03.2025.

Одобрена после рецензирования: 02.04.2025.

Принята к публикации: 10.04.2025.

Information about the article

The article was submitted 25.03.2025

Approved after reviewing 02.04.2025

Accepted for publication 10.04.2025

КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

АССОЦИАЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ПФО

ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ КФУ

Уважаемые коллеги!

**Приглашаем Вас опубликовать результаты Ваших научных трудов в нашем издании
«СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / MODERN ORIENTAL STUDIES»**

«Современные востоковедческие исследования» — международный периодический журнал открытого доступа. Целью нашего научного издания является освещения основных научных достижений в области восточной филологии, истории, культуры и философии Востока.

К публикации в журнале принимаются наиболее значимые научные труды, соответствующие тематике, обладающие научной новизной и содержащие материалы собственных научных исследований автора. В журнал принимаются статьи на 8 языках: русском, английском, китайском, турецком, арабском, японском, корейском, вьетнамском.

На основании распоряжения Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 20 июля 2022 г. №314-р журнал включен в Перечень ВАК по 5 научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки);
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки);
- 5.7.2. История философии (философские науки);
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (китайский и турецкий языки) (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнитель-

но-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Публикация в научном журнале бесплатная. Принимаются ранее не опубликованные научные статьи, обзорные статьи, рецензии, информационные материалы, соответствующие направлениям рецензируемого научного издания (оригинальность научных работ должна составлять не менее 75%).

Все научные статьи, поступившие в редакцию журнала, проходят обязательное слепое рецензирование. Статьи, получившие отрицательную рецензию, снимаются с публикации.

Периодичность выхода журнала: 4 номера в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Выпуски журнала размещаются в базах РИНЦ (www.elibrary.ru) на основании лицензионного договора с Научной электронной библиотекой, РГБ, ТАСС, Cyberleninka.

Журнал издается с соблюдением всех требований Высшей аттестационной комиссии с целью последующего включения его в перечень ВАК.

Требования к оформлению работ и порядок приема статей прилагаются.

Готовые статьи принимаются только на адрес Редакционной коллегии журнала:

modernorientalstudies@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

INFORMATION FOR AUTHORS

1. Тип рукописи: научная статья; обзорная статья; редакционная статья; персоналии; рецензия на книгу; рецензия на статью; обзор научной конференции; редакторская заметка; перевод письменного памятника.

2. УДК шифр (обязательно).

3. Заглавие рукописи. Расположение по центру, шрифт полужирный, прописные буквы. В конце заглавия точка НЕ ставится.

В качестве заглавия рецензии может быть приведена библиографическая запись на рецензируемый ресурс. При публикации статьи частями в нескольких выпусках издания части должны быть пронумерованы, и у всех частей следует указывать общее заглавие статьи. Если части имеют, помимо общего, частное заглавие, то его приводят после обозначения и номера части.

4. Автор/ авторы статьи. Данные указываются полностью, в точной последовательности: имя, отчество, фамилия. Расположение по ширине, шрифт полужирный. В случае, если у статьи несколько авторов, их данные указываются в выбранном авторами порядке, через запятую.

5. Название учреждения. Необходимо привести официальное название учреждения (в соответствии с наименованием,

указанным в уставных документах организации, без сокращений и без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т. п.)). Добавить **город**, где находится учреждение, **страну**.

В случае, если в написании статьи принимали участие несколько авторов, необходимо указать их данные, используя цифровые индексы в верхнем регистре ⁽¹⁾ после фамилии соответствующих авторов и перед названиями аффилированных с ними учреждений. Если у авторов одно и то же место работы, учёбы, то эти сведения приводятся один раз.

6. Каждому автору необходимо указать свой **e-mail** и **идентификационный номер ORCID**. В конце ORCID точка НЕ ставится. Возможно приведение электронного адреса только одного автора, с которым планируется переписка, или отдельное указание автора для корреспонденции по форме: «Автор, ответственный за переписку:» (“Corresponding author:”).

7. Аннотация должна содержать данные об актуальности, цели, материалах и методах, результатах и выводах исследования. Объем аннотации 100-250 слов.

8. Ключевые слова (от 5 до 10 слов). Расположение по степени значимости

каждого слова, при их перечислении ставится запятая, в конце перечисления точка НЕ ставится.

9. Размещение дополнительной информации: о спонсорстве, благодарностей — по желанию автора / авторов.

10. Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи. *Современные востоковедческие исследования.*

11. Тип рукописи на английском языке: научная статья; обзорная статья; редакционная статья; персоналии; рецензия на книгу; рецензия на статью; обзор научной конференции; редакторская заметка; перевод письменного памятника.

12. Название статьи на английском языке. Расположение по центру, шрифт полужирный, прописные буквы. В конце заглавия точка НЕ ставится.

13. Автор / авторы статьи на английском языке. Данные необходимо указывать в соответствии с заграничным паспортом или так, как указывалось в ранее опубликованных статьях. *Пример: Ivan P. Ivanov*

14. Название учреждения на английском языке. Необходимо указать официальное англоязычное название учреждения без сокращений и указания организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т. п.)). Добавить **город**, где находится учреждение, **страну**.

В случае, если в написании статьи принимали участие несколько авторов, необходимо указать их данные, используя цифровые индексы в верхнем регистре ⁽¹⁾ после фамилии соответствующих авторов и перед названиями аффилированных с ними учреждений. Если у авторов одно и то же место работы, учёбы, то эти сведения приводятся один раз.

15. Abstract. Содержание аннотации на английском языке должно соответствовать русскоязычному тексту.

16. Keywords (от 5 до 10 слов). Расположение по степени значимости каждого слова, при их перечислении ставится запятая, в конце перечисления точка НЕ ставится.

17. Размещение дополнительной информации на английском языке: о финансировании (funding / financial support), благодарностей (acknowledgements) — по желанию автора / авторов, в соответствии с русскоязычным текстом.

18. For citation. Фамилия И.О. (на английском языке, в соответствии с заграничным паспортом или так, как указывалось в ранее опубликованных статьях) Название статьи на английском языке. *Modern oriental science.*

19. Полный текст (на русском или английском языках) должен быть структурированным по разделам. Структура полного текста рукописи, посвященной описанию результатов оригинальных исследований,

должна соответствовать общепринятому шаблону и содержать разделы: введение (актуальность), цель и задачи, материалы и методы, результаты, выводы, а также — по желанию автора — тематические подразделы.

20. Сведения о продолжении или окончании статьи указывают при её публикации частями в нескольких выпусках издания в конце каждой части, кроме последней, по форме: «Продолжение (окончание) следует». На странице с началом каждой последующей части статьи в подстрочном примечании или перед текстом ставят пометку «Продолжение (окончание)» и указывают номер (номера) выпуска (выпусков) издания, в котором (которых) были напечатаны предыдущие части статьи.

21. В статье могут быть внутритекстовые, подстрочные и затекстовые примечания. Внутритекстовые примечания помещают внутри основного текста статьи в круглых скобках. Подстрочные примечания помещают внизу соответствующей страницы текста статьи. Затекстовые примечания помещают после основного текста статьи перед «Списком источников» с предшествующим словом «Примечания».

22. Таблицы должны быть помещены в текст статьи и пронумерованы (Таблица 1 — Tabl. 1), иметь четко обозначенные графы, удобные и понятные для чтения. Названия следует давать курсивом на русском и английском языках. Данные таблицы должны соответствовать цифрам

в тексте, однако не должны дублировать представленную в нём информацию. Ссылки на таблицы в тексте обязательны.

23. Рисунки (графики, диаграммы, схемы, чертежи и другие иллюстрации, рисованные средствами MS Office) должны быть контрастными и четкими. Объем графического материала минимальный (за исключением работ, где это оправдано характером исследования). Каждый рисунок должен быть помещен в текст и сопровождаться нумерованной подрисунковой подписью курсивом на русском и английском языках (Рис. 1 – Fig. 1). Должен быть указан источник рисунка (например: издание, сайт, музей, фото автора). Ссылки на рисунки в тексте обязательны.

25. Ссылки в тексте — затекстовые. В списке все работы перечисляются в порядке цитирования, а не в алфавитном порядке!

⇒ Перечень затекстовых библиографических ссылок на русском языке помещают после основного текста статьи с предшествующими словами «Список источников».

⇒ Библиографические ссылки на монографии оформляются по примеру: Фамилия И.О. *Название монографии*. Город: издательство; год. Количество страниц в монографии.

⇒ Библиографические ссылки на статьи оформляются по примеру: Фамилия И.О. *Название статьи. Название журнала, где была издана статья*. Город: издательство; год. С. (страницы, на которых разме-

щена искомая статья).

⇒ В случае обращения к электронному ресурсу после вышеуказанных данных приводится <https://> (дата обращения:)

⇒ Если работа написана не на английском или русском языке, в скобках в сокращении необходимо указать её язык. Например: (на кит.яз).

⇒ В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные на русском языке, в скобках на языке оригинала: ФИО (иероглифика). Название работы (иероглифика).

26. References. Дополнительно приводят перечень затекстовых библиографических ссылок на латинице согласно выбранному стилю оформления перечня затекстовых библиографических ссылок Chicago, принятому в зарубежных изданиях.

⇒ Названия работ переводятся на английский язык, не транслитерируются. В названиях издательств используется транслитерация.

⇒ Если работа не на английском языке, в скобках в сокращении указывается её язык. Например: Roerich Yu. N. Mongol-Tibetan Relations in the XIII and XIV Centuries. *Philology and History of the Mongolian Peoples*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1958, pp. 333–346. (In Russ.)

⇒ В случае обращения к электронному ресурсу после вышеуказанных данных при-

водится <https://> (accessed:)

⇒ В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные только на английском языке.

27. Сведения об авторе / авторах. Указывается в статье после списка источников.

Фамилия Имя Отчество,

Сведения об ученой степени, звание, должность (в сокращенной форме)

Наименование организации

Адрес организации

Адрес электронной почты.

28. Information about the author / authors. Указывается в статье после списка источников.

Имя Отчество (сокращённо) Фамилия

Пример: Ivan P. Ivanov

Сведения об ученой степени, звание, должность (в сокращенной форме)

Наименование организации

Адрес организации

Адрес электронной почты.

29. Сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов, приводят в конце статьи после «Информации об авторах». Этим сведениям предшествуют слова «**Вклад авторов:**» («**Contribution of the authors:**»).

После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т. д.).

30. Сведения об отсутствии или наличии конфликта интересов и детализацию такого конфликта в случае его наличия приводят в конце статьи после «Информации об авторах». Если в статье приводят данные о вкладе каждого автора, то сведения об отсутствии или наличии конфликта интересов указывают после них.

Например:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

31. Сведения о дате поступления рукописи в редакцию издания, **дате одобрения** после рецензирования и **дате принятия** статьи к опубликованию приводят в конце статьи после всех других сведений.

Например:

Статья поступила в редакцию 06.12.2021;
одобрена после рецензирования 08.12.2021;
принята к публикации 14.12.2021.

The article was submitted 06.12.2021;
approved after reviewing 08.12.2021;
accepted for publication 14.12.2021.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ ARTICLE FORMATTING SAMPLE

Научная статья/другое

Исторические/другие науки

УДК _____

<https://doi.org/>_____

Название статьи

Федоров Антон Витальевич¹, Антонов Виталий Федорович²

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

²Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Автор, ответственный за переписку: fyodorovav@gmail.com

<https://orcid.org/>_____ (точка в конце не ставится)

Аннотация: Аннотация статьи должна содержать: актуальность, цель, материалы и методы, результаты, выводы; полностью соответствовать содержанию работы. **Объем текста 100-300 слов.**

Ключевые слова: (от 5 до 10 слов). Расположение по степени значимости каждого слова, при их перечислении ставится запятая, в конце перечисления точка НЕ ставится

Размещение дополнительной информации: о спонсорстве, благодарностей — по желанию автора / авторов.

Для цитирования: Федоров А.В., Антонов В.Ф. Название статьи. *Современные востоковедческие исследования*. Год; Том (номер). С. <https://doi.org/>_____

Original article/*other* History/*other* studies
<https://doi.org/>_____

The article title

Fyodorov A.V.¹, Antonov V.F.²

¹*Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia*

²*St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia*

Corresponding author: fyodorovav@gmail.com

<https://orcid.org/>_____

Abstract: Abstract of the article is required to contain: relevance, purpose, materials and methods, results, conclusions; it should be fully consistent with the content of the work. **The volume of an abstract is 100-300 words.**

Keywords: Up to 10 keywords, starting with the most significant ones. When listing them, a comma is put, at the end of the listing, a dot is NOT put

funding / financial support/ acknowledgements: up to the author request

For citation: Fyodorov A.V., Antonov V.F. The article title *Modern Oriental Studies*. Year; Volume (№). P. (In Russ. / *other*) <https://doi.org/>

Текст работы /Full text:

Табл.1. Название таблицы.

Table 1. Table's name.

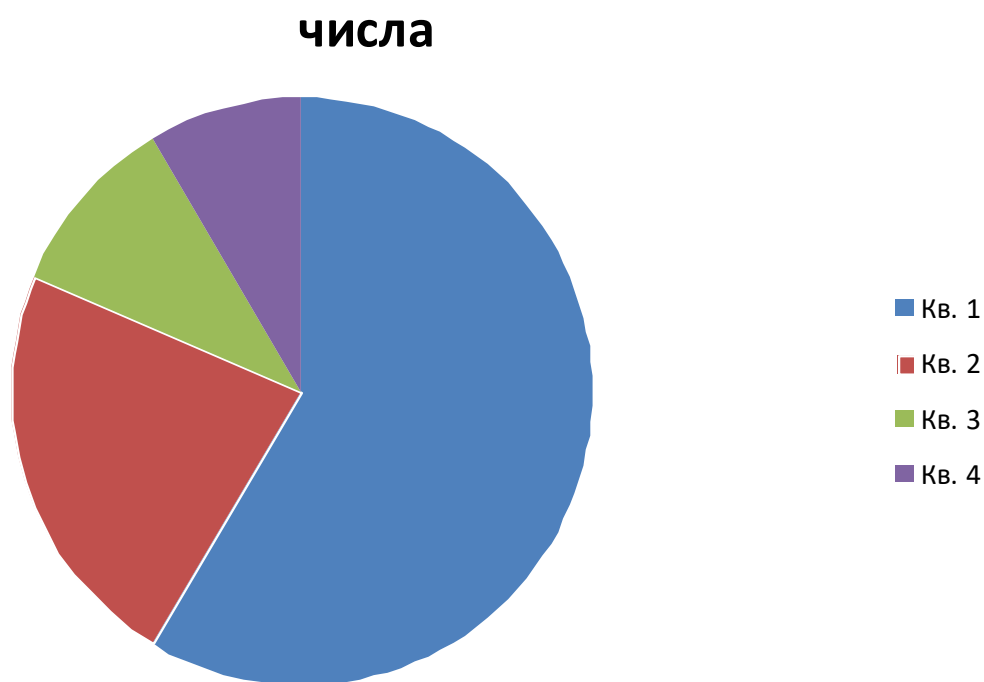

Рис.1. Название рисунка.

Fig. 1. Figure's name.

Список литературы / References:

Список литературы оформляется в соответствии с Чикагским стилем цитирования.

!В списке все работы перечисляются в порядке цитирования, а не в алфавитном порядке!

Внутритекстовые ссылки: текст [Фамилия автора/авторов, год, № страницы]. Пример:
текст [Мартынов, 2021, 56].

Примеры оформления ссылок для списка литературы:

Книги:

Фишер Р.Е. *Искусство буддизма*. Москва: СЛОВО, 2001.

Периодические печатные издания:

Мартынов Д.Е. Персиваль Лоуэлл как исследователь японской культуры. *Учёные записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки*. 2017; Т.159 (6). С. 1472-1486.

Электронный ресурс:

В случае обращения к электронному ресурсу, после вышеуказанных данных прибавляется

<https://> (дата обращения:)

Мартынов Д.Е. Персиваль Лоуэлл как исследователь японской культуры. *Учёные записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки*. 2017; Т.159 (6). С. 1472-1486. <https://> (дата обращения 31.10.2021)

Если работа написана не на английском или русском языке, в скобках в сокращении необходимо указать её язык. Например: (на кит.яз).

В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные на русском языке, в скобках на языке оригинала: ФИО (иероглифика). Название работы (иероглифика).

Лю Жомэй. (柳若梅) Исследование хранящейся в России копии «Истории государства Российского», переведенной при династии Цин. (俄藏中国清代稿抄本«罗西亚国史»研究) *Россия-Китай: история и культура*. 2022. С. 164-174 (на кит.яз.)

Список «**References**» формируется в том же порядке, что и список литературы.

Названия работ переводятся на английский язык, не транслитерируются. В названиях издательств используется транслитерация

Если работа не на английском языке, в скобках в сокращении указывается её язык:

Roerich Yu. N. Mongol-Tibetan Relations in the XIII and XIV Centuries. *Philology and History of the Mongolian Peoples*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1958, pp. 333–346. (In Russ.)

В случае обращения к электронному ресурсу после вышеуказанных данных прибавляется

Roerich Yu. N. Mongol-Tibetan Relations in the XIII and XIV Centuries. *Philology and History of the Mongolian Peoples*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1958, pp. 333–346. <https://> (accessed:31.10.2021) (In Russ.)

В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные только на английском языке.

Сведения об авторе / авторах.

Фамилия Имя Отчество,

Сведения об ученой степени, звание, должность (в сокращенной форме)

Наименование организации

Адрес организации

Адрес электронной почты

Information about the author / authors.

(Указывается в статье после списка источников)

Name

Degree, position

Organization

Mailing address

e-mail

Информация о статье

Поступила в редакцию: _____.

Одобрена после рецензирования: _____.

Принята к публикации: _____.

Information about the article

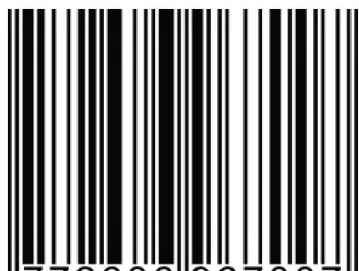
The article was submitted _____;

Approved after reviewing _____;

Accepted for publication _____.

[illegible]

ISSN 2686-9675

9 772686 967007 >